

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

В.ЧАПЛИНА
ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

В. Саблина

В.ЧАПЛИНА

ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1988

P2
Ч-19

Оформление
Т ВАСИЛЬЕВОЙ

Фотографии
А АНЖАНОВА

Чистка - Joker2156

Чаплина В. В.

Ч-19 Питомцы Зоопарка. Рассказы / Оформл. Т. Васильевой.— М.: Дет. лит., 1988—175 с., ил.— (Школьная б-ка).

В пер 55 к

Рассказы известной детской писательницы о животных, которые жили в Зоопарке

Ч 4803010102—054 363—88
М101(03)88

P2

ISBN 5-08-001126-2

Посвящаю эту книгу кружку юных
биологов Московского зоопарка

Автор

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Всю жизнь я очень любила животных, и сколько себя помню, всегда у меня воспитывались какие-нибудь птенцы, щенята, зайчата...

Мне нравилось, когда меня дома встречали раскрытые рты галчат, сорок, когда серенькие желторотые воробьишки не улетали от протянутой руки, а зайчата смело прыгали ко мне на колени.

В шестнадцать лет я поступила в кружок юных биологов Зоопарка. Руководил этим кружком известный натуралист и большой любитель природы Пётр Александрович Мантейфель. Он учил нас любить животных, беречь и изучать природу.

Наш кружок был небольшой и очень дружный. Мы помогали служителям убирать клетки, кормить зверей и птиц, научным сотрудникам — наблюдать животных, записывали в дневники их поведение, взвешивали звериных малышей и следили за их ростом

В то время Зоопарк был совсем не такой, как сейчас. Помещения, в которых находились животные, были тесные, неудобные. Многие клетки пустовали, потому что зверей и птиц было очень мало.

Но вот с конца 1924 года Зоопарк начал пополняться животными. Их привозили большими партиями со всех частей света. Им уже не хватало места, и везде, где возможно, стали строить новые загоны, клетки, а старые расширять и делать удобней.

В то же время приступили к постройке Новой территории Зоопарка. Новой она была и по своему устройству. Для диких коз там делали большие загоны с искусственными горами, для хищников — просторные выгулы, где глубокий ров, наполненный водою, заменял решётку, а стены примыкали к высокому, похожему на скалу помещению, внутри которого находились клетки.

Все эти сооружения росли на наших глазах. Каждый камешек был знаком нам, членам кружка юных биологов, и в свободное время все мы старались хоть чем-нибудь помочь Зоопарку.

Конечно, мы не могли участвовать в постройке помещений, но зато немало сделали, чтобы озеленить все свободные площадки парка, засадить их деревьями и кустами.

Если вы сейчас пойдёте на Новую территорию Зоопарка, то увидите там небольшое болотце. Раньше на этом месте была низина, покрытая травой и редкими кустами. Потом нам предложили сделать из неё болото. Сделать болото! Это звучит даже странно. Мы привыкли слышать, что у нас в СССР осушают тысячи гектаров болотистой почвы, а тут вдруг сделать болото, да ещё в Москве! Однако нам не показалось это странным.

Через несколько дней мы уже собрались, взяли с собой мешки, лопаты, вёдра и поехали на Царицынские пруды. Там осторожно, чтобы не потревожить корни, выкапывали кочки, заросшие осокой, камышом или плакун-травой, обёртывали их сырыми мешками, укладывали на машины и привозили в Зоопарк.

При посадке зелени на новом месте каждый из ребят имел свой участок. И вот на отмелях будущего болота мы начали устанавливать и укреплять кочки. Это было очень трудно, гораздо труднее, чем сажать самые нежные цветы.

Осторожно и терпеливо высаживали мы их на искусственно сделанные возвышенности, обкладывали дёрном и по нескольку раз в день поливали водой. Потрудились мы немало. Зато сколько было радости, когда вся зелень прижилась и низину залили водой! Она стала выглядеть, как настоящее болото, и в этот, пожалуй, самый красивый уголок Зоопарка перевели длинноногих цапель, розовых фламинго, лысух и многих других птиц.

Когда Новая территория была достроена, её стали заполнять разными животными. Перевезли на Турью горку яков, туров, козерогов, на Полярный мир — белых медведей, песцов, а на Остров зверей — тигров, медведей, волков и других хищников.

Поместили хищников сначала в клетках, расположенных во внутренней части острова, — оттуда были выходы в просторные выгулы. Но прежде чем открыть Зоопарк, нужно было выпустить зверей и проверить, не могут ли они перепрыгнуть ров. Сделать это нужно было на рассвете, когда город спал.

В день выпуска зверей мало кто из сотрудников пошёл домой. Я же хотя и ушла, но волновалась — боялась проспать, и в три часа ночи пошла обратно. Пришла рано, но все уже были в сборе.

Первым открыли дверь тиграм. Пять огромных полосатых кошек осторожно сделали несколько шагов и сели. Они никогда не знали свободы. Рождённым в неволе и выросшим на деревянном полу клетки, им было незнакомо ощущение земли. Как маленькие беспомощные котятка, дрожали от страха эти сильные, большие звери. Но постепенно они освоились и стали искать выход. Поднимались на задние лапы, обнюхивали стены, пробовали прыгать через ров. Но перепрыгнуть его не могли. Попадали в воду, фыркали, спешили скорей выбраться на сушу: их пугала не только ширина рва, но и низкая температура воды. Оставив на всякий случай около тигров дежурных, мы пошли выпускать барсов.

Их было два. Обоих совсем недавно привезли из Средней Азии. Поймали барсов в капкан, и один из них остался хро-

мым. Выгнать барсов из помещения оказалось очень трудно. Они забились в угол клетки и никак не хотели выходить.

Наконец после долгих усилий одного удалось выгнать.

Очутившись на открытой площадке, он весь съёжился. Увидев людей, зашипел, прижался к земле и вдруг легко, словно по дорожке знакомых гор, взбежал по крутой стене. Всё это случилось очень быстро. Так быстро, что никто не успел помешать зверю следующим прыжком очутиться на скале, где он скрылся в чердачном окне Острова зверей. Через несколько минут все окна были забиты. Поймали барса лишь на следующий день. Однако после побега его пришлось посадить в прежнюю клетку, а в загон барсов поместили волков.

Но вот наконец всё было готово. Клетки, загоны и выгулы заполнены животными. Свежим жёлтым песком посыпаны дорожки парка, по которым ещё не ступала нога посетителя. А вот и сами мы, гордые, счастливые помощники, широко распахиваем ворота Зоопарка и встречаем тех, кто пришёл сегодня к нам первым.

Так открылся новый Зоопарк и новые возможности для работы.

Ещё и раньше в Зоопарке велись большие научные работы. Но теперь Зоопарк не хранил их в тайне, как было принято до революции, а, наоборот, делился своими успехами с другими зоопарками и зверосовхозами. Ведь совсем недавно, самая богатая пушными зверями, наша страна была и самой отсталой. Зверей выбивали промышленники и продавали купцам, которые были заинтересованы лишь в мясе и шкуре животных, а не в их разведении и охране. Так был истреблён зубр, населявший леса Кавказа. Быстро убывали соболь, бобр, лось и многие другие животные. Теперь совсем не то. Сейчас не только сохраняют полезных зверей, птиц и рыб, но и расселяют их в те места, где они раньше не водились.

Так, например, Крым заселили нашей обыкновенной белкой. Уссурийского енота привезли с Дальнего Востока в нашу среднюю полосу. Вновь разводят на Кавказе выбитых там раньше зубров, а лосей теперь столько, что их совсем нередко можно встретить в лесах около самой Москвы.

Для того чтобы расселять или разводить животных, нужно хорошо знать их жизнь. Особенно это важно, если зверь или птица содержится в неволе. Ведь на воле условия жизни складываются так, что животные сами могут достать нужный корм и устроить необходимое жилище. В неволе дело другое. В неволе кормит их человек, и нужно знать, как правильно кормить животных.

Давать им всё время один и тот же корм нельзя. Получая однообразный корм, животные часто болеют, не размножаются. Чтобы этого не было, всё крылатое и четвероногое население Зоопарка получает самые разнообразные корма.

Весной, летом, осенью и зимой — четыре раза в год — зоотехники составляют новое меню для своих питомцев. Специальная лаборатория проверяет питательность кормов.

По Советскому Союзу разбросано много зверосовхозов. Зверосовхоз — это питомник пушных зверей. В длинных рядах клеток разводятся такие ценные звери, как соболь, серебристо-чёрная лисица, песец, норка... Но не всегда удаётся вырастить от них молодняк. Диких животных беспокоит всё: непривычный шум, люди... Они стараются унести своих детёнышей от «опасности»: берут малыша в зубы и бегают с ним по клетке, как бы ища место, куда его спрятать. Бегают час, два, три, пока не затакают насмерть, а потом бросают и берут другого.

Вот почему зверосовхозы строят подальше от города и от непривычного для зверя шума. Ходить туда без дела нельзя. Чтобы не тревожить животных, их наблюдают с вышек, откуда хорошо видно, что делается в клетках, и люди на этих вышках дежурят круглые сутки.

В Зоопарке тоже проводят за животными наблюдения, но вышек там нет. В Зоопарке звери привыкли к людям и не так их боятся. Например, соболи: служители свободно заходят к ним в клетку, ловят их, взвешивают, измеряют. В Зоопарке мимо клеток с кормящими матерями проходят тысячи посетителей. Однако это не пугает зверей. И они выкармливают своих детёнышей не хуже, чем на воле.

В Зоопарке следят за развитием молодняка, и в этой работе немало помогают ребята из кружка юных биологов. Каж-

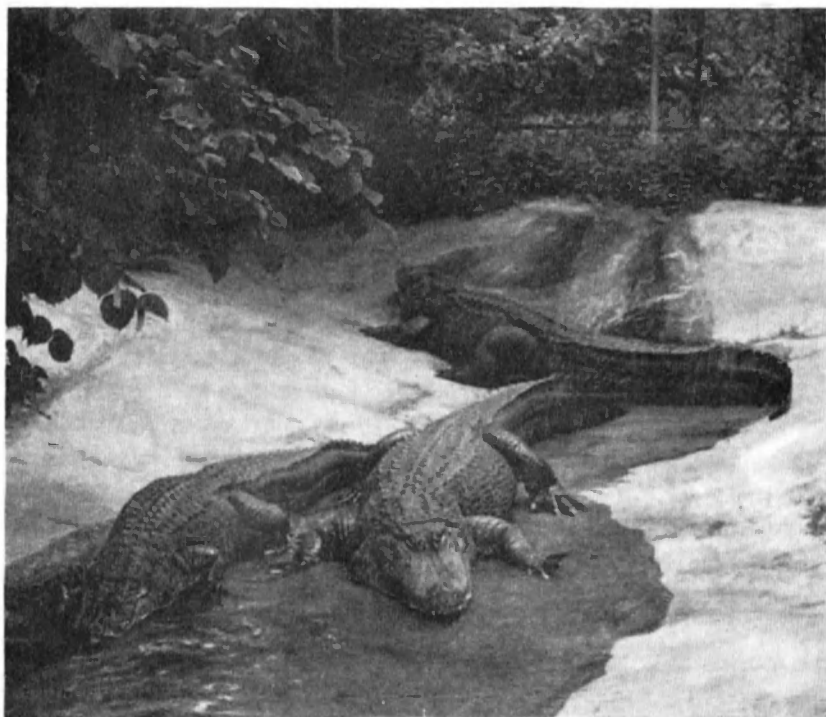
дому даётся такая работа, которая его больше интересует. Одному нравится изучать рыб, другого интересуют птицы, их жизнь, повадки... Мне же всегда нравились хищники, воспитание их с самого маленького возраста и приручение.

Помню, сколько нового и интересного узнала я в Зоопарке: какими рождаются барсучата, соболята, дикобразы, как растёт весь этот молодняк, как изменяются повадки животных... И каких только у меня не было звериных малышей, начиная от маленького, чуть больше напёрстка, бельчонка и кончая львятами, тигрятами, росомахами! А как обрадовалась я, когда в 1933 году меня назначили заведующей молодняком Зоопарка!

Это было очень трудным делом. Можно было достать книгу, где написано, как выкормить телёнка, но как выкормить детёныша росомахи или рысёнка, не написано нигде. Приходилось нередко учиться на своих же ошибках.

Звериные малыши находились в самых разных концах Зоопарка. Надо было тратить много времени на беготню от одной клетки к другой. И вот тогда мне пришла мысль устроить в Зоопарке специальную площадку, на которой можно было бы не только воспитывать здоровый и крепкий молодняк, но и сделать так, чтобы разные животные мирно уживались друг с другом.

Дирекция Зоопарка одобрила мой план и включила «площадку» в строительство. В этом деле мне очень помогли служители, зоотехник Липа Панёвина, практикантка Вита Остаевич. Немало пришлось нам поломать голову, как устроить эту первую площадку. Немало волнений и тревог было пережито нами. Зато сейчас, когда все трудности и бессонные ночи далеко позади, сколько приятных и дорогих воспоминаний осталось у меня о тех звериных малышах, которые когда-то воспитывались на площадке молодняка Зоопарка!

КРОКОДИЛЫ

ПОСЫЛКА

В террариум Зоопарка принесли посылку. Это был небольшой фанерный ящичек, а на крышке, кроме адреса, ещё надпись: «Открывать осторожно!» Впрочем, заведующая террариумом Зоя Николаевна и без этой надписи знала, что каждую пришедшую сюда посылку нельзя открывать сразу. Ведь питомцами Зои Николаевны были не только безобидные лягушки, ящерицы или ужи, но и самые ядовитые змеи. Одно-го укуса такой змеи достаточно, чтобы человек от него погиб. И кто мог знать, какой сюрприз находится в посылке!

там, чтобы последить, как будут себя вести на новом месте крокодильчики.

Впрочем, вели они себя одинаково. Не успела Мария Христофоровна их выпустить, как раздалось «бульк, бульк, бульк», и все крокодильчики в одно мгновение скрылись под водой. Нырнув, они затаились на дне противня, совсем как это делали взрослые крокодилы.

Затаившись, крокодильчики сидели под водой очень долго. Когда же Мария Христофоровна и Зоя Николаевна отошли в сторону, один из них, очевидно самый смелый, высунул голову и стал осматриваться. Следом за ним показалось ещё восемь головок. Затем один за другим крокодильчики начали осторожно вылезать на сушу поближе к свету и теплу от рефлектора.

ПО ЧАСАМ

Первое время крокодилята вели себя очень трусливо. Они боялись всего и всех. Стоило хлопнуть дверью, что-нибудь сказать или просто подойти к стеклу, как они всей стайкой бросались в воду, опускали головки и даже закрывали глаза. Если же один из крокодилят не успевал за собратьями и оставался на суше, он издавал звук, похожий на тонкое посвистывание утёнка. Такой звук, как заметила Мария Христофоровна, означал испуг.

С крокодилятами было возни немало. Даже ночью приходилось дежурить, чтобы следить за градусником в их помещении и в воде, чтобы вовремя выключить или, наоборот, включить обогревы.

Не меньше хлопот было и с кормлением. Одни стали есть сразу, других пришлось кормить силком. И хотя крокодильчики были совсем маленькие и их рост был всего семнадцать сантиметров, справиться с этими живыми «сантиметрами» было не так-то легко.

Особенно трудным было запомнить и отличить тех двух упрямец, которые никак не желали принимать пищу. Но Мария Христофоровна по приметам, известным только ей одной,

всё же ухитрялась распознавать своих питомцев. Осторожно, когда крокодильчики отдыхали под рефлектором, она высматривала нужного и ловко выхватывала его из стайки. Да и взять-то надо было умело, с таким расчётом, чтобы они не могли повернуться и укусить за палец. Ведь крокодильчики хоть и маленькие, а кусались больно.

А сколько нужно было терпения, чтобы в эту маленькую пасть засунуть крохотного малька рыбы и заставить проглотить! Надо взять крокодилёнка, подолгу гладить пальцем около челюсти, прежде чем он успокоится, откроет пасть и даст возможность положить себе кусочек пищи. Однако и это совсем не значило, что положенный с таким трудом кусочек будет проглочен. Чаще всего упрямец его выплёвывал, и всё приходилось начинать сначала. Иногда это повторялось по многу раз, прежде чем был проглочен хоть один кусочек. Но у Марии Христофоровны терпения хватало, и, может быть, поэтому через неделю все крокодильчики уже ели сами, и за их жизнь теперь опасаться не приходилось.

Держались крокодильчики всегда стайкой. Стайкой и отдыхали на берегу. Но стоило одному испустить тревожный писк, как тотчас все бросались в воду. Впрочем, Марии Христофоровны они уже не пугались. Когда она открывала дверцу, они дружной гурьбой кидались на брошенные им кусочки мяса, с жадностью теребили и глотали их.

Случалось, что за кусочек побольше хватались сразу два, а то и три крокодильчика. Но ни разу не было, чтобы кто-нибудь из схвативших добычу уступил другому. Каждый тащил к себе или, вдруг вытянувшись во весь рост, словно веретено, начинал вертеться вокруг себя и вертелся до тех пор, пока не «откручивал» кусочек пищи.

Кормила своих питомцев Мария Христофоровна всегда в одно и то же время. Но вот однажды режим пришлось нарушить. В этот день в террариум должна была прийти экскурсия учителей. Марии Христофоровне очень хотелось им показать, как она кормит крокодильчиков. Правда, для этого нужно было пропустить час их кормления. Но Мария Христофоровна думала, что вряд ли малыши заметят это.

Однако на деле получилось совсем не так. Оказывается, крокодильчики отлично знали положенное им время кормёжки и, когда этот час прошёл, стали проявлять все признаки беспокойства. Сначала оно выразилось в том, что крокодильчики всё чаще и чаще поднимали головки, поглядывая в сторону дверцы, откуда обычно давали им пищу. Но дверца не открывалась. Наконец, когда пришла экскурсия, терпение крокодилят достигло предела. Все девять штук столпились около самой дверцы, а некоторые даже царапали лапками стекло. Мария Христофоровна взяла корм и подошла к дверце. Но прежде чем открыть её, она подставила фартук. Такая предусмотрительность оказалась не лишней. Едва Мария Христофоровна открыла дверцу, как все крокодильчики посыпались к ней в фартук. Служительница водворила на место крокодильчиков, и они с жадностью набросились на еду.

СОПЕРНИКИ

Сначала все крокодильчики росли и развивались одинаково. Но уже через несколько месяцев стала заметна разница: одни росли быстрее, другие медленнее, а к концу года разница была так велика, что можно было подумать, будто они из разных выводков.

Изменилось и поведение. Особенно после того, как уже сильно подросших крокодилов перевели в другое помещение, с настоящим просторным водоёмом. Здесь крокодилы хоть и держались по-прежнему стаяй, но во время кормёжки не хватали мясо одновременно. Тот, кто был сильнее, брал мясо раньше, а кто слабее — позже.

На новом месте постепенно выявился и вожак. Им оказался самый крупный крокодил с меткой на лбу в виде якоря, по кличке Матрос. Он был не только самым крупным, но и самым сильным и, когда бросали мясо, всегда брал кусок первым. К счастью, у Матроса характер оказался довольно покладистый, и хотя он брал кусок первым, но у других не отнимал и никого не обижал.

Зато другой крокодил, которого из-за очень тёмного цвета прозвали Чёрный, обладал необыкновенно злобным нравом. Даже служительницу, которая в выходные дни заменяла Марию Христофоровну, он всегда встречал злобным шипением. Все крокодилы отлично понимали слова «на место» и послушно выходили из бассейна, чтобы дать возможность его промыть и напустить свежей воды. Один только Чёрный не слушался, всячески сопротивляясь, а когда его всё-таки выпихивали метлой, иногда по нескольку раз пытался вернуться.

Слушался Чёрный, хотя и неохотно, одну лишь Марию Христофоровну, и то после того случая, когда они изрядно сразились. А получилось это так. Однажды он никак не хотел покинуть бассейн, несмотря на все ухищрения служительницы. Тогда Мария Христофоровна выпустила из водоёма воду, взяла метлу, вошла в помещение. Увидев Марию Христофоровну, крокодил немного попятился, но не ушёл, а, злобно шипя, уставился своими бесцветными глазами на вошедшую.

— Иди на место,— сказала несколько раз внятно и строго Мария Христофоровна.

Она видела, что крокодил понимает, что от него требуется, но просто не хочет слушаться. Надо было обязательно сломить это упрямство, так как иначе злобное животное совсем выйдет из повиновения.

Мария Христофоровна взяла метлу и стала выпихивать Чёрного из водоёма. Крокодил сопротивлялся как только мог. Он бил хвостом, упирался, несколько раз, извернувшись, хватал зубами метлу и с силой вырывал её из рук Марии Христофоровны. Но она тут же брала другую и опять продолжала выпихивать упряма. Наконец, устав, а быть может, поняв, что сопротивление бесполезно, Чёрный отступил. Злобно шипя и пятясь, он нехотя вылез из бассейна.

После нескольких таких случаев Чёрный стал более послушным. Правда, в основном он подчинялся лишь Марии Христофоровне и слушался только её, однако во время кормления держался по-прежнему злобно. Старался схватить кусок первым, отнять у другого или при любой возможности затеять драку. Дрался он со всеми, кроме Матроса. Очевидно, Чёрный

чувствовал в нём силу и очень нехотя, но всё же ему уступал. Однако соперничество за первое место чувствовалось. Чёрный вёл себя всё более и более вызывающе. Огрызаясь, он даже перестал уступать дорогу, когда мимо проползал Матрос, или пытался излить свою злобу на более слабых собратьях. И если до сих пор схватка не произошла, то только благодаря миролюбивому характеру Матроса, который словно не замечал задиристого соперника. Но вот однажды, когда Мария Христофоровна находилась в служебной комнате, она вдруг услышала страшный рёв, удары и звон разбитого стекла. Вбежала перепуганная дежурная.

— Мария Христофоровна... крокодилы!..

Но Мария Христофоровна даже не стала дослушивать. Она сразу догадалась, в чём дело. Схватила первую попавшуюся под руку палку и выбежала из комнаты.

В помещении с крокодилами шёл бой не на жизнь, а на смерть. В смертельной схватке, вцепившись друг в друга, катались два крокодила. Это были Матрос и Чёрный. Открыв дрожащими руками дверцу, Мария Христофоровна напрасно пыталась их разнять. Она даже не могла разобрать, кто кого кусает, а палка, которую она попробовала сунуть между ними, разлетелась в куски. Драка кончилась так же неожиданно, как и началась. По тому, как, хромя, отбежал в угол Чёрный, Мария Христофоровна поняла, что победа осталась за Матросом. Преследовать побеждённого соперника Матрос не стал. Он погрузился в воду и сразу успокоился.

После этой драки Чёрный заметно притих. Очевидно, он признал силу своего противника и больше его не задирает.

НА ЛЕТНЮЮ КВАРТИРУ

Около Острова зверей, в котором помещался террариум, находилось летнее помещение для крокодилов. Оно было просторное, с хорошим водоёмом, а вместо решётки — стекло. Переводили их в это помещение летом, как только устанавливалась тёплая погода. Пока крокодилы были маленькие, это

сделать было очень просто, но с каждым годом они подрастали, становились сильнее, и справиться с ними было все трудней и трудней. А когда им исполнилось четыре года и каждый из них стал в длину не меньше двух метров, а весом почти 200 килограммов, тут, уж конечно, приходилось очень и очень подумать, как же их теперь перевести.

Сначала думали, что, как и всегда, сачком. Но чтобы поймать двухметрового крокодила, нужен был сачок не меньший. К тому же справиться с крокодилами в тесном помещении тоже нелегко.

Долго думала Мария Христофоровна, как бы получше перевести своих питомцев. Потом вспомнила: ведь, как и все хладнокровные, крокодилы были очень чувствительны к самому незначительному изменению температуры. Чуть прохладно — они уже вялые, неподвижные, отказываются от пищи, зато, если жарко, сразу оживляются, становятся подвижные, быстрые и с жадностью хватают брошенное им мясо.

«А что, если выстудить помещение? — подумала Мария Христофоровна. — Тогда их и взять будет легче».

Своими мыслями она поделилась с зоотехником и заведующей.

— Что же, неплохая идея, — согласились обе. — Можно попробовать.

И вот за день до перевода в летнее помещение у крокодилов выключили отопление и все дополнительные обогревы. Всю ночь Мария Христофоровна не спала, волновалась, а утром, чуть свет, поспешила на работу. Когда же подходила к террариуму, её догнала Мария Михайловна, а около самых дверей ждала Зоя Николаевна. Встретившись так неожиданно, они даже не спросили друг друга о причине столь раннего прихода. Все три женщины быстро поднялись по лестнице и открыли террариум. Первым делом они пошли посмотреть крокодилов. Все крокодилы лежали неподвижно.

Мария Христофоровна окликнула Матроса, но он даже не повернул головы в её сторону, а ведь слух у крокодилов очень хороший. Они прекрасно слышат даже в то время, когда лежат под водой. Стоило Марии Христофоровне войти в поме-

щение и заговорить, как Матрос сразу всплывал на поверхность и вылезал на берег, а тут даже не повернул головы. Не зашипел и Чёрный, когда Мария Христофоровна открыла дверцу и тронула его метлой,— он только чуть-чуть шевельнулся и отодвинулся в сторону

Довольные, что найденный способ оказался так хорош, женщины взяли приготовленные заранее ремни, вошли в помещение крокодилов, и пока Мария Христофоровна осторожно накидывала на страшную пасть хищника петлю, обе помощницы на всякий случай загоразживали ее мётлами: а вдруг да бросится. Наконец петля затянута, а сам крокодил, туго связанный, лежал словно огромная, беспомощная чурка. В такие же беспомощные чурки вскоре превратились и все остальные хищники. Потом их перетаскили в летнее помещение, быстро, пока они не отогрелись, развязали и пустили в воду

ХВАСТЛИВЫЙ СТЕКОЛЬЩИК

Это лето выдалось на редкость жаркое. Крокодилы чувствовали себя так, словно они находились не в Зоопарке, а где-нибудь в тропиках. Жара на них действовала прекрасно. Они хорошо ели и были необыкновенно подвижные. Заходить к ним нужно было осторожно и особенно опасаться Чёрного, который снова перестал слушаться. Вдобавок он начал делать попытки напасть на служительницу. Приходилось всегда быть наготове и не выпускать из рук метлу.

Особенно тяжело было убирать площадку. Чтобы на неё попасть, надо пройти по узкому, неудобному переходу. Он вёл от двери к площадке, совсем рядом с бассейном. Обычно крокодилы во время уборки послушно вылезали на берег и терпеливо ждали конца уборки.

Погода стояла жаркая, вода быстро портилась. Каждое утро надо было выпустить из бассейна воду и его вымыть. Эта работа отнимала много времени. Особенно после того, как Чёрный совершенно перестал слушаться и никак не желал покидать бассейн.

А однажды, когда Мария Христофоровна хотела подмести площадку, он пополз к ней навстречу с явным намерением наброситься. Однако служительница не растерялась. Она выставила вперёд метлу и хотела оттолкнуть хищника. Да не тут-то было! Чёрный вцепился в метлу, сдёрнул её с черенка и отбросил в сторону. Пришлось пустить в ход палку, но это тоже не остановило крокодила. Он продолжал наступать, а Мария Христофоровна, прижавшись к дверям, тщетно пыталась отбиться от чудовища. Разъярённый хищник вцепился своими страшными зубами в палку. Сначала он тащил её на себя и вдруг неожиданно с такой силой дёрнул, что палка вылетела из рук женщины, ударив освободившимся концом по раме. Раздался звон. Осколки стекла посыпались на крокодила. Чёрный шарахнулся в сторону, а служительница, воспользовавшись минутным замешательством хищника, выскочила за дверь.

Что же теперь делать? Крокодил может вылезти на волю, и тогда не оберёшься хлопот, тем более что в этот час Зоопарк уже был открыт. Пришлось просить кого-то из посетителей позвать на помощь заведующую.

Зоя Николаевна прибежала вместе с зоотехником Марией Михайловной. Вооружённые мётлами, они уже вместе со служительницей вытолкнули Чёрного с прохода на площадку. Злобно огрызаясь, он отполз к другим крокодилам и затих.

Теперь нужно было как можно скорее застеклить разбитую раму. Срочно вызвали стекольщика. Когда он пришёл, невольно возник вопрос: как же ему работать? Вставлять стёкла можно было только изнутри. Убрать крокодилов — это слишком сложно, а идти к ним стекольщик отказался.

— Уберите своих чудовищ, мигом всё сделаю, а к ним не пойду, — решительно заявил он.

Напрасно Мария Христофоровна доказывала, что перевести девять здоровенных крокодилов, да ещё в такую жаркую погоду почти невозможно. Напрасно упрашивала зайти к крокодилам под её, Марии Христофоровны, охраной.

— Я вам даю слово, что крокодилы ничего не сделают, — убеждала Мария Христофоровна. — Честное слово, не тронут.

— Я-то верю вашему слову. Так это же вы его даёте, а руку иль ногу отхватят они,— продолжал возражать стекольщик.

— Хорошо, тогда я докажу, что войти неопасно.— И с этими словами Мария Христофоровна открыла дверь и вошла в помещение крокодилов.

Они лежали посередине площадки и грелись на солнце. Услышав, что кто-то вошёл, крокодилы встрепенулись, но, узнав по голосу Марию Христофоровну, сразу успокоились.

Осторожно, стараясь не шуметь, Мария Христофоровна подняла брошенное служительницей ведро, перевернула дном кверху и на него уселась, загородив подступ к тому месту, где должен работать стекольщик.

— Вот видите, крокодилы к вам не пройдут,— сказала она.— Они будут лежать спокойно, только не шумите.

Оттого ли что крокодилы действительно лежали спокойно и не двигались, или ему стало неудобно своей трусости, только стекольщик наконец решился. Он взял инструмент, ящик со стеклом, приоткрыл дверь и как-то боком в неё протиснулся. Немного постоял, потом, осторожно ступая, словно шёл по карнизу пропасти, он пробрался к разбитой раме. Неслышно поставил ящик и принялся за работу.

Сначала дело не ладилось. Стекольщик ежеминутно опасно поглядывал на крокодилов, и это мешало работать. Затем, увидев, что они лежат и не обращают на него внимания, стал работать уверенней, а вскоре так осмелел, что не только перестал оглядываться, но и потерял всю осторожность. Особенно его подбадривала публика, которая собралась вокруг помещения и открыто восторгалась храбростью стекольщика.

— Дядя, дядя, а ты не боишься? — спросил какой-то мальчуган.

— А чего их бояться! Я и не к таким заходил,— ответил стекольщик, заканчивая работу и выпрямляясь.— Бояться — это, брат, дело женское,— кивнул он в сторону Марии Христофоровны.— А мы мужчины, нам...

Но окончить фразу он не успел. Мария Христофоровна

встала. С грохотом покатилося ведро, а испуганные непривычным шумом крокодилы бросились к бассейну. Но, очевидно, «храброму» стекольщику показалось, что все девять крокодилов кинулись к нему и по меньшей мере желают его растерзать. Тут уж раздумывать не приходилось. Одним прыжком пролетев тамбур, стекольщик выскочил из клетки и, хлопнув дверь, прижал её плечом. А девять перепуганных крокодилов уже лежали на дне бассейна, от страха закрыв глаза.

Мария Христофоровна подняла ведро, не торопясь собрала брошенный стекольщиком инструмент, подошла к двери и сказала:

— Напрасно вы испугались крокодилов. Они сами так перепугались упавшего ведра, что теперь, наверное, весь день просидят под водою.

Посрамлённый стекольщик отошёл от двери, взял свой инструмент и, даже не подписав наряд за проделанную работу, ушёл.

ИНТЕРЕСНОЕ СОБЫТИЕ

За те несколько лет, которые крокодилы провели в Зоопарке, они так выросли, что им стало очень тесно в их зимнем помещении. Тогда решили сделать так: оставить трёх самых смирных, а остальных передать в другие зоопарки.

Среди оставшихся была самка, которую за её спокойный нрав прозвали Тихая. К тому же она была и самая сообразительная. Прекрасно знала, как надо себя вести во время уборки. Даже не ожидая приказа, едва замечала, что кран для спуска воды открыт, сразу вылезала на берег. Здесь она спокойно ждала конца уборки и залезала в бассейн лишь после того, как его промоют и снова наполнят водой.

Но вот наступила пора, когда крокодилы стали ухаживать за своей подружкой. Теперь Тихую никак нельзя было так называть. Она уже не вела себя спокойно, как раньше. Стала огрызаться, нехотя вылезала из бассейна, а ночами помеще-

ние террариума сотрясилось от оглушительного рёва крокодилов.

Оба крокодила теперь не отходили от крокодилихи. Они защищали её от каждого, кто пытался зайти в помещение. Бросались даже на тех людей, которых знали.

И всё же, несмотря на такое поведение хищников, все три женщины осторожно и настойчиво стали готовить место, где бы крокодилиха могла отложить яйца.

Место выбрали поближе к водоёму, где проходили трубы, обогревающие пол. Совсем не легко было натаскать туда и песок. Для того чтобы засыпать им весь пол, трубы и чтобы самка могла в нём вырыть углубление, нужно было принести очень много ведер песка. Каждое ведро проносили с большим риском. Идти приходилось мимо крокодилов, а это было небезопасно. Делали обычно так: одна из женщин осторожно заходила в помещение крокодилов, а остальные, вооружившись метлами, её охраняли. Но не всегда всё проходило спокойно. Иногда песок удавалось пронести сразу, иногда, не донеся до места, приходилось поскорей уходить, отбиваясь и ведром и метлами от наступавших крокодилов. А однажды Тихая продемонстрировала силу своих страшных челюстей.

В этот день она вылезла на берег и улеглась около самых дверей. Тихая уже основательно располнела, и по всем признакам было видно, что ждать, когда она начнёт нести яйца, осталось совсем недолго. Чтобы наносить нужное количество песка, приходилось спешить, нельзя было пропускать ни дня. Однако Тихая совсем не собиралась покидать своё место около дверей. Когда пробовали её отогнать, она в ответ лишь злобно шипела и открывала пасть, по-прежнему не желая уступить дорогу.

— Надо столкнуть её в воду и пройти,— сказала Мария Христофоровна.— А то увидит, что её боятся, и совсем распустится.

С этими словами она взяла щётку и, просунув в приоткрытую дверь, попыталась оттолкнуть крокодилиху. С небывалой ловкостью та перехватила щётку пастью, легко перекусила её, переплыла водоём и вылезла на берег.

Мария Христофоровна посмотрела на оставшуюся у неё в руках палку, покачала головой и решительно вошла в помещение. Нельзя же показать крокодилам, что ты их боишься!

Не зря торопились работники террариума. Буквально через несколько дней после того, как место для откладки яиц было полностью готово, самка отложила туда первое яйцо. Потом она снесла ещё одно, потом ещё...

Это было большое событие. Правда, из яиц крокодилята не вывелись, но Зоя Николаевна, Мария Михайловна и Мария Христофоровна духом не упали. Они были твёрдо убеждены, что начало всё же положено и недалеко то время, когда у них в террариуме выведутся свои, московские крокодилята.

ТАЙНА МАЛЕНЬКОГО ГЕККОНА

Когда в террариум Зоопарка привезли гекконов, заведующая Зоя Николаевна очень им обрадовалась. Ещё бы, ведь эти интересные ящерицы попали сюда в первый раз!

Зоя Николаевна знала, что это единственные ящерицы, которые кричат, а ещё, что они свободно бегают не только по земле, но так же свободно взбираются по стеклу и даже ходят по потолку. Значит, и сажать гекконов нужно в такой террариум, который сверху закрыт мелкой сеткой.

Такого закрытого со всех сторон террариума не было. Они все были заняты ядовитыми змеями. Тогда решили поместить гекконов в террариум без верхней сетки, а пока будут её делать, временно закрыть верх стеклом.

Так и сделали. Пять гекконов удобно устроились, прицепившись на осколке бетонной трубы, которую Зоя Николаевна специально к ним поставила. Ведь на воле эти ящерицы живут в трещинах скал, среди осыпей камней или просто селятся в хижинах. Днём они прячутся в тёмные, укромные уголки, а ночью выходят на охоту. Вот поэтому и поставила им Зоя Николаевна этот осколок трубы, а рядом повесила лампочку. Если захотят погреться, пусть сидят около лампочки, захотят спрятаться, пусть лезут под трубу: там тепло

и сыровато — как раз то, что любят гекконы. А чтобы ящерицы не удрали, террариум закрыли сверху двумя половинками стёкол. Посередине Зоя Николаевна оставила узенькую щель. Такую узенькую, чтобы сквозь неё можно было пропустить только провод для лампочки, но не могли пролезть ящерицы.

Впрочем, гекконы и не собирались удирать. Четыре из них тут же, даже не дав себя рассмотреть, юркнули под осколок трубы, а один отправился гулять по стеклу. Сначала он пошёл кверху, но потом повернулся и пошёл вниз, тоже к трубе. На некоторое время он задержался, и Зоя Николаевна с другой стороны стекла хорошо просмотрела его лапки с присосами на пальцах. Вот эти присосы и дают возможность ящерицам ходить по вертикальной стене, по потолку и даже по стеклу.

Потом Зоя Николаевна положила гекконам мучных червей и, еще раз проверив, не раздвинулась ли щель для провода, ушла.

На другой день, придя на работу, Зоя Николаевна первым делом пошла посмотреть гекконов. Всё как будто в порядке, но ящериц видно не было. «Очевидно, они под трубой», — подумала Зоя Николаевна, но на всякий случай спросила зоотехника:

— Мария Михайловна, вы не смотрели гекконов?

— Ещё не успела, проверяю змей, — ответила Мария Михайловна, разглядывая большую серую гадюку.

Зоя Николаевна приоткрыла верхнее стекло и подняла осколок трубы. Три геккона угрожающе открыли свои пасти и испустили хриплый каркающий звук. Двух гекконов не было. Зоя Николаевна не поверила своим глазам. Она ещё и ещё раз приподняла осколок трубы, приподняла все лежавшие в террариуме камни и даже блюдечко с мучными червями, но пропавших гекконов словно и не бывало вообще.

— Мария Михайловна, вы не отсаживали случайно гекконов? — с некоторой надеждой спросила она зоотехника, хотя отлично знала, что гекконов наверняка никто и никуда не отсаживал.

— А что случилось? — спросила Мария Михайловна и, почувствовав в голосе заведующей тревогу, быстро подошла

к ней. Узнав же, что не хватает двух гекконов, тоже полезла в террариум.— Правда, нет,— растерянно сказала она.— Но куда же они могли деться?

И уже обе стали осматривать помещение гекконов, стараясь найти место, через которое они могли уйти. Однако все было в порядке. Они могли уйти только через ту щель, которая была оставлена для провода. Очевидно, стекло от стука дверей разошлось, и гекконы ушли. Конечно, уйти из помещения, да ещё зимой, когда все двери закрыты, они не могли. Но разве можно найти двух маленьких ящериц среди клеток и стеллажей в таком огромном здании, как террариум! Зоя Николаевна была в отчаянии. Где же искать беглецов?

Искать решили по догадке. Стали размышлять, где бы могли прятаться гекконы. Они любят тепло, темноту и сырость. По этим признакам под стеллажами их не должно быть, не могли они быть и на втором этаже, куда двери были плотно закрыты. Это значительно облегчало поиски.

— А может быть, посмотреть под нижней клеткой с ужами, где проходит тепловая труба? — высказала своё предположение Зоя Николаевна.— Знаете, где стоит ванночка для стока воды из радиатора?

— Пожалуй, это самое подходящее место,— согласилась Мария Михайловна.— Нужно туда положить мучных червей и проверить, будут они съедены или нет.

На том и порешили. Уходя, Зоя Николаевна, которая никак не могла примириться с пропажей, сама полезла под клетку и положила туда мучных червей. Она даже их пересчитала, чтобы утром убедиться, трогал ли их кто.

Нетрудно догадаться, что в эту ночь Зоя Николаевна почти не спала и, еле дождавшись утра, даже не позавтракав, поспешила в Зоопарк. Войдя в помещение, она сразу полезла под клетку с ужами посмотреть, что случилось с оставленными на ночь червями. Да, расчёт оказался правильным: часть мучных червей была съедена. Значит, гекконы скрываются под этой клеткой.

Зоя Николаевна поспешила за переносной лампой. Вместе с Марией Михайловной они хорошо осветили все места под

клеткой, но беглецы, очевидно, успели скрыться. Сколько их ни искали, сколько ни лазили, так и не нашли. Впрочем, теперь это было не страшно. Раз место найдено, то теперь, чтобы поймать гекконов, надо лишь иметь терпение.

И всё же, несмотря на все старания, подкараулить гекконов удалось только на четвёртый день, и то после того, как Зоя Николаевна осталась дежурить на ночь. Чтобы не быть заметной, она надела пальто и сидела, притаившись, около клетки, прислушиваясь к малейшему шороху. В руках она держала переносную лампу и была готова в любой момент её включить.

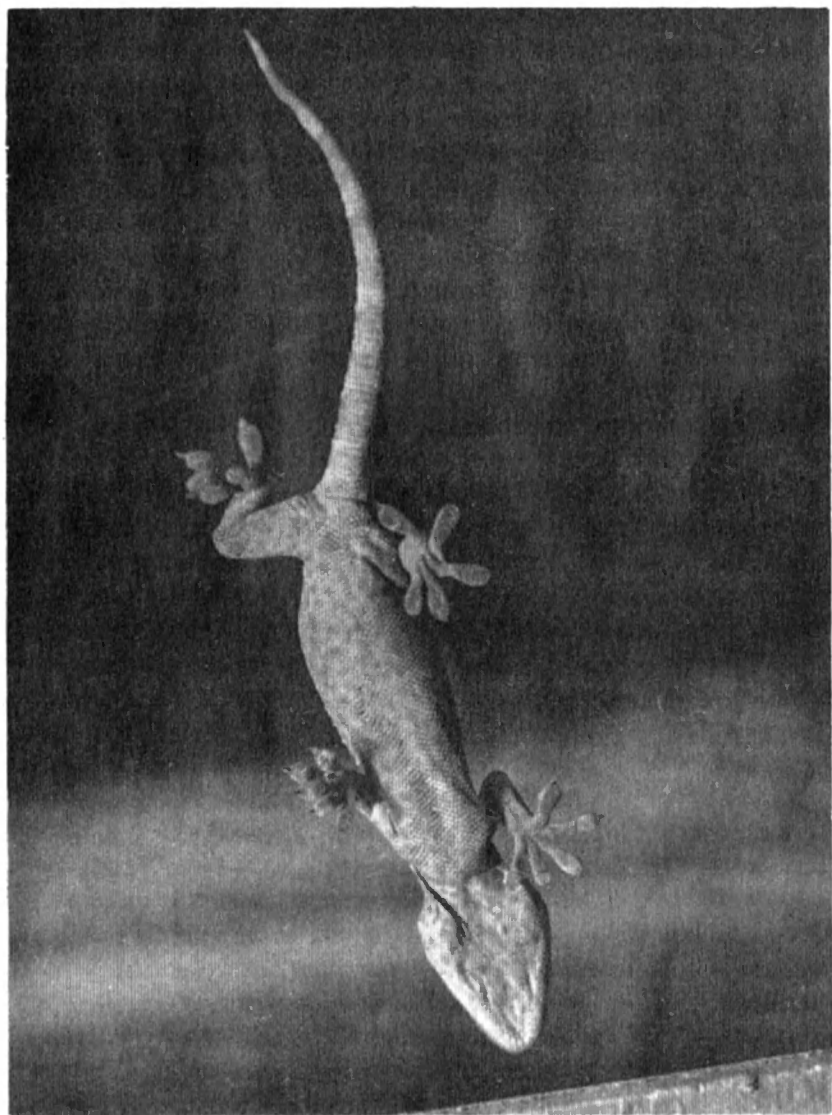
В помещении, где кругом находилось столько змей, ящериц, черепах, шорохов было достаточно, и всё-таки тот, который Зоя Николаевна так ждала, она отличила сразу. Тут же включённая лампа, словно прожектором, осветила место под клеткой, где находился положенный корм, и еле заметно мелькнувшую тень ящерицы. Не успела она скрыться где-то за подставкой, как Зоя Николаевна прямо на четвереньках, заматая полою пальто пол, полезла с лампой под клетку. Просунула голову и тут же увидела с обратной стороны деревянной подставки геккона. Он висел вниз головой, словно прилипший к подставке, совсем сливаясь с её цветом.

Зоя Николаевна изловчилась и, отвлекая внимание геккона лампой, ловко схватила его около основания челюсти и скорей водворила беглеца на место. Потом стала искать другого геккона, но его нигде не было. Впрочем, Зоя Николаевна его особенно и не искала, она боялась, что напуганный геккон переменит место своего укрытия, и тогда его найти будет совсем трудно. Зоя Николаевна оставила Марии Михайловне записку, что один из гекконов пойман, и пошла домой отдохнуть.

Второго геккона так и не нашли, зато в квартире Зои Николаевны стало твориться что-то не совсем понятное.

— Зоя, у нас кто-то завёлся! — с такими словами встретила на другой день Зою Николаевну её мать. — Сегодня несколько раз кто-то кричал под кроватью, а когда я полезла туда с веником, каркнул и замолчал.

Занятая своими мыслями, Зоя Николаевна, не ответив

матери, прошла в свою комнату. Ей было очень неприятно, что одного геккона всё же не нашли. Неужели он пропал! Так нелепо потерять это редкое животное, не предвидеть, что стекло могло сдвинуться!.. К тому же неудобно перед директором.

Директор Зоопарка, Игорь Петрович, когда-то сам был заведующим террариумом и теперь не только старался пополнить коллекцию пресмыкающихся, но и продолжал живо интересоваться делами Зои Николаевны. Вот и сегодня утром он уже звонил и спрашивал, как поживают гекконы, давал советы, чем их лучше кормить, а она, Зоя Николаевна, ответив на все вопросы, так и не сказала, что один из гекконов пропал. «Найдётся, тогда и расскажу всё. Зачем заранее расстраивать?» — подумала она.

Ночью Зоя Николаевна спала плохо, просыпалась от каких-то звуков, напоминающих крик гекконов. Один раз даже зажгла свет, и ей померещилось, что кто-то вроде ящерицы полез по стене за шкаф. «Наверное, галлюцинация, — решила Зоя Николаевна. — Уж дома ящерицы стали мерещиться». Потом она приняла таблетку снотворного и крепко уснула.

Утром её разбудил шум и спор на кухне. Зоя Николаевна накинула халат и пошла узнать, в чём дело. На кухне стояла вся красная от возбуждения её дочка Таня и бабушка с венником в руке.

— Бабушка, честное пионерское, я видела... Он около чайника стоял... рот большой, красный, открыл его и на меня кричит... Честное пионерское, был тут, — твердила Таня.

— Ну, где тут? Никого тут нету, померещилось, и всё. Я везде и венником промела, и облазила. Если бы был кто, нашла бы. Мне самой этот ящер чудится. Проснулась, а он зелёный весь, на обоях вниз головой висит.

— Нет, бабушка, этот не зелёный, а белый.

— Будет вам тут спорить, — слышался вразумительный голос бабушки, — одна белую ящерицу видела, другая — зелёную. Что ж, их здесь дюжину выпустили?

— Мне тоже ночью крик геккона слышался, — вмешалась в спор Зоя Николаевна.

Дед только махнул рукой и, ничего не ответив, вышел из кухни.

— Ничего понять не могу,— задумчиво продолжала Зоя Николаевна.— А ну-ка, Танюша,— обратилась она к дочери,— скажи, кого ты видела и какой он из себя?

— Зашла я в кухню, а около кастрюли кто-то сидит. Рот большой, красный, лапки растопырил, глаза торчат... Я испугалась и закричала. Бабушка прибежала, а его нету. Бабушка говорит, что мне показалось,— уже расстроено закончила девочка свой рассказ.

— По всем признакам это геккон. Но откуда он мог здесь взяться, никак не пойму,— сказала Зоя Николаевна.

— Тогда уж не один, а два ящера здесь. Таня видела белого, я — зелёного...

— Нет, мама, и ты и Таня видели одного и того же геккона. Они ведь меняют окраску. Ты видела зеленоватого на зелёных обоях, а Танюша — в белёной кухне, где он сменил цвет на беловатый,— объяснила Зоя Николаевна.— А теперь у меня к вам просьба: если увидите ещё геккона, его не ловите и не пугайте.

Таня была в восторге. У них в квартире водится такая интересная ящерица! Ящерица, которая меняет цвет и кричит.

— Мама, оставим себе ящерицу! Пусть живёт у нас. Правда, бабушка?

Но у бабушки Таня поддержки не встретила. Бабушка придерживалась твёрдых убеждений, что дома можно держать собак, кошек, но не всякую тварь. А если и беспокоилась об этой твари, то только потому, что она была из Зоопарка и её надо туда вернуть. Когда Зоя Николаевна уходила на работу, бабушка даже выскочила на лестницу и крикнула ей вслед:

— Смотри, чем кормить, прихвати, а то как бы с голоду не пропал!

Зоя Николаевна обещала принести корм и поспешила в Зоопарк. Ей не терпелось скорей рассказать о случившемся на работе.

Услышав о странном появлении пропавшего геккона в квартире заведующей, Мария Михайловна только развела руками.

— А может быть, вам показалось? — усомнилась она.

— Не могло же показаться всем! — возразила Зоя Николаевна. — Потом я расспросила Танюшу, и она точно обрисовала геккона, хотя никогда не видела его даже на картинках!

В тот же день Зоя Николаевна ушла с работы пораньше и прихватила с собой пакетик с мучными червями.

Дома её ещё в дверях встретили Таня, бабушка и дедушка. Все трое наперебой стали рассказывать о том, как они сели завтракать и как увидели на потолке геккона. Он ходил по потолку совсем как по полу, потом спустился по стене. На этот раз геккон был коричневый, но они и не подумали, что это третий геккон, потому что знали — геккон просто сменил цвет.

— Мы с бабушкой хотели его поймать, — щебетала Таня. — Дедушка даже за газетой потянулся, а бабушка как зашипит на дедушку, и он не стал ловить.

— И правильно сделал, что не стал, — одобрила бабушка. — Ещё задавит ящерицу, а мама отвечай. Сказано не трогать, значит, нельзя.

Потом бабушка рассказала Зое Николаевне, что сидели они тихо, геккон ушёл на кухню; она закрыла дверь, и на кухню никто больше не заходил.

— А мы в столовой завтракали! Бабушка обед не готовила, — тут же поспешила сообщить Таня, а дедушка добавил:

— Интересно, сколько времени это будет продолжаться?

Зоя Николаевна была очень рада, что геккон нашёлся и сидит в кухне. Уж где-где, а там его поймать будет легче, чем в комнатах. Быстро сняв пальто и захватив с собой на всякий случай банку, чтобы посадить в неё беглеца, Зоя Николаевна вошла в кухню, тщательно закрыв за собой дверь.

Однако найти геккона даже в такой маленькой кухоньке оказалось делом совсем не простым. Сначала она искала одна, потом пришлось позвать на помощь бабушку. Они обшарили всю кухню, перебрали всю посуду, кастрюли и даже продукты, а геккона так и не нашли. Не поймали его и на другой день, и на третий, хотя видели то в спальне, то в столовой. То он вдруг появлялся на газовой плите около горящей конфорки и сердито кричал на подходившую бабушку.

— Ишь лиходей навязался! — сердилась бабушка, отгаливавшая геккона половником или крышкой от кастрюли.

А «лиходей», словно понимая, что бабушка его не тронет, не торопился уходить. Зато, когда приходили остальные члены семьи, он неизвестно куда исчезал.

Зоя Николаевна просто не знала, что делать. Подумать только! Прошло уже несколько дней, а она никак не может изловить беглеца. Вот и сегодня с самого раннего утра перерыла всю квартиру, а его нигде нет.

— Вы подумайте, Мария Михайловна, — чуть не плача, жаловалась она зоотехнику, — ну нигде не могу найти, нигде.

С этими словами Зоя Николаевна встала и подошла к вешалке, чтобы повесить пальто, и вдруг совершенно ясно услышала: «То-ке, то-ке». Обе женщины обернулись и увидели на стуле, с которого только что поднялась Зоя Николаевна, виновника всех переживаний — геккона. Он стоял у них на виду и кричал своё «то-ке». Мария Михайловна сделала знак Зое Николаевне не двигаться. Потом она тихонько взяла висевший на стене сачок и ловко накрыла им геккона.

Пойманного беглеца посадили на место. Но каким образом он попал в квартиру заведующей, как потом очутился опять в Зоопарке, так и осталось тайной маленького геккона.

КОНДОР

В Зоопарке, в том ряду, где находились орлы, сидел огромный чёрный кондор. Звали его Кузя.

Сколько лет было Кузе, никто точно не знал. А служитель Никита Иванович говорил, что когда пятьдесят шесть лет назад он поступил работать в Зоопарк, то кондор был уже там. Никита Иванович это хорошо помнил. Он ухаживал за хищными птицами, и в том ряду клеток, где они находились, в самой крайней, сидел кондор.

Не очень доверчиво отнёсся вначале кондор к новому служителю. Когда Никита Иванович приходил, кондор, грозно

наступая, пытался его ударить сильным крючковатым клювом. Но это было только первое время. Скоро Кузя перестал нападать на служителя, и даже привязался к нему. Увидев издали Никиту Ивановича, он слетал с насеста, спешил к нему навстречу, а если тот проходил мимо, смешно вытягивал шею и смотрел ему вслед.

Никита Иванович тоже полюбил Кузю и заботился о нём. В то время в Зоопарке было мало тёплых помещений, птиц некуда было девать зимой, и многие из них гибли. Но Никита Иванович оберегал своего любимца. Как только наступали морозы, он перетаскивал Кузю на чердак того дома, где жил сам. Там Кузя проводил самые сильные холода, а с потеплением снова перекочёвывал в свою клетку.

Несколько лет жил в этой клетке кондор один. Потом к нему посадили ещё самку. Сначала Кузя совсем не обращал на

неё внимания. Он вел себя так, как будто, кроме него, в клетке никого не было

Но вот наступила весна. Зажурчали по дорожкам парка ручейки, глядя на яркое весеннее небо, заклекотали орлы. Изменил свое поведение и кондор

Он больше не держался особняком, ходил всюду за Кузихой, как назвал её для простоты Никита Иванович, и, распустив веером хвост, рисовался перед своей подругой.

Он очень привык к Кузихе. И Никита Иванович не раз в этом убеждался. Однажды он оставил открытой дверь клетки, и Кузя вышел. Никита Иванович страшно испугался. Он думал, что кондор сейчас поднимется, улетит... Но этого не случилось. Кузя прошёлся вдоль клетки и сразу вернулся обратно.

Тогда Никита Иванович решил попробовать выпускать обоих кондоров на прогулку. Ему было жаль птиц, к которым так редко заглядывало солнышко. И вот он открыл им клетку. Кузихе на всякий случай связал крылья, а Кузю пустил свободно, потому что был уверен, что кондор от своей пары не улетит.

И Никита Иванович не ошибся. Кузя даже не пробовал улетать. С первого же дня он облюбовал поблизости небольшую каменную горку и, как только его выпускали, вместе с Кузихой направлялся к ней.

На этой горке они обычно сидели до четырёх часов. Потом Кузя, а следом за ним и его подруга спускались вниз и направлялись обратно в клетку. В это время кондоры всегда получали мясо, и они хорошо знали часы кормёжки.

Всю весну кондоры провели на горке, а к концу мая вдруг перестали ходить к ней. Вместо этого они разгуливали по дорожкам парка, собирали прутья, всякий мусор и несли к себе в клетку. Особенно старался Кузя. От тащил всё, что ему попадалось: то возьмёт у уборщицы метлу, то вытащит из ведра бумагу. А как-то раз даже ухитрился стащить у маляра пиджак. На одну минуту оставил его маляр на скамейке; только отошёл, смотрит — а Кузя уже пиджак несёт в клетку. Маляр хотел отобрать свою одежду. Но Кузя грозно зашипел

и всем своим видом показал, что с пиджаком он добровольно не расстанется. Пришлось бежать за служителем.

Пока маляр разыскивал Никиту Ивановича, кондор тоже не терял время зря. Он принёс пиджак в свой угол и всё старался его удобней там положить. При этом Кузя успел его порядком измазать, порвать карман и уже принялся отрывать ворот, когда прибежали Никита Иванович и маляр.

Увидев, во что превращается его одежда, маляр пришел в ужас. Зато Никита Иванович сразу сообразил, что нужно сделать. Он взял метлу и бросил её Кузе. Кузя пошёл за метлой, а Никита Иванович схватил пиджак и выскочил из клетки.

После этого случая Никита Иванович перестал выпускать кондоров на прогулку, но, догадавшись, что они хотят строить гнездо, стал каждый день приносить им прутья. Приносил целой охапкой и клал в клетку, а к вечеру Кузя с Кузихой всё перетаскивали в свой угол.

Сначала они клали прутья в кучу. Потом Кузя сделал наверху что-то вроде площадки, Кузиха снесла туда одно яйцо и села его насиживать.

Всё это время Кузя очень трогательно ухаживал за своей подругой. Если приносили корм, он, вместо того чтобы съесть самому, брал мясо и относил его Кузихе. Если же она вставала, то спешил её сменить на гнезде.

Пятьдесят один день насиживали кондоры яйцо, а на пятьдесят второй из него вылупился птенец. Он был похож на маленького индюшонка, покрыт белым пушком. А с какой заботой относились к своему беспомощному птенцу пернатые родители! Они по очереди его кормили, грели и ни на одну минуту не оставляли одного.

Но недолго прожила в Зоопарке эта интересная семья. Однажды, когда Никита Иванович пришёл кормить своих питомцев, они неожиданно отказались от мяса. Такого случая, чтобы кондоры отказывались от пищи, ещё ни разу не было. Никита Иванович сразу побежал за врачом.

Но что мог сделать врач? Ведь это всё происходило очень давно, в то время, когда в Зоопарке не было даже лаборато-

рии, где могли бы определить болезнь. Почти три недели болели кондоры. Много труда и стараний положил Никита Иванович, чтобы выходить их, но спасти удалось только одного Кузю.

Было видно, как скучал, оставшись один, кондор. Он сидел целые дни нахохлившись или начинал ходить по клетке и искать свою подругу. Когда же Никита Иванович выпустил его на прогулку, Кузя сразу направился к своей горке. Но он не остался сидеть на ней. Расправил крылья и вдруг, неожиданно взмахнув ими, поднялся в воздух.

Он поднимался всё выше и выше, пока не сделался таким маленьким, что еле был виден в облаках, и, когда все уже думали, что он не вернётся, широкими кругами пошёл вниз. Вот он уже парит над парком... вот опускается на дорожку... Кто знает, быть может, многолетняя привычка к месту, где было когда-то его гнездо, заставило кондора вернуться в клетку.

С тех пор прошло много лет. Давно состарился Никита Иванович. Согнули его спину годы, а белая как лунь борода покрыла грудь. Никита Иванович — почётный служитель Зоопарка. До самой глубокой старости работал он с птицами и каждое лето, как только наступали тёплые дни, выпускал на прогулку кондора.

Важно, не торопясь, направлялся кондор к своему постоянному месту. Взмахнув огромными крыльями, перелетал через изгородь и садился на тот самый камень, на котором провёл столько лет. Он сидел на нём, раскрыв крылья, не шевелясь, а когда начинало садиться солнце, кондор опять шёл по дорожке парка к клетке, в которой он прожил почти шестьдесят лет.

РОСОМАХА

Однажды ранней весной привезли в Зоопарк росомуху. Она была похожа на огромную куницу: тёмно-бурая, покрытая длинной жёсткой шерстью. Поймать росомуху было очень

трудно. Живёт она в глухой тайге, выходит на охоту ночью и, хотя с виду неуклюжа, лазит по деревьям ловко.

Когда росوماху посадили в клетку, она прежде всего осмотрела её, но, увидев, что уйти нельзя, забилась в угол и даже не вышла оттуда за кормом.

В этом углу росوماха проводила целые дни. Она лежала там, свернувшись клубком, такая угрюмая, дикая и, если кто-нибудь из посетителей подходил слишком близко к её клетке, злобно рычала, а глаза у неё загорались зелёными огоньками, отчего росوماха казалась ещё злей.

Так вела себя она днём. Зато вечером, как только закрывали Зоопарк и уходил последний посетитель, росوماха вылезала из своего угла. Мягкими, бесшумными прыжками металась по клетке, рвала зубами решётку или начинала рыть лапами землю. Но решётка была крепкая, а под слоем земли находился цементный пол, и подрыть его росوماхе было не под силу. И всё-таки из ночи в ночь она упорно искала выхода из клетки.

Росوماха плохо ела и стала такая худая, как будто её не кормили совсем.

Прошло несколько недель, и вдруг поведение зверя неожиданно изменилось.

Росوماха больше не лежала в своём углу и всё как-то беспокойно металась. Рыла то в одном, то в другом месте ямку, собирала туда разную подстилку, укладывала её, потом, чем-нибудь встревоженная, опять рыла и опять всё перетаскивала на новое место.

Сначала никто не мог понять, в чём дело. Потом догадались, что у росوماхи, наверно, скоро должны родиться детёныши и она ищет место для логова.

В клетку поставили домик. Домик был просторный, похожий на собачью будку, а внутри сделана перегородка, чтобы не задувал ветер.

Однако росوماхе домик не понравился. Он совсем не был похож на ту нору, в которой она привыкла жить на воле, и росوماха никак не хотела в него заходить.

Наконец после долгих поисков она устроила логово под до-

миком. Вырыла небольшое углубление, выстлала его своей шерстью, а через несколько дней оттуда послышался писк новорождённых

С этого дня росوماха почти не отходила от своих малышей. Лежала около них, ухаживала, кормила, грела и так старательно вылизывала, что их шерстка всегда была пушистая и чистая

Выходила росوماха из своего логова только за кормом. Бросит её слугитель мяса, а она схватит его и скорей спешит к малышам. Теперь она и не рвалась, как прежде, на волю. Как-то раз слугитель забыл закрыть за собой дверь, клетка осталась открытой — и даже тогда не ушла росوماха. С появлением маленьких детёнышей росوماха перестала тосковать и рваться на волю. А они лежали такие маленькие, пушистые и почему-то всегда рядышком и, как только подходила к ним мать, поднимали свои тупые мордочки и тянулись к ней пососать.

Малыши были упитанные, зато их мать худела с каждым днём всё больше и больше. Ей давали столько мяса, что хватило бы даже волку, но она почти ничего не ела. Всё, что ей давали, она относила детям, а сама оставалась голодной.

Её пробовали кормить отдельно. Отсаживали от малышей в другую клетку и клали мясо, но росوماха рвалась обратно к детям и не ела совсем.

Прошло около двух месяцев. За это время малыши подросли, окрепли и уже сами вылезали из логова. Они были очень забавны, эти две маленькие росомашки: такие толстые, неуклюжие, похожие не то на щенят, не то на медвежат. Целые дни они возились друг с другом. Когда детёныши играли, мать сидела рядом и наблюдала за ними. Случалось, что какой-нибудь из них отбегал дальше, чем полагалось; тогда она осторожно брала его за шиворот и приносила обратно.

Если же ей казалось, что детёнышам грозила опасность, она как-то по-особенному рычала, и детёныши, словно по команде, скрывались под домиком

Особенно волновалась росوماха, когда они подходили к

соседней клетке, в которой сидели два волка. Серые хищники давно охотились за её малышами. Если те подбегали к решётке, волки злобно рычали, шерсть у них поднималась дыбом, они хватали зубами за сетку и с силой дёргали, стараясь схватить росомашек.

Днём волков отгонял служитель. Зато ночью им никто не мешал. И вот однажды, когда волки, как обычно, дёргали сетку, она не выдержала напора, разорвалась, и два серых хищника пролезли в клетку к росомaxe.

Увидев, что детёнышам грозит опасность, мать смело бросилась к ним на защиту. Она была гораздо слабее двух волков и, не будь у неё детей, уж наверное постаралась бы уйти. Но разве могла уйти и оставить своих детёнышей росомaxамать?

Она яростно кидалась то на одного, то на другого волка, увёртывалась от их укусов, бросалась опять, не давала им подойти к детям.

Несколько раз пробовали волки пробраться к ним под домик, и каждый раз их отгоняла росомаха.

Но вдруг в борьбе кто-то опрокинул домик. Две маленькие испуганные росомашки остались совсем без прикрытия. Жадные к добыче волки уже готовы были схватить их, но мать успела закрыть собой детёнышей. Она всем телом легла на малышей и, с какой бы стороны ни старались их схватить волки, моментально поворачивалась и встречала волков оскаленной пастью.

Закрывая собой детёнышей, росомаха даже не могла теперь увернуться от укусов волков и всё-таки находила в себе силы отбивать их нападение.

Неизвестно, чем бы кончился этот неравный бой, если бы на шум не подоспел сторож.

Он быстро отпер клетку и загнал волков на место. Потом крепко заделал отверстие и подошёл к росомахе. Росомаха так ослабела, что у неё не было даже сил подняться. И всё-таки, когда сторож хотел поглядеть, целы ли её малыши, она оскалила зубы и по-прежнему была готова их защищать.

Убедившись, что малыши невредимы, сторож ушёл, а росомаха с трудом приподнялась и стала нежно прилизывать взъерошенную шёрстку своих детёнышей

КРОВОЖАДНЫЙ ЗВЕРЁК

С виду хорёк маленький и безобидный. Мордочка у него круглая, симпатичная, будто у кошки. А в тёплой, зимней шубке он такой красивый, что так и хочется потрепать его пушистую шёрстку. Но таким безобидным хорёк только кажется, а на самом деле это очень кровожадный зверёк. Стоит только посмотреть на его тонкое, гибкое тело, на острые клыки и стремительно хищные движения, чтобы сразу догадаться, что хорёк хоть и маленький, но очень грозный хищник.

Вот такого хорька и принесли однажды два мальчика в Зоопарк. Они нашли его совсем маленьким, выкормили, приручили... Но дома их родители не разрешили держать зверька,

в школе не было подходящей клетки, да и директор не позволил — вдруг выскочит и погрызёт птиц.

Тогда ребята решили подарить своего питомца в Зоопарк. Пусть живёт в Зоопарке, а они будут приходить к своему любимцу в гости, приносить что-нибудь вкусное. Они будут навещать его часто-часто.

Зверёк был совсем ручной. Это было видно по тому, как он спокойно сидел в небольшой самодельной клетке и с любопытством поглядывал по сторонам. Один из мальчиков просунул руку в клетку и вынул хорька. Ему очень хотелось показать служительнице, что их питомец действительно ручной. Но тут случилось совсем неожиданное: зверёк чего-то испугался, рванулся из рук и, прежде чем кто-нибудь опомнился, в несколько прыжков очутился около забора и скрылся под ним.

Всё это случилось на Новой территории Зоопарка, около соболятника. Тётя Настя, которая много лет работала там старшей служительницей, даже охнула. Уж кто-кто, а она-то хорошо знала, сколько беды может натворить убежавший хорёк, если он проникнет опять в Зоопарк.

Поэтому, когда мальчики побежали в соседний двор искать зверька, она поспешила заделать камнями отверстие. Потом принесла большую доску и плотно прижала ее к камням.

Долго искали и звали мальчики беглеца, но, так и не найдя, ушли. Тётя Настя ушла домой поздно. А утром, придя на работу, первым делом пошла вдоль забора. Она шла и внимательно смотрела, нет ли на свежем снегу следов вчерашнего беглеца. Так и есть! То, чего тётя Настя боялась, случилось: круглые, словно кошачьи, следочки шли от забора по направлению к пруду.

С этого дня не было ночи, чтобы хорёк не заел на пруду Зоопарка какую-нибудь птицу. И делал-то как! Загрызёт птицу, мозг из головы съест, а туловище бросит

И чего только не делали, чтобы поймать этого кровожадного зверька! Ставили петли, ловушки — ничего не помогало.

Можно было подумать, что он вырос не в доме и никогда не был ручным, с таким искусством он избегал ловушек и даже не подходил к ним близко. А когда его караулили на одном пруду, он, словно чувствуя, шёл разбойничать на другой.

Жил хорёк по-прежнему на соседнем дворе. Там был ремонт, и он неплохо устроился под огромной горой досок, сваленных в углу. Выловить его оттуда не было никакой возможности, однако и терпеть такое опасное соседство тоже было нельзя. Тогда решили всё же разобрать доски и попробовать изловить хищника.

Доски разобрали, но хорька не нашли. Очевидно, напуганный шумом, он незаметно выскользнул и постарался уйти в более спокойное место

Прошло несколько дней. За это время хорёк ни разу не появлялся на пруду, и все решили, что он перекочевал куда-нибудь подальше и больше никогда не появится.

Но вот однажды на берегу пруда опять нашли задранную птицу. Она лежала недалеко от проруби, а от нее шли цепочкой уже знакомые следы хорька. Вели они теперь не к забору, а на склад Зоопарка, который помещался на Новой территории.

Трудно найти на огромном складе такого маленького зверька, как хорёк. Трудно его и изгнать оттуда. Ведь на складе Зоопарка лежали целые груды строительного материала: разные доски, рулоны сеток, бочки с краской, среди которых так надёжно можно было спрятаться. И вот опять каждую ночь хорёк стал появляться на прудах Зоопарка.

Почти целый месяц разбойничал хищник. Много разных птиц уничтожил он за это время. Наконец с большим трудом зоотехнику удалось проследить его постоянное жилище. Оно находилось под бочками и углублялось куда-то под пол складского помещения. Выход из жилища хорька был, по-видимому, не один. Пробовали ставить капканы, но зверёк в капканы не шёл, продолжая старательно обходить их стороной, даже не дотронувшись до мяса. Наверное, живая добыча была куда приятней.

Тогда тётя Настя, которая много лет ухаживала за соболями, куницами, хорьками и хорошо знала их, предложила: не класть мясо в ловушки, а попробовать прикармливать хорька своим, проверенным способом.

— Может, сыт будет и на пруд не всегда пойдёт,— сказала она.— А там, глядишь, привадится, тогда и поймает.

— Ничего не получится, тётя Настя,— тут же возразил зоотехник.— Мы этому хорьку месяц мясо в ловушку кладем, а он даже близко не подходит.

Здесь уж тётя Настя не стерпела:

— Мясо! А мясо-то какое, самое завалиющее. Да лежит в ловушке по неделе. А что соболь, что хорь, им всё свежее подавай. Это тебе не гиена, что падаль жрёт.

Пришлось зоотехнику свою вину признать. Признать ещё и то, что хорьков он знает меньше, чем львов, медведей, тигров, а вдобавок смиренно просить тётю Настю взять на себя приваду хорька.

Нельзя сказать, что тётя Настя согласилась сразу. Она была женщина суровая и не терпела возражений, особенно в тех делах, которые хорошо знала.

— Раз знаешь больше, сам и приваживай. А то «не получится», «мясо в ловушки кладём», а теперь «тётя Настя», да ещё «пожалуйста»! — рассердилась она. Но, увидя смиренное лицо зоотехника, добавила: — Ладно, сама всё сделаю. Только смотри не забудь корм на него выписать, а то всё норвите от соболей отнять

— Выпишу, выпишу,— поспешил согласиться зоотехник.

На другой день тётя Настя тщательней, чем всегда, проверяла полученные корма. Возчик в ожидании накладной хоть в душе и возмущался такой медлительностью, но молчал, так как хорошо знал строптивый характер тёти Насти.

Наконец всё проверено. Накладная о том, сколько кормов получено, подписана, и возчик, бурча, уезжает, а тётя Настя начинает раскладывать всё по порциям. Сегодня у неё на одну порцию больше, чем обычно. Это для хорька.

Эта порция подобрана особенно тщательно: здесь есть свежерозовые кусочки мяса, рыба, несколько кусочков хлеба, вымоченного в молоке, и даже яйцо — пусть выбирает то, что ему больше понравится

И всё же первые дни хорёк явно не желал пользоваться этой едой, но тётя Настя проявила большую настойчивость. Она терпеливо, каждый день, в один и тот же час приходила и меняла старую еду на новую, ласково уговаривала хорька попробовать кушанье.

Неизвестно, ласковые ли уговоры служительницы или хорёк стал привыкать к таким приношениям, только через несколько дней он начал брать корм. Сначала робко, когда служительница уходила, а вскоре так осмелел, что начал выскакивать к тёте Насте навстречу. Она даже не успевала положить мясо, как он тут же его хватал и уносил в своё логово.

Но вот однажды тётя Настя принесла большую клетку. Поставила её около лаза, где находился хорёк, а в клетку положила корм. Потом отошла в сторону и позвала хорька. Маленький хищник не заставил себя ждать. Услышав знако-

мый голос, он тут же выскочил из лаза. Увидев клетку, удивлённо привстал на задние лапки. Но, очевидно, клетка напоминала ему ту, в которой он жил раньше, или зверёк просто перестал опасаться, только тут же при тёте Насте хорёк смело вошёл в клетку. Дверца захлопнулась, и кровожадный зверёк наконец был пойман.

НЕОБЫЧНАЯ КЛЕТКА

Белыми пушинками падает снег, искрится замёрзший пруд, а здесь, в этой клетке, сидя на жёрдочках, заливаются песней скворцы, громко щебечут коноплянки.

Разноголосый птичий хор далеко разносится по зимнему парку, и, слушая его, даже не верится, что сейчас зима, что скрипит от мороза под ногами снег.

Но почему же в этот зимний морозный день, словно весной, распевают скворцы? Почему не жмутся они от холода? Ведь их собратья, которые живут на воле, уже давно улетели в тёплые края.

И долго стоит удивлённый посетитель возле этой необычной клетки. Долго смотрит он на запорошённые снегом ёлочки, где вместе с красногрудыми снегирями и пушистыми синичками перепархивают с ветки на ветку скворцы.

Заведующая секцией Анна Васильевна выбрала для этих птиц высокую, просторную вольеру, ту, которая стояла около здания и с двух сторон была закрыта от ветра. А чтобы птицы не поморозили лапки, все металлические перекладыны, на которые они могли сесть, обшили досками.

Когда все приготовления закончились, в клетку поместили самых разных птиц. Вместе с синицами и снегирями, которые зимуют у нас, посадили улетающих в жаркую Африку скворцов.

Этот опыт должен был показать, могут ли улетающие в жаркие страны птицы переносить нашу зиму, проследить их поведение и сделать так, чтобы ни одна из них не погибла.

Ухаживать за птицами должна была тётя Настя, а наблюдать и записывать их поведение поручили зоотехнику Зое Калмыковой.

Теперь Зоя, придя на работу, первым делом спешила к вольере Аккуратно записывала она в дневник, как ведут себя птицы, какой корм лучше едят. Потом ещё записывала направление ветра, осадки и температуру воздуха

Дни становились всё холодней и холодней. Сотрудники секции орнитологии очень волновались, как будут переносить непривычный холод скворцы, но всё обошлось благополучно. Уже наступила зима, выпал снег, а птицы себя чувствовали превосходно.

Правда, чтобы искусственно удлинить день, клетку утром и вечером освещали электричеством, и это давало возможность её пернатому населению лишний раз подкрепиться едой. Корма тоже давали уже не те, что летом, а такие, которые содержали больше жира, например конопляное семя. Затем ещё подкармливали птиц живыми мучными червями

Это был, пожалуй, самый лакомый корм, особенно для скворцов. Они даже угадывали время, когда его приносили. Уже заранее рассаживались на те жёрдочки, откуда была видна дорожка, по которой ходила служительница, и внимательно высматривали её среди публики.

А какой поднимали они шум, завидев тётю Настю! Срывались со своих жёрдочек, летели навстречу и так близко вились около дверцы, что служительнице приходилось протискиваться в неё бочком, чтобы не выпустить птиц.

И всё-таки однажды такая беда случилась. Вылетели сразу две птицы — скворец и снегирь. Снегиря тут же на клетке накрыли сачком, а скворец улетел.

Долго искали улетевшего скворца тётя Настя и Зоя. Обошли весь парк, но так и не нашли. Наверно, он улетел за пределы Зоопарка, и искать его было бесполезно.

Все считали скворца пропавшим. Однако дня через два он вернулся сам. Тётя Настя кормила птиц и вдруг увидела беглеца. Он преспокойно прыгал по верхней части вольеры, заглядывал в неё и всё старался просунуть сквозь сетку голову.

Видно, за эти дни скворец изрядно проголодался и теперь, видя, как тётя Настя кормила других птиц, стремился проникнуть в клетку.

Служительница хотела приоткрыть дверцу и заманить скворца, но помешали другие птицы. Они подлетели к самой дверце и могли вылететь.

Пришлось беглеца накормить и оставить жить на свободе.

Сначала тетя Настя и Зоя боялись, что скворец улетит. Но он остался жить около клетки. Ночевал на соседнем дереве и, хотя его кормили вдоволь, заметно скучал без прежней компании.

Почти целую неделю прожил скворец на свободе. А однажды, когда тётя Настя приоткрыла дверцу клетки, чтобы туда зайти, скворец вдруг неожиданно сорвался с дерева, слетел к ней на плечо и оттуда прямо в клетку. Тётя Настя быстро захлопнула дверцу, но это было совсем не нужно — скворец уже сидел в поёнке и с наслаждением купался.

Вообще купание для скворцов было самым любимым занятием. Они не пропускали его даже в очень холодные дни. Бывало, мороз, вода в поёнке превратится в льдышку, и всё-таки, как только туда наливали свежей воды, скворцы тут же спешили в ней искупаться. При этом они очень суетились, поднимали драку, но едва один из них занимал поёнку, как остальные моментально успокаивались. Они чинно усаживались по сторонам и, пока счастливец, трепыхая крыльями, наслаждался ванной, терпеливо дожидались своей очереди.

Скворцы купались с таким удовольствием, будто это была не зима, а самое жаркое лето. И, глядя на них и на то, как весело щебечут снегири, Анна Васильевна, тётя Настя, Зоя и остальные сотрудники секции радовались удачному опыту.

Зима тоже выпала хорошая. Морозы стояли небольшие, и температура держалась не ниже двадцати градусов.

Кончился февраль. Казалось, уже прошло самое страшное время, и вдруг совсем неожиданно грянул мороз.

О том, что ночью будет тридцать градусов, Зоя узнала по радио

Нужно ли говорить, как она испугалась! Ведь тётя Настя,

наверно, давно спит и не знает о предстоящем морозе, и скворцы могут погибнуть!

Зоя быстро вскочила с постели и посмотрела на часы. Стрелки показывали без десяти час. На метро она опоздала.

Зоя оделась и побежала к остановке троллейбуса.

Поспела она вовремя. Троллейбус уже готов был тронуться, но водитель, увидев спешащую женщину, задержал машину и услужливо открыл дверь.

Пустая машина шла быстро, но Зое казалось, что она идёт слишком медленно.

Зоя на каждой остановке подбегала к двери и выглядывала в надежде увидеть такси.

— Что вы так волнуетесь, гражданка? — спросила наконец кондукторша, заметив волнение пассажирки.

— Нет, я так. Такси смотрю, — ответила Зоя.

— Такси? — удивилась кондукторша. — Да разве вам в троллейбусе тесно? Одни только и едете.

— Не тесно, — согласилась Зоя, — да мне ведь только скорей нужно.

И она подробно рассказала о необычной клетке, в которой остались зимовать скворцы, о том, что они могут погибнуть в такой мороз, и как дорога ей, Зое, каждая минута.

Кондукторша очень сочувственно выслушала рассказ и, узнав, какая опасность угрожает зимующим скворцам, неожиданно заявила:

— Ну, гражданка, этому и без такси помочь можно... — И деловито крикнула водителю: — Пётр Иванович! Нельзя ли ход прибавить, а то тут у гражданки беда случилась — скворцы помёрзнуть могут.

— Скворцы? — переспросил ничего не понявший водитель и тут же добавил: — Ты, Маруся, видно, что-то перепутала. Скворцы давно в жаркие страны улетели, а у нас только галки да вороны остались.

— В том-то и дело, что не улетели. Их в Зоопарке для опыта оставили, а сейчас мороз, вот гражданка и спешит, чтобы птицам помёрзнуть не дать.

Водитель сначала не поверил Марусе, но когда её слова

подтвердила Зоя, он даже не стал тратить время на расспросы, нажал на педаль, и машина помчалась с такой быстротой, что только замелькали фонари.

На площади Восстания Зоя поблагодарила водителя, кондукторшу, прыгнула с троллейбуса и побежала в Зоопарк.

Когда она подбежала к вольере, то там уже были тётя Настя, Анна Васильевна и зоотехник Иван Прокофьевич. Иван Прокофьевич стоял на лестнице, а тётя Настя и Анна Васильевна подавали ему листы фанеры, которыми он закрывал клетку, чтобы защитить её от холодного ветра.

В клетке горело электричество. Лампочка ярко освещала вольеру, и Зоя увидела скворцов. Они не прыгали, как обычно, а сидели нахохлившись, тесно прижавшись друг к другу.

Увидев Зою, Анна Васильевна крикнула, чтобы она скорее принесла корм.

Зоя сбегала в кормовую и быстро вернулась назад. В руках она держала миску, полную мучных червей.

При виде такого лакомства птицы сразу оживились. Они слетели со своих мест, стали кружиться вокруг Зои, и каждая старалась ухватить побольше корма.

Пока Зоя занималась кормлением, Иван Прокофьевич успел обшить клетку, и в ней сразу стало теплей. Повеселили коноплянки, повеселели, наклевавшись червячков, и скворцы.

Такой сильный мороз держался недолго. На другой день уже стало теплее, а недели через две с пригретой солнцем крыши закапала вода. Теперь можно было за птиц не опасаться: начиналась весна.

Сначала солнце попадало в клетку небольшим, узким лучом. Но птицы его почувствовали сразу. Они спешили сесть на этот освещённый кусочек, друг друга толкали, ссорились.

Но это было только первое время. Потом солнце стало заглядывать всё чаще и чаще, всё больше становилось солнечное пятно. Оно увеличивалось с каждым днём и скоро стало таким большим, что на нём уже хватало места всем птицам.

Сидя на солнышке, громко щебетали коноплянки, а скворцы с таким азартом щёлкали и свистели, что по одному их пению сразу было видно, что весна уже пришла.

МУСИК

Мусик родился совсем маленьким. Таким маленьким, что старшая служительница обезьянника Екатерина Андреевна не сразу его и разглядела. Он крепко вцепился ручонками в мать, прижался к её груди и почти не был заметен.

У резуса Микки это был первый детёныш. Наверно, поэтому она вела себя так беспокойно. Вместо того чтобы кормить малыша, она волновалась, оглядывалась по сторонам, закрывала его руками. А когда Екатерина Андреевна входила в клетку и протягивала Микки яблоко, та испуганно вскрикивала и карабкалась под самый купол клетки.

Такое поведение обезьяны не нравилось служительнице. Двадцать с лишним лет ухаживала она за обезьянами, хорошо знала их повадки и теперь была уверена, что слишком беспокойная Микки никогда не станет хорошей матерью.

И Екатерина Андреевна не ошиблась.

С первых же дней Микки почти перестала есть. Она сидела на самой верхней перекладине и спускалась лишь после того, как все уходили из помещения. Тогда, крепко прижимая к себе детёныша, она осторожно слезала вниз, хватала лежавший поближе кусочек хлеба или каши, запихивала себе за щёку и быстро забиралась на прежнее место. При этом ей доставались одни остатки, потому что лучший корм расхватывали другие обезьяны.

Несколько раз пробовали отсадить Микки в другую клетку, где она находилась бы одна. Но из этого ничего не получалось. Ведь не так просто поймать обезьяну в такой огромной клетке. К тому же у Микки был маленький детёныш. Она могла его выронить и разбить. Одним словом, Микки пришлось оставить в общей клетке и лишь усилить за ней наблюдение.

Большей частью за ней следила сама Екатерина Андреевна. Служительница скоро заметила, что от постоянного недоедания Микки начала быстро худеть; к тому же она ещё простудилась, сильно кашляла, и вдобавок ко всем невзгодам у неё, по-видимому, не хватало молока.

Это стало заметно прежде всего по малышу. Он часто и жалобно пищал, отрываясь от груди матери, и, если она ела, лез ей ручонками в рот. А ведь ему было всего две недели, и в таком возрасте малышу полагалось питаться одним молоком.

Видя, как с каждым днём худеет маленький Мусик и как всё сильнее кашляет его мать, заведующая обезьянником Тамара Александровна, посоветовавшись с Екатериной Андреевной и врачом, решила отобрать малыша.

Конечно, это было очень рискованно, но другого выхода не было.

Все необходимые приготовления сделала сама Екатерина Андреевна. Она застелила всю клетку толстым слоем соломы, чтобы малыш, если и упадёт, не разбился. Потом сняла подвесные лестницы, шесты. Когда же всё было готово, началась ловля.

Но напрасно несколько человек, ловко орудуя сачками, пытались накрыть Микки. Словно стрела носилась она между ними, быстро взбиралась вверх или, отталкиваясь от сетки, перелетала мячиком на другую сторону.

Казалось, что поймать её нет никакой возможности.

Но вот во время одного из прыжков Микки, чтобы схватиться за сетку, разжала руку, которой придерживала детёныша, тот не удержался и полетел вниз. Казалось, гибель его неминуема. Но маленький обезьяний детёныш, счастливо минуя перекладыни, упал на сбитую в кучу солому.

Екатерина Андреевна бросилась к нему, но тут одна из обезьян опередила её и, ловко перехватив малыша, бросилась с ним наутёк. Накрыть сачком её успели в тот момент, когда она уже взбиралась со своей ношей на сетку.

Нащупав через брезент обезьяну, сачок тихонько раскрыли. И пока Микки металась по клетке, разыскивая малыша, Ека-

терина Андреевна его бережно засунула к себе за тёплую вязанку.

Когда Мусика отнимали от чужой ему обезьяны, он так пронзительно кричал и так уцепился за неё ручонками, словно это была его мать. Но едва его отняли и он почувствовал тепло от вязанки Екатерины Андреевны, как так же цепко ухватился за неё и успокоился.

Раиса Антиповна, как врач, тоже присутствовала при ловле. Она хотела взять Мусика, чтобы его осмотреть — ведь при падении он мог ушибиться и что-нибудь себе повредить, — однако Мусик никак не хотел отрываться от Екатерины Андреевны. Пришлось его осматривать прямо на руках у служительницы. Повреждений и даже ушибов у Мусика никаких не оказалось. Но он был такой худенький и маленький, этот двухнедельный детёныш! Его головка была чуть побольше грецкого ореха, сморщенное личико и тонкие, словно прутики, ручонки возбуждали жалость. Он крепко прижимался к Екатерине Андреевне и, когда кто-нибудь к нему наклонялся, прятал в складках её кофты головку и испуганно пищал.

— Ишь, знает, к кому пристроиться! — засмеялась Раиса Антиповна. — Ну как, поместим его на площадку молодняка или сначала возьмём на ветеринарный пункт? — спросила она Тамару Александровну.

— А что, если я Мусика к себе возьму? — сказала Екатерина Андреевна.

За те короткие минуты, которые малыш доверчиво прижимался к ней, служительница почувствовала к нему ещё большую жалость, и ей очень хотелось взять маленькую обезьянку на воспитание.

— Что ж, пожалуй, это неплохо, — согласилась Тамара Александровна и, обращаясь к врачу, добавила: — С ним ведь немало хлопот будет: надо в тепле держать, ночью дежурных оставлять, а у Екатерины Андреевны он в одних руках будет. Да и за обезьянами она больше двадцати лет смотрит, знает их хорошо.

Раиса Антиповна с такими доводами согласилась, и маленький Мусик остался у Екатерины Андреевны.

ПЕРВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Взяв на воспитание двухнедельную обезьянку, Екатерина Андреевна знала, что с ней будет немало хлопот.

Началось с того, что Мусик отказался от пищи.

Придя домой, Екатерина Андреевна первым делом согрела молока, налила в пузырьёк, надела соску и предложила Мусику. Мусик отвернул голову и даже не хотел смотреть на соску. Тогда Екатерина Андреевна попробовала ему дать с ложечки, но и с неё он не стал пить, а когда она налила ему молоко в рот силой, тут же выплюнул. И какое только ни пробовала ему давать молоко Екатерина Андреевна — сладкое, тёплое, разбавленное водой и, наоборот, отстоявшиеся сливки,— Мусик неизменно выплёвывал всё, что попадало ему в рот.

Промучившись без толку всю ночь, Екатерина Андреевна еле дождалась утра; она уже собиралась идти посоветоваться с Раисой Антиповной и Тамарой Александровной, но те пришли к ней сами.

— Как дела? — спросила первым делом Тамара Александровна.

— Плохо,— ответила Екатерина Андреевна,— всю ночь промучилась, а он даже капли не выпил! — И она беспомощно развела руками, показывая на творившийся в комнате беспорядок.

А беспорядок был действительно ужасный. Весь стол заставлен блюдечками, чашками, пузырьками с разными молочными кушаньями и приспособлениями в виде больших и маленьких сосок, ложечек, пипеток. А виновник всего этого беспорядка, маленький Мусик, по-прежнему сидел у Екатерины Андреевны за вязанкой, которую она, по-видимому, даже не снимала на ночь.

— Да, плохи дела,— покачала головой Раиса Антиповна, окидывая комнату взглядом и догадываясь, что Екатерина Андреевна действительно сделала всё, что возможно.— Ну что ж, давайте попробуем ещё.

И все три женщины снова принялись угощать малыша.

Однако, сколько они ни старались, из этого опять ничего не вышло.

Раиса Антиповна даже съездила в ближайшую консультацию и привезла оттуда молоко. Но Мусик не стал пить и его.

Тогда решили ему дать хоть что-нибудь, чем бы он мог поддержать свои силы. Предлагали многое, но из всего предложенного он совсем неожиданно стал пить апельсиновый сок.

Пришлось его кормить одним соком. А через несколько дней Екатерина Андреевна с большим трудом приучила маленького упрямяца к молоку. После того как Мусик начал есть, он стал поправляться.

Молоко брали из детской консультации, такое же, как для маленьких детей. Когда же Мусик немного подрос, ему стали давать тёплое яблоко, размоченный в молоке белый сухарик и многое другое, что нужно было маленькой обезьянке для правильного роста.

Правда, ел всё это Мусик неодинаково охотно. Он с удовольствием пил разные соки, кое-как мирился с кашей, но когда дело доходило до рыбьего жира, тут уж Екатерине Андреевне приходилось немало потрудиться, прежде чем заставить его выпить хоть несколько капель.

Не меньше затруднений было и с содержанием Мусика. Так, например, он ни за что не хотел оставаться один. Его самое любимое место было сидеть у Екатерины Андреевны за тёплой вязанкой.

У него была своя маленькая, похожая на детскую кроватку клетка. Она была застелена мягкой перинкой, а под перинкой лежала грелка с горячей водой, чтобы Мусику не было холодно.

И всё-таки, едва Екатерина Андреевна туда его клала, как он поднимал такой неистовый визг, так цеплялся за всё ручонками, что приходилось его опять брать на руки.

ПРОКАЗНИК

Мусик был очень большой проказник. Пока он был маленький, это ещё можно было терпеть. Но чем больше он подрастал, тем нетерпимее становились и его проказы.

Особенно много неприятностей происходило из-за того, что Мусику очень нравились блестящие и яркие предметы. Бывало, возьмёт Екатерина Андреевна вязанье, а Мусик то очки с её носа стащит, то из вязанья спицу выдернет — всю работу испортит. Или ещё так делал: сядет Екатерина Андреевна обедать, только ложку ко рту поднести хочет, а Мусик схватит её и жирный суп на платье своей воспитательницы выльет.

Тогда Екатерина Андреевна решила купить ему игрушки.

В магазин пришлось ехать вместе с Мусиком, потому что он никак не хотел оставаться один. Не успела Екатерина Андреевна надеть пальто, как Мусик тут же удобно пристроился у неё за пазухой. Он совсем не был виден, и даже в троллейбусе сидящий рядом мужчина никак не мог предполагать, что его соседка везёт обезьяну.

В магазине Екатерина Андреевна попросила показать ей игрушки. Она брала то одну, то другую и никак не могла выбрать подходящую. Перед ней лежал уже целый ворох резиновых уток, собачек, рыбок, плюшевых медвежат, целлулоидных погремушек, а она не знала, на чём остановиться.

Наконец продавщица не выдержала и сказала:

— Не знаю, что вам ещё дать, гражданка, но для маленького ребёнка это самые подходящие игрушки.

— Да, но у меня, видите ли... у меня ребёнок не такой, как все... Он...— нерешительно замялась Екатерина Андреевна.

— ...капризный,— кончила за неё продавщица.— Понимаю, понимаю,— сочувственно покачала она головой.— Так, может быть, вы ему возьмёте что-нибудь заводное?— предложила она.

— Нет. Видите ли...— опять начала Екатерина Андреевна, не зная, как сказать, что ей нужна игрушка для обезьянки.

Но говорить ничего не пришлось. Из затруднения её вывел

сам Мусик. Ему, видно, надоело сидеть в темноте. Осторожно высунул он мордашку, увидел грудку игрушек и в одно мгновение очутился на прилавке.

Нужно ли говорить о том, как удивилась этому неожиданному появлению продавщица. Она так растерялась, что даже не знала, как ей поступить. Зато маленький проказник не растерялся. Он недолго копался в игрушках, схватил большое красное кольцо с ярко-зелёной погремушкой и тут же поспешил обратно к Екатерине Андреевне.

Опомнилась продавщица лишь после того, как Мусик скрылся со своей добычей. И долго потом и она и все покупатели смеялись над тем, как Мусик сам себе выбрал игрушку.

Вообще в магазинах Мусик проделывал много самых непредвиденных вещей.

Так, однажды он сорвал у стоявшей рядом женщины с носа очки. Правда, женщина не рассердилась и даже угостила Мусика конфеткой, но Екатерине Андреевне такое поведение воспитанника было очень неприятно.

Дома тоже с ним становилось всё труднее и труднее. Теперь, когда он подрос, ему уже не сиделось, как раньше, за тёплой вязанкой, которую он так любил.

Первое время он лазил где-нибудь поблизости. Если же подбирался к чему-нибудь недозволенному, то стоило Екатерине Андреевне приподняться и направиться к выходу, как Мусик тут же с визгом мчался за ней и цеплялся за платье.

Но постепенно маленький проказник разобрался в обмане. Он уже не бежал к Екатерине Андреевне, если она делала вид, что уходит. Шалунишка лишь внимательно следил за тем, чтобы Екатерина Андреевна не скрылась за дверью. А когда она готова была это сделать, он мигом повисал у неё на одежде, и не было никакой возможности от него отцепиться. С каждым днём Мусик всё больше набирался ловкости не только в лазанье, но и в прыжках. Ему ничего не стоило забраться вверх по гардине, прыгнуть оттуда на этажерку или на мягкую постель.

Пришлось всё лишнее в комнате убрать. Уже давно не стояли на этажерке красивые статуэтки, было убрано зеркало,

флаконы с духами, гребёнка, сумка и вообще всё, что могло привлечь внимание любопытной обезьянки.

Немало побил и порвал он у Екатерины Андреевны вещей, но когда однажды забрался в буфет и выбросил оттуда всю посуду, она поняла, что настало время с Мусиком расстаться.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Сначала Мусика хотели поместить в обезьянник, но потом решили отправить в выездную секцию.

В выездной секции Зоопарка находятся самые разные животные. Здесь сидят волк, лисица, нарядный павлин, колючий дикобраз и много ещё других животных. Все они ручные, и любого из них свободно можно взять на руки.

Публика никогда не заходит в этот отдел Зоопарка. Зато животных нередко вывозят на специальной машине в клуб, в школу, в парк и там их показывают детям и взрослым. Лекторы рассказывают о жизни этих животных.

Секцией выездных животных заведовала Галина Григорьевна. Вот ей-то и решили отдать Мусика. Ведь он был совсем ручной, а у Галины Григорьевны как раз не было обезьяны.

Чтобы Мусик скорей привык и не так тяжело переносил разлуку, Галина Григорьевна взяла его не сразу. Она сначала ходила к нему в гости, приносила то вкусный банан, то кисть винограда, играла с ним

И всё-таки, несмотря на такую подготовку, свой переезд на новое место он перенёс тяжело.

Больших трудов стоило Галине Григорьевне заставить его принимать пищу. Он от всего отказывался, кричал, рвался из клетки и утихал только тогда, когда около него находились люди.

ОБУЧЕНИЕ МУСИКА

Когда Мусик освоился с новым местом и стал привыкать, Галина Григорьевна поручила его юннатке Оле. Оля выносила Мусика на прогулку и вела за ним наблюдения. Потом она решила научить его сидеть на стуле и есть из тарелки ложкой.

Стул и стол ему сделали сами юннаты. И то и другое было маленькое, как раз под рост Мусику.

Когда ребята преподнесли ему мебель, он ею очень заинтересовался. Сразу залез на стол, посидел на нём, потом слез, перевернул и стал грызть ножку. Пришлось ножку смазать горчицей. Мусик попробовал её, сморщился и больше уже не трогал.

Затем Оля посадила Мусика около стола на стульчик и сказала:

— Сиди, Мусик, сиди,— и дала ему кусочек сахару.

Но Мусик и не подумал сидеть. Он съел сахар, моментально спрыгнул со своего места и полез к Оле за лакомством.

Однако Оля ему сахар не дала. Она опять посадила обезьянку на стульчик и сказала:

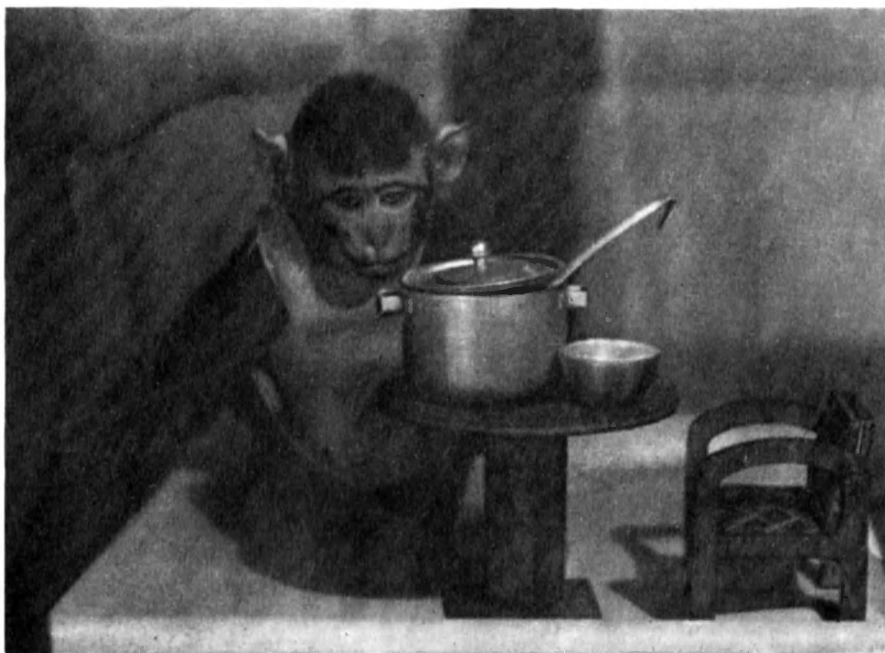
— Сиди, Мусик, сиди,— и только после того, как он сел, угостила его ещё одним кусочком.

Мусик быстро усвоил, что от него требуется. Уже на третьем уроке, если Оля ему говорила: «Сиди, Мусик, сиди», он послушно садился на стульчик и терпеливо ждал угощения.

Зато приучить обезьянку брать пищу ложкой оказалось гораздо труднее. Ложку Мусик держал охотно, но едва перед ним ставили тарелку, как он тут же бросал ложку и лез в посуду обеими руками.

Оля просто не знала, что с ним делать. Она горячилась, совала Мусику ложку в руки, а он сердился, кричал и упорно её откидывал.

— Нельзя так горячиться, Оля,— поправила её Галина Григорьевна, она пришла посмотреть на занятия и сразу заметила неполадки.— С животными надо обращаться ровно и спокойно, иначе из твоих уроков ничего не получится. Ну-ка, подумай лучше, как заставить Мусика держать ложку.

Галина Григорьевна напомнила, как Мусик хватал всё яркое, и предложила Оле дать ему вместо металлической цветную пластмассовую ложечку.

Оля так и сделала. На другой же день она купила ярко-голубую ложечку и принесла с собой в Зоопарк.

Едва Оля показала ложку Мусику, как он тут же её выхватил и никак не хотел отдавать. Когда же Оля поставила перед ним тарелку, он не бросил, как всегда ложку, а крепко зажал её в руке.

Осторожно поддерживая ложку, Оля направила её к тарелке. Помогла зачерпнуть ею вкусный виноградный сок и дала попробовать Мусику.

Через несколько дней Мусик свободно ел ложкой и так её полюбил, что всячески старался утащить к себе в клетку. А если ему это удавалось, то даже ложился с ней спать.

Самым лёгким оказалось научить его «читать» книгу. Конечно, не читать по-настоящему, а просто перелистывать её, а получалось, будто Мусик читает.

Книга была большая, с фанерными листами. В первый раз Оля положила её перед обезьянкой на стол и так, чтобы Мусик видел, сунула между фанерными листами кусочек печенья. Мусик тут же перевернул лист и съел печенье.

Этот номер с «чтением» он освоил моментально. А однажды, когда его выпустили погулять по комнате, так «перечитал» лежавшие на столе у Галины Григорьевны книги и дневники, что от них остались одни лохмотья.

Вскоре Мусик научился ещё «считать» на счётах, и его стали брать на выезды. Сначала показывали в клетке, а когда Мусик привык, Галина Григорьевна стала его оттуда вынимать и держала на руках.

ВСТРЕЧА

Прошёл год. За всё это время Екатерина Андреевна ни разу не навещала своего любимца. Она знала от Галины Григорьевны, что он сильно вырос, совсем не скучает, и не хотела его тревожить.

Однако ей всё же хотелось посмотреть Мусика, но так, чтобы он не видел её. Как раз в эти дни в зрительном зале Зоопарка должен был проводиться показ ручных животных. Екатерина Андреевна знала об этом. Вот и решила она тихонько туда зайти и посмотреть на своего воспитанника.

К началу она опоздала.

В зрительный зал Екатерина Андреевна вошла в тот момент, когда Мусик сидел за столом и показывал, как хорошо он умеет есть из тарелки ложкой.

Она уже хотела сесть, но тут Мусик повернул на шум голову и увидел Екатерину Андреевну. Он весь как-то подался вперёд и вдруг, с силой оттолкнув тарелку, как был, с голубой ложечкой в руке, прямо через ряды, через сидящих в зале людей бросился навстречу Екатерине Андреевне. И никто ещё

не успел сообразить, что случилось, как Мусик уже повис на шее у своей бывшей воспитательницы.

Он так крепко её обхватил, так крепко к ней прижался, что нечего было и думать его взять. Впрочем, это делать и не понадобилось. Вместе со своим питомцем Екатерина Андреевна поднялась на сцену, а Галине Григорьевне пришлось на этот раз заменить лектора и рассказать всю историю Мусика.

О том же, как он хорошо помнит Екатерину Андреевну, рассказывать не понадобилось, потому что все сидящие в зале были сами невольными свидетелями встречи Мусика с его воспитательницей.

Когда же Галина Григорьевна кончила говорить, весь зрительный зал дружно аплодировал и Екатерине Андреевне и Мусику и все просили обязательно написать о нём рассказ.

ВОЛК ВЕРНУЛСЯ В КЛЕТКУ

Совещание уже кончилось, но разошлись не все. Как всегда, осталось ещё что-то недосказанное, не совсем ясное, и спор продолжался. В основном он вертелся теперь вокруг того, что помещений для животных мало, что клетки тесные, да и тех не хватает.

Конец спору положил заведующий научной частью Зоопарка Пётр Александрович. Его предложение было кратким и суровым — запретить принимать таких животных, как медведь, волк и лиса, которые и без того заполнили многие клетки Зоопарка.

Это предложение было тут же бурно одобрено. Но не успели ещё замолкнуть клятвенные обещания сотрудников не брать лишних животных, как дверь кабинета открылась и в комнату вошёл человек. Он поставил на пол завязанную кошёлку, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Вот, привёз из Казахстана в подарок волчат.

В кабинете воцарилась тишина. Каждый понимал, что отказаться принять от человека подарок, привезённый издале-

ка,— неудобно. А взять волчат — значит занять ещё одну клетку.

Первым нарушил молчание Пётр Александрович.

— Да, дороговато вам обошёлся подарок,— сказал он.— Надо бы в заготпушнину волчат сдать. Получили бы премию, и ехать сюда не надо.

— Хотел сдать,— смущённо ответил охотник.— Да уж вышло так: привёз домой волчат показать, а они такие привязчивые оказались. Только ночь под печкой сидели, а наутро уже к ребятам ластятся, за ними, словно цуцынята, бегают. Жалко губить таких стало, вот и решил сюда везти, пусть живут, раз им такая судьба вышла.

С этими словами охотник нагнулся над кошёлкой и стал её развязывать. Оттуда сразу послышалось царапанье, возня, и не успел охотник приоткрыть крышку, как из-под неё мигом высунулись две серые мордашки, и их розовые язычки энергично заходили по руке человека.

— Ну вот, сами смотрите, разве можно таких убить? — улыбнулся охотник, наблюдая за тем, как волчата неуклюже вываливались из кошёлки на пол.

И нужно сказать, что малыши сразу покорили сердца тех, кто находился в кабинете.

Лобастые, пушистые, они мигом бросились ко всем ласкаться: виляли хвостиками, лизали руки, а когда Пётр Александрович посадил волчат к себе на колени, они тут же полезли к нему «целоваться». Облизали ему лицо, нос, шею и уже совсем непочтительно принялись теребить бороду.

— Ну, ну, ну,— засмеялся Пётр Александрович.— Подлиз не люблю!

Но уже по тому, как он смеялся, как их гладил, мы поняли, что судьба волчат решена в их пользу.

Поместили волчат в небольшую клетку, которая стояла на служебном дворе Зоопарка. Клетка была тесновата, но малыши от этого совсем не страдали. Ещё издали увидев проходившего человека, они бросались к дверце, прижимали уши и так умильно заглядывали, что как-то невольно хотелось доставить им радость и выпустить погулять.

Выпущенные на прогулку малыши бегали и резвились совсем как щенята.

Не всякий мог признать в них волчат — так они были ласковы. Бывало, присядешь на корточки и только позовёшь их: «Тютки! Тютки!» — как они тут же кончали свои забавы, бросались к тебе и старались лизнуть в лицо.

К осени волчата подросли и вытянулись. Зимой покрылись красивой пушистой шерстью и стали похожи на настоящих волков. Их уже никто не звал «тютками». Волку дали кличку «Қасқыр», а волчице — «Қасқырка». В переводе с казахского на русский язык это означало волк и волчица.

Но самой красоты волки достигли лишь на третью зиму. Они стали уже настоящими зверями, в своей полной красе и силе. Особенно красив был волк — широколобый, с могучей грудью; ему, казалось, ничего не стоило сбить с ног взрослого человека. Впрочем, сколько раз он это делал играя.

Однако, несмотря на рост и силу, Қасқыр и Қасқырка были по-прежнему ручными и ласковыми. Правда, они не относились ко всем людям одинаково. Одних, кого знали лучше, встречали с бурной радостью, других более сдержанно, на третьих вообще не обращали внимания. Вместе с тем волков без всякой опаски можно было по-прежнему выпустить погулять во двор или водить на ремне по многолюдной улице и быть уверенным, что они никого не тронут.

Но больше всех любили волки Петра Александровича и своего служителя Лёню. Ещё бы: ведь Лёня кормил и ухаживал за волками, а Пётр Александрович частенько навещал своих любимцев, чтобы выпустить их погулять или просто приласкать.

Волки были такие послушные и так хорошо себя вели, что их даже стали брать на выездные лекции. Такие лекции Зоопарк проводил в школах, клубах, на заводах... Лёня показывал ручных животных, а лектор рассказывал о их жизни.

Сначала Лёня боялся, что с волками будет трудно справиться, но оказалось не так. Особенно хорошо держался на сцене Қасқыр. У него даже были свои любимые лекторы, с которыми он не забывал при встрече «поздороваться».

Выводил Каскыра обычно Лёня. Подводил его к столу, который стоял посередине сцены, и зверь легко на него вспрыгивал.

Стоял он на столе спокойно, будто красуясь перед публикой

Когда же лектор говорил о том вреде, который приносит серый хищник, и о том, сколько он уничтожает домашних животных, волк будто специально открывал пасть и показывал свои огромные острые клыки.

И нужно сказать, что такое поведение Каскыра всегда производило впечатление. «Ну и зверюга!», «Да, такому попадётся на зубок — не вырвешься!» — слышались из зрительного зала возгласы.

Но вот о волке всё сказано. Лёня тихонько тянет своего любимца, и он послушно прыгивает со стола. И вдруг все видят, что, вместо того, чтобы спокойно уйти со сцены, волк, прижав уши, тянет за собой Лёню к лектору.

Вот он уже совсем близко, а лектор, не замечая опасности, продолжает беседу. Напрасно Лёня пытается оттянуть зверя — ещё рывок, волк прыгает на грудь человека и... лижет ему лицо.

Волка уводят, а публика ещё долго аплодирует ему вслед.

Возили Каскыра на грузовой машине. Он сам прыгал на машину и сам заходил в клетку, которая там стояла.

Когда после лекции Каскыра привозили в Зоопарк и вели на место, там его с бурной радостью встречала волчица. Волки были очень дружны между собой, и если их разлучали, то очень скучали друг без друга.

Как-то раз Каскыра взяли на киносъёмку. Приехав на место, Каскыр в первый день вёл себя прекрасно. Когда его выпустили на небольшой огороженный участок леса, где должна была проводиться съёмка, он спокойно обошел весь участок, обнюхал всё, что его интересовало. Познакомился и с людьми. Приветливо прижав уши, повилял хвостом оператору, дал себя погладить режиссёру. Одним словом, от волка все были в восторге и только жалели, что нельзя сразу приступить к съёмке, так как испортилась погода.

— Ну ничего, сегодня наш «артист» пусть отдохнёт, а завтра погода исправится, и мы его снимем,— сказал режиссёр.

И действительно, погода на следующий день исправилась, но настроение у волка испортилось. Он беспокойно метался по клетке, не стал есть мясо, которое ему дал Лёня, и всё к чему-то прислушивался.

Когда Лёня взял волка на привязь, чтобы отвести на съёмочную площадку, Каскыр заупрямился и никак не хотел туда идти. Он упирался всеми четырьмя лапами и всё тащил Лёню к своему ящику. Он делал это так выразительно, что Лёня не мог не понять зверя.

— Домой хочет. Соскучился,— перевёл Лёня режиссёру поведение своего питомца.

— Ерунда,— не поверил режиссёр.— Вот отснимем быстренько, и поедете.

Однако «быстренько отснять» не пришлось. Выпущенный на площадку Каскыр даже не отошёл от решётки. Сначала он старался её подрыть, потом схватил зубами и стал рвать. Зверь так нервничал, что о съёмке не могло быть и речи. Пришлось везти Каскыра в Зоопарк, не снявши ни одного кадра.

Зато сколько радости было при встрече Каскыра с волчицей! Оказывается, всё это время она тоже скучала без волка и отказывалась от пищи. Теперь же, очутившись наконец вместе, они с аппетитом поели свои порции мяса.

Вообще это была на редкость дружная пара. Когда им давали мясо, каждый брал свой кусок и не пытался отнять у другого. Если же волки ссорились, то Каскыр всегда уступал волчице, а если она всё же на него бросалась, то подставлял лишь плечо, хотя расправиться с волчицей ему не составило бы особого труда.

Часто, наблюдая за волками, думалось, как будут вести себя эти звери на свободе, уйдут или нет.

Об этом мы даже часто спорили. Одни говорили — придут, другие — что не вернуться. Ведь не зря говорится в старой русской поговорке: «Как волка ни корми, а он всё в лес глядит». Наши сомнения и споры разрешили сами волки.

Однажды в Зоопарк позвонили из пионерского лагеря и попросили привезти им на открытие лагеря медвежонка.

Лагерь был от Москвы совсем близко, и поехать туда было не трудно. Но случилось так, что в этот день все ручные звери уехали на лекцию и должны были вернуться поздно. Уехал с ними и медвежонок. Тогда мы решили заменить медвежонка Каскыром. Зверь он спокойный, ручной, да и ребятам будет интересно посмотреть волка.

Послали с волком меня и Лёню. Лёня должен был показывать Каскыра ребятам, а я — рассказать о жизни волка на воле.

Повезли Каскыра в легковой машине. Лёня сел впереди с шофёром, а я с Каскыром устроилась на заднем сиденье.

Пока мы ехали городом, Каскыр сидел около меня и спокойно смотрел в окно. Но вот Москва осталась позади. Потянулись поля, леса, перелески... Волк начал волноваться. Теперь он отодвинулся от меня, прижался головой к стеклу и всё искал носом щель.

Он так тяжело дышал, что мне стало его жалко, и я открыла окно.

Каскыр сразу высунул голову и стал с жадностью вбирать в себя встречный воздух. Он высовывался всё больше и больше... Я хотела взять Каскыра за ошейник, но тут он вдруг рванулся и одним прыжком на полном ходу машины выскочил из окна. Это было так неожиданно, что я даже не сразу сообразила, что случилось. Наконец, придя в себя, я закричала:

— Остановите машину! Остановите! Каскыр убежал!

Машина затормозила и остановилась. Мы с Лёней выскочили. Каскыр стоял на обочине дороги и растерянно озирался по сторонам. Потом зверь отряхнулся и как-то не совсем решительно направился в сторону леса.

— Каскыр! Каскыр! — закричал издали Лёня, уверенный, что волк его сейчас услышит и подойдёт.

Я тоже не сомневалась в этом. Но Каскыр, вместо того чтобы подойти или хотя бы остановиться, только прибавил шаг и скрылся среди деревьев.

Мы вбежали в лес почти следом за волком, однако его здесь уже не оказалось. Напрасно мы бегали и звали его — зверь словно сгинул.

Долго ещё мы ходили по лесу в надежде всё же найти волка, но он, видно, успел уйти далеко, и наши поиски были

напрасны. В лагерь мы не поехали. Теперь нам оставалось лишь скорее вернуться в Зоопарк и сообщить о случившейся беде.

В эту ночь многие сотрудники Зоопарка домой не пошли. Не пошёл домой и Пётр Александрович. Пожалуй, он был единственный человек, который верил, что волк найдётся.

Мы сидели в конторе и ждали утра, чтобы отправиться на поиски волка. Уже близился рассвет, но никто из нас даже не дремал. Каждый знал, что утром будет облава на ушедшего зверя. Всем было жаль этого ручного и ласкового волка, а вместе с тем каждый понимал, что именно ручной волк на свободе особенно опасен. Ведь он привык к людям, ничего не боялся и никто не знал, как он себя поведёт.

Здесь наши размышления прервал сторож. Взволнованный, вбежал он в контору.

— Скорее... там зверь! — еле переводя дух, сообщил он.

Мы вскочили и побежали за ним.

По дороге он объяснил, что около ворот Зоопарка видел зверя. Зверь проскочил так быстро, что он не успел его рассмотреть. Потом сторож услышал визг на служебном дворе Зоопарка, наверное, там что-то случилось, но идти одному боязно.

Мы подбежали к дворику. Пётр Александрович с силой распахнул калитку, и... мы все изумлённо остановились.

Там возле своей клетки спокойно лежал серый беглец, виновник всех наших волнений Каскыр. Да, да, это был Каскыр, тот самый, на которого собирались делать облаву.

— Каскыр! — крикнул Пётр Александрович.

Волк обернулся и опрометью бросился к Петру Александровичу, потом кинулся к нам. Он радостно скулил, лизал всем руки, лица. Когда же Лёня открыл клетку, волк вбежал туда и стал так же бурно ласкаться к волчице.

А мы смотрели на волка и удивлялись: подумать только, как велика была его привязанность к людям, если она заставила его вернуться в Зоопарк в свою клетку!

КРЫЛАТЫЙ ДРУГ

ЛЕБЕДИ

В Зоопарк привезли большую партию лебедей. Они сидели в деревянных ящиках по семь-восемь штук, а ящиков было так много, что они еле-еле разместились на двух грузовых машинах.

Лебеди были грязные и очень истощены дорогой. Таких птиц выпускать сразу нельзя. Надо им дать возможность сначала очистить перья, поправиться, а потом уже пускать на пруд.

На первое время лебедей поместили в большое тёплое помещение с двумя просторными водоёмами. Целые дни купались в них лебеди и так старательно мылись, что скоро их перья стали чистыми, без единого пятнышка.

В этом помещении лебеди сидели всю зиму. Наконец наступила весна. Растаял снег на дорожках парка, очистился ото льда пруд. И вот в один из солнечных весенних дней служитель Никита Иванович распахнул двери лебединого помещения. Широкой полосой ворвалось туда солнце. Взволнованные его лучами, лебеди закричали, вытянули шеи и столпились около открытых дверей. Там, перегораживая дорожку вправо, стояли люди, а налево с полным ведром корма манил их за собой знакомый им Никита Иванович.

— Теги, теги, теги!— звал он, высоко поднимая руку, из которой сыпались обратно в ведро золотистые зёрна.

Один из лебедей нерешительно переступил порог. За ним потянулся другой... третий... И, словно белая волна, заполнили они дорожку Зоопарка.

Сначала лебеди шли послушно за своим служителем. Но вот передние птицы увидели пруд. Они взмахнули крыльями, закричали и, уже ни на что не обращая внимания, бросились к воде. За ними остальные.

Десятки красивых птиц, словно белые хлопья, покрыли поверхность воды. Они погружали в воду свои длинные шеи,

разбрасывали тысячи брызг, хлопали крыльями, их радостные крики слышались до самого вечера.

Птицы так обрадовались свободе и так волновались, что даже не притронулись к корму, который им насыпал служитель. Зато на другое утро Никита Иванович не успел наполнить кормушку, как лебеди тотчас её окружили и принялись за еду.

ПЕРВЫЙ ВЫВОДОК

Выпущенные на пруд лебеди жили очень дружно. Они никогда между собою не ссорились и держались всегда вместе. Но вот Никита Иванович заметил, что пара лебедей-кликун стала отделяться от стаи. Это были лебедь и лебёдка.

Они плавали немного в стороне, и если к ним приближался другой лебедь, то самец тут же спешил отогнать пришельца. Потом возвращался к своей паре, подолгу кивал перед ней головою, и его трубные крики были теперь наполнены какими-то новыми, нежными звуками.

Скоро лебеди выбрали себе место и начали строить гнездо. Они строили его в самой отдалённой части пруда, около старой, развесистой ивы. Носили туда прутья, упавшие с дерева сухие ветки... Всё это птицы складывали кучей. Потом лебёдка залезала наверх и расправляла клювом.

Когда гнездо было готово, самка снесла пять больших белых яиц и села их насиживать. А самец плавал рядом и зорко следил, чтобы никто не приближался к гнезду. Стоило какой-нибудь птице подплыть чуть ближе, как лебедь, рассекая грудью воду, спешил её прогнать. И горе той птице, которая не успевала вовремя скрыться! Лебедь налетал на неё грудью, бил крыльями и, лишь отогнав, возвращался обратно.

Постепенно крылатые обитатели пруда узнали силу лебединых крыльев и уже избегали плавать мимо его гнезда. А Никита Иванович, чтобы не беспокоить лишний раз птиц, сыпал им корм подальше. Ведь из такой большой партии птиц свила гнездо лишь одна пара. Никита Иванович прилагал все ста-

рания, чтобы сохранить гнездо, и с нетерпением ждал появления птенцов.

Птенцы вывелись на тридцать второй день. Они были маленькие, неуклюжие, покрытые серым пушком. Никите Ивановичу очень хотелось посмотреть их ближе, но лебеди охраняли своих малышей ещё с большей тщательностью, чем гнездо. Спускаясь в воду, мать следила, чтобы птенцы держались рядом, а отец плыл тут же, охраняя покой всего семейства.

Глядя на заботы пернатых родителей, Никита Иванович от всей души радовался за птенцов.

Однако спокойствие служителя было неожиданно нарушено. Из клетки убежала лиса. Событие как будто небольшое, но Никите Ивановичу оно доставило массу забот. Лиса могла забежать на пруд, наткнуться на лебединое семейство и загрызть птенцов.

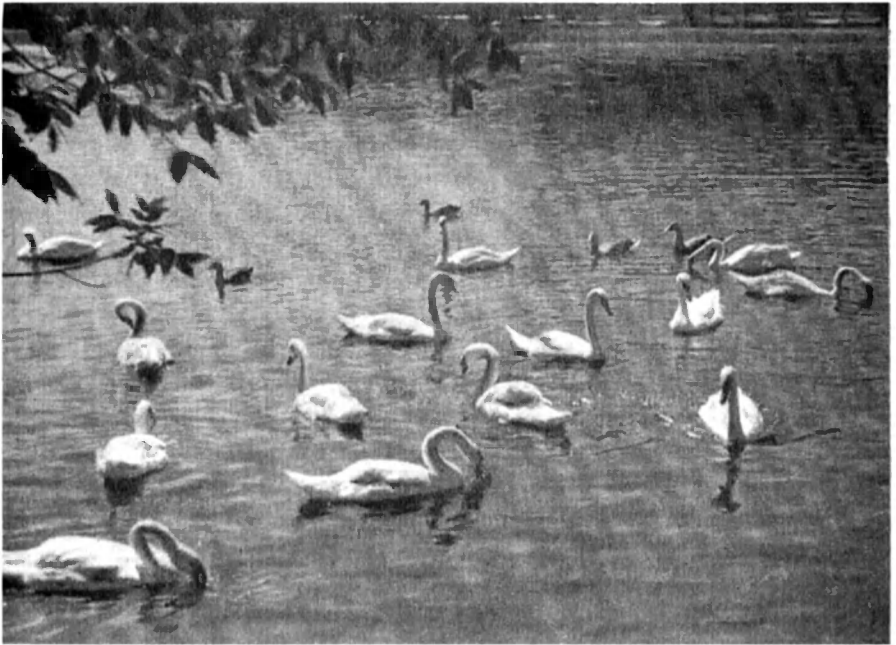
Никита Иванович совсем потерял покой. Днём он работал, а ночью тихонько, чтобы не слышала жена, вставал, одевался, но каждый раз, когда готов был скрыться за дверь, его останавливал голос жены:

— Не крадись, не крадись! Небось не глухая. Вернись назад!

Но Никиту Ивановича никто не мог остановить. Виновато, как-то боком, проскальзывал он в сени и спешил к пруду. Он обходил всю ту часть Зоопарка, проверял, не спят ли сторожа, и, наказав им лишний раз заглянуть на пруд, возвращался домой.

Прошло несколько дней. За это время никто из сторожей не видел лису. Никита Иванович уже начал успокаиваться, когда однажды, обойдя пруд и возвращаясь домой, он услышал страшный шум. С пруда неслось хлопанье крыльев, лебединые крики и тявканье лисы. Всё это слышалось со стороны того места, где обычно ночевал лебединый выводок. Никита Иванович сразу догадался, в чём дело, и бросился туда.

Ещё издали, под светом фонаря, увидел он лису. Она прижалась к металлической решётке пруда и, лязгая зубами, старалась отразить нападение лебеда.

— Пошла, пошла прочь! — вне себя на ходу кричал Никита Иванович, спеша на выручку лебедям.

Он подбежал совсем близко, но лиса не убегала. Очевидно, лебедь прижал её к решётке, и она не могла уйти. Несколько раз бросалась лиса на лебедя, но, сбита его крыльями, падала. Наконец, заметив подбежавшего служителя, лиса, уже не обращая внимания на сыпавшиеся удары, бросилась бежать. Никита Иванович перепрыгнул низкую перегородку пруда, и... перед ним лежал на земле распростёртый лебедёнок. Он поднимал головку, пытался встать и не мог. Никита Иванович наклонился и поднял птенца. Но едва успел его сунуть за пазуху, как почувствовал сильный удар в спину. Это, увидев в опасности детёныша, бросились его защищать родители.

Домой Никита Иванович вернулся хромая, весь в синяках и ссадинах. Увидев мужа, Прасковья Васильевна ахнула.

— Да кто ж тебя так изуродовал? — чуть не плача, говорила она, помогая мужу раздеваться.

Но вместо ответа Никита Иванович вынул из-за пазухи лебедёнка и, качая головой, проговорил:

— Ишь как покалечила, проклятая!

Лебедёнка уложили в корзину и прикрыли сверху одеялом, а утром пораньше Никита Иванович понёс его к врачу. У птенца оказался сильно помят бок и сломана правая лапка.

— Что ж, Никита Иванович, придётся его здесь оставить, — сказал врач. — К родителям пускать нельзя. Погибнет.

Но Никита Иванович оставить птенца не решился.

— А нельзя мне его домой взять? — спросил он. — Дома-то и ночью встанешь и днём лишний раз подойдёшь.

Врач согласился. Он хорошо знал старательного служителя, да к тому же Никита Иванович жил на территории Зоопарка и мог носить на перевязку птенца. Ловко забинтовав сломанную лапку, врач вернул лебедёнка служителю.

ПИТОМЕЦ

С этого дня птенец поселился в небольшой квартирке Никиты Ивановича. Назвал Никита Иванович своего питомца Васькой. Очевидно, потому, что до этого у него жил кот Васька, которого он очень любил.

Поместили Ваську-лебедёнка около печки. Там ему отгородили уголок, положили солому и поставили мисочку с водой. Первое время птенец совсем не поднимался. Он всё лежал и не мог встать даже за кормом. Кормил его Никита Иванович из рук. Открывал ему клюв, клал туда мочёный хлеб или кашу и давал с ложечки выпить воды.

Постепенно птенец стал поправляться, а недели через три уже свободно вставал на большую лапку и шёл навстречу Никите Ивановичу.

Хорошо он знал и свою кличку. Стоило кому-нибудь сказать «Васька», как лебедёнок тут же поворачивал голову и смотрел, кто его зовёт. Но лучше всех он знал Никиту Ива-

новича. Наверно, Васька считал служителя своей матерью и повсюду ходил за ним. Если же Никита Иванович садился обедать, то Васька забирался к нему на колени, лез клювом в тарелку или старался перехватить кусок прямо с вилки.

— Да он скоро тебе в рот залезет! — глядя на такое баловство, сердилась Прасковья Васильевна.

Но Никита Иванович только смеялся, поглаживал своего любимца по голове и просил давать обед похолоднее.

— Ты же всегда горячее любил, — удивлялась жена.

— Мало что любил, а теперь не люблю. Зуб что-то побаливает, — оправдывался Никита Иванович.

Но Прасковья Васильевна догадывалась, что настоящая причина была совсем не в больном зубе, а в том, что Никита Иванович боялся обжечь своего питомца.

Больше месяца жил лебедёнок Васька на квартире у своего воспитателя. У него уже совсем зажила лапка, уже давно с неё снял врач лубок и разрешил его выпустить на пруд, а Никита Иванович всё не решался.

— Пусть ещё поживёт, — говорил он, не желая расставаться со своим любимцем.

Но держать подросшего лебедя в доме с каждым днём становилось всё труднее и труднее. Васька так вырос, что уже не умещался в маленьком тазике, и для купания ему теперь ставили корыто.

А как он радовался купанию! Как только корыто ставили на пол, он уже начинал волноваться, пищал, лез головой в ведро с водой. И не успевал Никита Иванович наполнить корыто водой, как Васька спешил забраться в него. Что тут поднималось, сказать трудно! Во все стороны летели брызги, текли по полу лужи, а подушки и одеяла приходилось потом снимать с постелей и выносить на солнышко просушивать.

— Что, Прасковья Васильевна, опять ваш Васька купался? — спрашивали соседки.

— Не говорите! Никакой мочи с ним нет! Настоящий пруд дома устроил! — отвечала Прасковья Васильевна, развешивая вещи.

Никита Иванович видел сам, что держать птицу дома ста-

новится невозможно. И вот, собравшись однажды с духом, он понёс его на пруд.

Пошёл он вместе с женой, потому что ей тоже хотелось посмотреть, как примут их питомца остальные лебеди.

— Небось как увидит своих, вот обрадуется! — говорила Прасковья Васильевна.

И верно, не успели они пустить Ваську на пруд, как он радостно взмахнул крыльями и быстро-быстро поплыл к лебедям. Приняли его лебеди дружелюбно. Они окружили новичка, что-то кричали, кивали головами...

Долго стояли Никита Иванович и Прасковья Васильевна и смотрели на своего воспитанника. Среди старых белоснежных лебедей было легко отличить серое оперение молодого. А как обрадовался он свободе! Как плескался!

— Васька! Васька! — позвал его Никита Иванович.

Но тот даже не обернулся.

— Всегда так: корми, ухаживай, а он уплывёт и не глянет! — вздохнул Никита Иванович и повернулся к дому.

Но не успел он сделать десятка шагов, как его окликнула жена:

— Смотри, Никита, наш-то плывёт!

Никита Иванович обернулся и увидел: прямо на него, отделившись от стаи, плыл Васька. Было видно, как он торопливо перебирает лапами, как беспокойно оглядывается по сторонам и вдруг, заметив Никиту Ивановича, ударил крыльями по воде, выскочил на берег и забился грудью около решётки.

— Ах ты мой родименький! — бросился к птенцу Никита Иванович.

А лебедь, словно испугавшись, что его покинут, жался к хозяину и всё старался запихнуть ему под руку голову.

КРЫЛАТЫЙ ДРУГ

После этого случая Никита Иванович решил приучать лебедя к пруду постепенно. Теперь, отправляясь на работу, Никита Иванович шёл не один: рядом с ним шагал вперевалочку его любимец и воспитанник — лебедь.

Прежде всего они отправлялись к проходной будке. В проходной Никита Иванович брал у сторожа ключи от своего помещения, и так же вместе они шли на хозяйственный двор за кормами.

Там, пока кладовщик отпускал корм, а Никита Иванович его принимал, Васька разгуливал по лабазу. Он интересовался содержанием мешков, ящиков, всюду тянулся своей длинной шеей, всё старался потрогать клювом. Как-то раз он даже ухитрился развязать мешок с коноплей. Конопля рассыпалась, и Никита Иванович вместе с кладовщиком потратили немало времени, чтобы собрать семена.

Но даже за такие проделки никто не сердился на лебедя. Все сотрудники Зоопарка любили Ваську, и при встрече каждый старался его чем-нибудь угостить.

Первое время лебедь держался возле Никиты Ивановича. Если служитель убирал около пруда, он купался, плавал, а если Никита Иванович собирался уходить, спешил за ним.

Постепенно Васька привыкал оставаться без Никиты Ивановича. Он уже не бился о решётку, когда тот уходил и оставлял его на ночь с другими лебедями, а только вытягивал шею и смотрел вслед своему хозяину.

Все удивлялись такой привязанности Васьки. Особенно после того, как он однажды заступился за своего воспитателя.

Случилось это поздней осенью. Васька к этому времени вырос и превратился в большую, сильную птицу. Он по-прежнему хорошо знал Никиту Ивановича и, когда служитель его выпускал, всюду ходил за ним. И вот, когда они однажды шли по дорожке Зоопарка, Никита Иванович вдруг увидел бегущего ему навстречу годовалого медвежонка. Этот медвежонок был ручной. Его привели в Зоопарк, но он испугался необычной обстановки, вырвался из рук хозяина и убежал.

Зверь мог наделать много бед. Никита Иванович хотел его задержать, но перепуганный ещё больше медвежонок взревел. Он уже готов был броситься на человека, но тут внезапно перед ним появился лебедь. Всей грудью налетела птица на

зверя. Медвежонок растерялся, а лебедь, не давая ему опомниться, осыпал его градом ударов. В это время подросел хозяин. Он взял медвежонка на цепь и ушёл.

После этого случая Никита Иванович ещё больше полюбил своего крылатого друга. Тем же платил своему воспитателю и лебедь. Стоило ему увидеть Никиту Ивановича, как он уже издали приветствовал его громкими криками и, радостно хлопая крыльями, спешил к нему навстречу.

КАК ЗООТЕХНИК ПЕРЕХИТРИЛ ОЛЕНЕЙ

Как-то в начале лета в Зоопарк привезли пятнистых оленей. Эти стройные, красивые животные были совсем ещё дикие. Ведь их поймали недавно, и они ещё не успели привыкнуть к людям.

Сначала оленей поместили в небольшом деревянном дворике с маленьким сарайчиком. В такое тесное помещение их пустили специально, чтобы они перестали бояться и хоть немного привыкли к человеку.

Служитель, который за ними ухаживал, заходил во дворик осторожно, стараясь не сделать лишнего движения, чтобы не напугать своих питомцев. Осторожно клал в кормушку сено, привязывал к столбу связанные веником свежие ветки, потом сыпал в кормушку нарезанную морковь, свёклу, картошку и так же осторожно уходил.

Первое время олени приближались к кормушке лишь после того, как уходил служитель, но постепенно привыкли к нему и даже перестали шарахаться в сторону, когда он заходил. Теперь уже можно было выпустить оленей в загон. Загон был очень большой. Он весь зарос молодой травкой, а посередине, словно рошица, росли деревья.

Когда открыли ворота дворика, олени вышли не сразу. Первым вышел самый большой самец, очевидно, он был вожаком стада, потому что следом за ним тут же потянулись и остальные. Олени шли насторожённо, готовые каждую секунду броситься в сторону. Особенно было заметно, как боялись

самки. Они мелко-мелко дрожали и большими испуганными глазами смотрели по сторонам.

Но вот олень-вожак, осторожно ступая, направился к деревьям, а за ним и остальные. Очевидно, эта маленькая рощица среди ровного и открытого места казалась более надёжным укрытием, потому что, собравшись под деревьями, они провели там весь день. Олени, робко оглядываясь по сторонам, вышли лишь после того, как закрылся Зоопарк и ушли все посетители.

Прошло несколько дней. Олени по-прежнему боялись людей и по-прежнему не подходили к решётке, хотя всё же стали вести себя смелее. Лишь иногда, вдруг чего-то испугавшись, лёгкими прыжками проносились через загон к своей рощице и будто замирали среди деревьев. Их тревожило всё, и поэтому около загона постоянно находился дежурный. Он следил, чтобы кто-нибудь из посетителей не напугал оленей, ведь они могли разбиться о решётку.

Дежурный следил очень внимательно, и всё же такая беда

случилась. Кто-то пронзительно свистнул. Всё стадо бросилось к деревьям, а одна оленуха в диком испуге ринулась к решётке. Удар! Не чувствуя боли, с содранной по всей груди кожей она кинулась к стаду. Оленуха встала среди своих собратьев, вся дрожа и даже не замечая крови, которая капала на зелёную траву.

Прибежал зоотехник. Пришёл врач. Издали, насколько это было возможно, разглядели оленуху. По всем признакам рана была неопасна, но нужно было как можно скорее её промыть и смазать. Стояли жаркие дни, и мухи липли к ране. Но как это сделать? Как подойти к дикому оленю? Ловить оленуху — значит разбить других. Выход был один: заманить всех оленей снова во дворик, потом остальных выпустить, а больную оставить. Начали с того, что опять поставили им во дворике кормушки, потом туда перенесли и поилку. Пожалуй, последнее помогло больше всего.

Олени уже не держались около привычных деревьев, а переместились ближе к открытым воротам дворика, где заманчиво поблёскивала в чистой поёнке вода, а в кормушках была разложена еда. К тому же дорожку вокруг той части загона, где был дворик, закрыли, чтобы никто не мог побеспокоить оленей.

Олени зашли во дворик уже на второй день. Как только они зашли, зоотехник дёрнул верёвку, и ворота захлопнулись.

Сначала, как и хотели, попытались отделить больную оленуху, а остальных выпустить. Но от этого пришлось сразу же отказаться, потому что испуганная оленуха пыталась вырваться из дворика первой. Тогда решили оставить всё стадо.

Врач принёс мазь. Однако и закрытые в тесном дворике олени не давали к себе подойти. Особенно раненая оленуха. Она тут же пряталась за остальными оленями и не давала до себя даже дотронуться. А медлить дальше было нельзя. Рана уже потемнела и очень мучила животное.

Тогда пришло решение: постараться загнать оленуху в сарай. Там, в тесном помещении, смазать её будет легче. Но получилось так, что в сарай вместе с раненой оленухой заскочило ещё несколько оленей. Они по-прежнему шарахались в

сторону от человека, и зоотехник ничего не мог сделать. Однако он заметил, что, когда в сарай через небольшое оконце проникает в помещение свет, олени боятся больше, а к вечеру, когда в помещении становится темнее, они более беспомощны. Опытный зоотехник сразу догадался, что нужно сделать. Он вышел и так плотно занавесил халатом окно, что туда больше не проникал даже самый маленький лучик света. В этот день запертым в темноте оленям ничего не дали есть, а к вечеру зоотехник, обвесив себя со всех сторон свежими ветками, так что стал похож на куст, взял мазь и вошёл в помещение.

Там было так темно, что только по движению оленей он мог определить, что они делают. Сперва они сбились в кучу и фыркали, но «куст» стоял спокойно, не шевелясь. Потом олени, шумно дыша, топали совсем рядом, потом один из них робко оторвал листок с ветки. Дальше уже пошло, как это было нужно. Олени с жадностью объедали с «куста» ветки.

Забыв осторожность, они так теснились вокруг зоотехника, что даже не обратили внимания, как он гладил их спины, бока... как нащупал раненую оленуху и, уже не упуская, смазал ей разбитую грудь, шею, а потом ещё долго, поглаживая, втирал мазь.

Через несколько дней такого лечения рана начала постепенно затягиваться, и больная оленуха стала быстро поправляться. Скоро её опять выпустили в загон. Рана затянулась, покрылась шерстью, и о ней напоминала лишь маленькая лысинка на груди.

МЕДВЕЖОНОК

КОПУША

Этого медвежонка называли Копушей, потому что она вечно копалась: последней выходила на прогулку, последней съедала свой обед. Братец Копуши, Драный Нос, самый задорный и злой медвежонок, уже успевал подраться с другими медве-

жатами, сестра Лизунья — облизать свои и чужие миски, а Копуша всё копалась и копалась...

Из всех медвежат Копуша была одна такая спокойная, добрая. Ей можно было без опаски дать в рот палец, отобрать корм. Не то что Драный Нос. Тому не дашь палец. Подойдёт, полижет и вдруг вцепится, да так, что не оторвёшь. Он и к другим медвежатам всегда приставал. Слабый, а в драку лезет. Недаром с вечно драным носом ходил, оттого его так и прозвали.

Копуша была общей любимицей. Она и играла как-то по-особенному: медленно, важно. Бывало, перевернётся через голову, а потом сядет и смотрит: в чём дело, почему дерево с другой стороны очутилось?

Всех больше она дружила с самой молодой юннаткой — Маней, потому что на Маниных платьях было много пуговиц,

а Копуша их любила сосать. Сосать — это любимое занятие медвежат, а Копуши — особенно. Сосала она всё, что попало. Была ли это собственная лапа, пуговица или ухо соседа — всё равно. От удовольствия она только жмурила глаза и урчала. Вообще Копуша была очень смиренная. Такие медвежата встречаются редко. Обычно они бывают очень вспыльчивые, чуть что — кусаются, а она никогда.

Поэтому, когда меня пригласили в детский сад на утренник с каким-нибудь животным, чтобы рассказать о его жизни, я, не задумываясь, остановилась на Копуше.

В ГОСТЯХ У РЕБЯТ

Приехала за нами машина с утра. Я попросила шофёра подождать и отправилась за Копушей. Копуша любила гулять. Она легко дала надеть цепь, радостно потянула меня из клетки и, неуклюже приشلёпывая лапами, побежала вперёд. Но вот подошли к машине. Машина стояла чёрная, незнакомая, страшная и была совсем не похожа на тех зверей, которых видела Копуша. Она очень испугалась. Поднялась во весь свой маленький рост, глазёнки сделались круглые, губы вытянулись в трубочку, и так стояла не шевелясь. Потом вдруг испуганно повернулась и бросилась бежать. Удержала я её с трудом... Держала крепко, не давала уйти, и Копуша испугалась ещё больше. Откуда взялась и силёнка! Она упиралась всеми четырьмя лапами, хваталась за все предметы и так кричала, что со всего Зоопарка сбежались люди. Пришлось сажать её в ящик и потом уже ставить в машину.

Всю дорогу кричала, стонала и царапалась Копуша. Успокоилась только около детского сада. Я была очень рада, потому что хотела сделать ребятам сюрприз, а она своим криком могла всё испортить.

Копушу поместили в одной из комнат, а я пошла в столовую к ребятам. Несмотря на тайну, они, наверно, кое-что знали: нетерпеливо вертелись на стульях, поглядывали украдкой на дверь и таинственно шептались. И всё-таки, когда

Копушу привели, раздалось общее «ах», потом: «Мишка, на!», и всё, что было на столе, очутилось перед ним.

Нужно ли говорить о том, что уж тут Копуша не испугалась. Она быстро оценила вкус яблок, конфет и печенья. Выбирала то одно, то другое, слизывала самое вкусное. Скоро её брюшко стало похоже на барабан, она едва ходила и смотрела посоловевшими глазками.

Ребята были в восторге. Они не знали, что делать. Ходили за Копушей по пятам, наперебой ласкали и всё упрашивали ещё скушать хоть кусочек.

Уехали мы очень поздно.

Ребята провожали Копушу, просили привозить её ещё, совали на дорогу сластей. Обратную дорогу она вела себя тише — не кричала, не царапалась. Чтобы не вести её на цепи, мы подъехали прямо к клетке. Вытащили из машины ящик, открыли и... ахнули. Посадили туда медвежонка, а вылез кондитерский магазин. Вся морда и голова Копуши были вымазаны кремом. Прилипли к мягкой шерсти кусочки печенья, торчали конфеты, а во рту она держала большое яблоко. В таком виде её не узнали даже медвежата.

Как только Копуша вылезла, все двадцать пять медвежат, словно по команде, очутились на самой верхушке дерева. Зато что было, когда они её узнали и спустились вниз! Бедная Копуша! Она не знала, куда деваться. Вся медвежья стая преследовала её по пятам, вырывала с шерстью прилипшие конфеты, отняли яблоко, а Дранный Нос чуть не откусил ей вместе с кремом ухо.

В этот день медвежата улеглись очень поздно. Они крепко спали, а Копуша, вся ободранная и обсосанная, ещё долго ворочалась с боку на бок и обиженно стонала.

НЕУДАВШАЯСЯ СЪЕМКА

В Зоопарке снимали картину, называлась она «Насекомые». В этой картине снимались разные букашки, бабочки, жуки и большой ёжик.

Клетки у нас все были заняты, и мы недолго думая поместили колючего артиста к Копуше.

Ёжик был старый и сердитый, но нужно сказать, что с медвежонком он ужился претотлично. Он даже не колол Копушу, когда она, приглашая поиграть, толкала его лапой, а только сердито сопел.

Копуша тоже снималась в кинокартине. Роль её была небольшая: залезть на дерево, открыть улей, достать мёд. Чтобы во время съёмки не вышло ошибки, решили её приучить. Для первого раза поставили улей на землю, положили в него мёд и пригласили Копушу. Копуша подошла недоверчиво. Вещь незнакомая, страшно: вдруг что выскочит, укусит, а Копуша была труслива. Долго ходила она вокруг улья: то понюхает его, то потрогает; потом увидела, что страшного ничего нет, стала на задние лапы и полезла в отверстие носом. Нос потянул воздух и сказал, что пахнет вкусным.

Копуша заволновалась. Вкусное надо достать. Она попробовала сунуть туда голову, но голова была большая и не влезала. Напрасно Копуша старалась её втиснуть и поворачивала то одной, то другой стороной — ничего не выходило. Тогда она сунула лапу. Лапа прошла свободно. Копуша открыла улей, достала мёд... Конечно, он пришёлся ей по вкусу. Она облизала языком всё-всё, даже доски. Потом легла и, урча, засосала лапу.

В следующий раз мы подвесили улей на дерево. Я залезла с другой стороны по лестнице, клала мёд и звала «артистку». «Артистка» кубарем катилась к дереву, быстро влезала и выполняла всё, что от неё требовали. Эти занятия ей так понравились, что она даже лазила, когда не нужно.

Впрочем, это продолжалось недолго.

Недаром Копуша считалась у нас умницей. Скоро она заметила, что мёд бывает там только тогда, когда влезая я, и после этого открытия стала зорко следить за мной. Не было возможности залезть незаметно на дерево. Как только я появлялась на площадке, Копуша бросалась ко мне. Я — к дереву, она — за мной. Неуклюжая, а бегала быстро, нипочём не уйдёшь. Поймает за ноги, тащит, кричит, а не дашь мёда — ещё укусит. Однажды целую банку отняла, всё съела и даже не моргнула.

«Ну,— думаю я,— на тебя и мёда не напасёшься, буду лучше в клетку запирать и выпускать, когда всё приготовлю». Так и сделала. Копуше это не понравилось.

Чего она только не вытворяла! Кричала, рвала сетку, потом смешно складывала лапки и просила её выпустить.

От такой «артистки» режиссёр был в восторге. Ему не терпелось её скорее заснять.

Но вот наконец наступил долгожданный день съёмки. С утра светило солнышко, а мы волновались, торопились, готовились. Внутри улья уже находились посаженные туда заранее пчёлы, а режиссёр ещё раз проверил, всё ли на месте. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал: Копуша скинула лапой крючок, открыла дверь и вышла.

Какой поднялся переполох, сказать трудно! Все до одного

бросились наперерез «артистке». Каждый старался её схватить, задержать. Но, с невиданной для медведя ловкостью, увёртываясь от ловивших её рук, Копуша всё-таки вскарабкалась на дерево. Она так спешила, что не заметила маленьких точек, которые зловеще летали вокруг.

Привычным движением просунула она в отверстие лапу, и тут... тут вылетела чёрная гудящая масса и окружила Копушу. Сначала она пробовала бороться с пчёлами. Била их то одной, то другой лапой, закрывала морду. Но пчёлы лезли в нос, в уши, в глаза, забивались в шерсть и так кусались, что Копуша даже забыла про мёд. Кубарем скатилась она с дерева, валялась по земле, кричала, потом вскочила и без оглядки помчалась в клетку.

Одним словом, она сделала всё, что было нужно, но занять её не успели. Заставить же ещё раз лезть на дерево не могли. Не помогла и банка с мёдом.

А утром, вся распухшая от укусов, больная и скучная, она отказывалась и от пищи.

Этим и кончился неудавшийся Копуше номер с покражей мёда и её карьера «артистки».

ГНЕЗДО 13

Сначала все волнистые попугайчики находились в большой, просторной клетке. Их было очень много и самого разного цвета — голубые, зелёные, жёлтые...

Целые дни они весело щебетали, летали по клетке. Если же волнистые попугайчики сидели на жёрдочках, то, глядя на них, можно было подумать, что это волшебное дерево, украшенное живыми разноцветными листочками. Эти листочки то перепархивали с места на место, то, чем-нибудь вспугнутые, беспорядочно поднимались вверх и так же беспорядочно опять садились на ветви.

Но вот наступил февраль, и птички начали разбиваться на пары. Тогда тётя Нюша, которая ухаживала за птицами, взяла сачок, сплетённый из толстых, крепких ниток, и стала рассаживать попугайчиков по цвету. Это была очень тяжёлая

и кропотливая работа. Нужно было поймать птичку так аккуратно, чтобы не повредить её пёрышек; посмотреть, какого она цвета, и если зелёного, то пустить к зелёным попугайчикам, если жёлтого — к жёлтым, голубого — к голубым.

Тётя Ньюша это делала много лет подряд. Никто, кроме неё, не мог так ловко взмахнуть сачком и, не давая пойманной птичке биться и ломать пёрышки, быстро пересадить в нужную клетку.

Закончив работу, тётя Ньюша вдруг заметила в клетке голубых попугайчиков невзрачную бледно-голубую самочку.

— И как же я проглядела такую некрасивую?— разволновалась тётя Ньюша.

Конечно, птичку можно было тут же поймать и отсадить, но тётё Ньюше не хотелось лишний раз тревожить попугайчиков.

— Ладно уж, пусть остаётся,— махнула она рукой и стала развешивать в клетках домики.

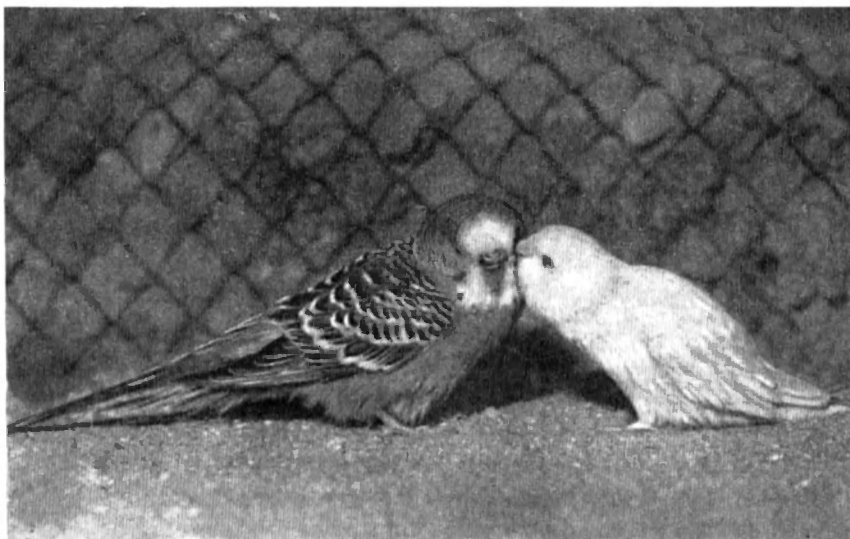
Домики были деревянные, похожие на маленькие скворечники.

Их привезли очень много, потому что в каждую клетку надо было повесить столько, сколько там находилось пар птиц.

Вот и сейчас в клетке, где сидели зелёные попугайчики, тётя Ньюша повесила пятьдесят четыре домика. Это значило, что здесь пятьдесят четыре пары и каждой паре полагается свой отдельный домик, да ещё с номером, чтобы легче было записывать, в каком гнезде что делается.

Не успела тётя Ньюша кончить работу, как каждая парочка поспешно стала выбирать себе помещение. Через несколько дней все гнёзда были заняты, и только номер 13 почему-то остался пустым.

Тётя Ньюша никак не могла понять, почему так получилось. Сначала она подумала, что этот домик неудобен или в нём слишком мал леток. Тётя Ньюша подставила лесенку и полезла проверить. Но нет, отверстие было гладкое, круглое, нужного размера и внутри ровным слоем лежала подстилка. Одним словом, всё в порядке, а птички почему-то в нём не поселились.

Но всё же, чтобы выяснить причину, служительница стала следить за ним.

Сначала тётя Нюша ничего не замечала, потом увидела, что один из зелёных попугайчиков всё время сидит отдельно. Этот попугайчик легко отличался от других. Все уже давно разбились на пары, а он держался один. Пёрышки у него были взъерошены, выглядел он скучным и плохо ел.

Тётя Нюша подумала, что попугайчик болен. Однако не болезнь оказалась причиной такого поведения птички. Однажды, когда попугайчик, взъерошенный и скучный, сидел на жёрдочке, с другой стороны сетки к нему подлетела та самая невзрачная голубая самочка, которая так не понравилась тёте Нюше.

Заметив самочку, зелёный попугайчик сразу востроился, повеселел и всё старался к ней просунуть сквозь сетку голову.

Так, значит, вот кто был виновник болезни попугайчика! Очевидно, ещё находясь в общей клетке, они подружились, а теперь, оставшись друг без друга, скучали.

Тёте Нюше стало жаль птичку. И хотя этого не полагалось

делать, она всё же отловила некрасивую бледно-голубую самочку и пустила в клетку к зелёному попугайчику.

На следующее утро гнездо под номером 13 уже не пустовало. Около него на жёрдочке сидели два попугайчика: один зелёный, другой бледно-голубой. Они весело щебетали и заботливо чистили друг другу пёрышки. А через несколько дней самочка снесла маленькие нежно-розовые яички и села их насиживать.

Она сидела и днём и ночью и даже не слетала за едой. Кормил свою подружку зелёный попугайчик, кормил прямо изо рта, как птенчика, а если самочке хотелось полетать, он сменял её и садился греть яйца.

Так прошло семнадцать дней. Во всех гнёздышках вывелись птенцы, вывелись и у бледно-голубой самочки. Птенцы лежали на подстилке, маленькие, покрытые беловатым пушком, с огромными клювами, а оба родителя целые дни таскали им еду.

Теперь тётя Ньюша давала попугайчикам, кроме семян, как можно больше мягкого корма. Она мелко рубила сваренные вкрутую яйца, добавляла каши и ставила в мисочках намоченный в молоке хлеб. Всё это она делала для того, чтобы облегчить птичкам кормление птенцов.

Да и на работу тётя Ньюша приходила теперь раньше положенного времени. Войдя в помещение, она надевала белый халат и торопилась обойти клетки, чтобы убедиться, всё ли в порядке. Потом уже убирала помещение, готовила корм и несла его птицам.

Но вот однажды во время обхода тётя Ньюша вдруг увидела в клетке попугайчиков птенцов. Они лежали на полу под гнездом номер 13. Под тем самым, которое так долго пустовало и в котором потом поселилась голубая невзрачная самочка.

— Ах ты негодница! Выбросила да ещё сидит как ни в чём не бывало!— гневно закричала тётя Ньюша и, что с ней редко случалось, замахнулась на сидевшую около гнезда птичку.

Потом осторожно подняла птенцов и положила их обратно в гнездо.

— Попробуй только выкинь ещё раз!— пригрозила она отлетевшей в сторону самочке.

Затем взяла дневник и подробно записала всё случившееся.

После этого происшествия тётя Ньюша стала вести за гнездом номер 13 особое наблюдение. Кто знает, ведь всегда может случиться, что эта самка выбросит своих птенцов ещё раз.

Однако опасения служительницы оказались напрасными. Оба попугайчика так старательно ухаживали за птенцами, словно ничего не случилось. Особенно старалась голубая самочка. С утра до вечера летала она от кормушки к гнезду. Целый день носила птенцам корм и даже не всегда успевала поесть сама.

— Ишь как старается! Сама бы не захудала,— беспокоилась тётя Ньюша и хотя ещё продолжала сердиться на голубенькую самочку, но всё же пододвинула столик с кормом поближе к гнезду, чтобы сократить птичке расстояние.

Вообще тётя Ньюша очень любила своих крылатых питомцев и очень за них волновалась. Особенно когда приближалось время первого вылета птенцов из гнезда. Ещё бы: в этот день она подводила итог своей кропотливой работы. Ведь от того, насколько хорошо она ухаживала за птенцами, зависело и состояние выводков. Поэтому на тридцать пятый день, когда должны были вылетать птенцы из домика номер 13, тётя Ньюша беспокоилась особенно сильно. С самого утра не отходила она от клетки, даже не пошла обедать, а птенцы всё ещё не показывались.

— Неужели слабые?— волновалась тётя Ньюша.

Она уже хотела зайти в клетку и посмотреть, что делается в злополучном гнезде, как вдруг оттуда показался первый птенец.

Легко и свободно выпорхнул он из домика и уселся возле родителей на жёрдочке. Следом за ним последовали ещё. «Два... три...— записывала тётя Ньюша в тетрадку.— Ещё четыре...— поправила она предыдущую цифру.— Подумать только, семь птенцов! И надо же такую ораву выкормить!»

Но тут, к её удивлению, из гнезда вылетело ещё несколько птенцов. «Восемь... десять... одиннадцать!»— быстро сосчитала тётя Нюша. Одиннадцать!.. Такого огромного выводка тётя Нюша не видела за всю свою долголетнюю работу.

Она даже не записала последнюю цифру и побежала к заведующей.

Когда тётя Нюша вместе с заведующей вернулась в попугайник, то на жёрдочке около гнезда сидели уже не одиннадцать, а двенадцать птенцов. Они сидели все в рядок и весело щебетали.

Увидев такую большую семью, заведующая удивилась тоже.

— А не ошиблись ли вы, тётя Нюша?— спросила она.— Может быть, это из другого гнезда вылетели, и вы спутали?

— Что вы, Анна Васильевна!— рассердилась тётя Нюша. Да я своими глазами видела, из какого летка вылетали. Я за этим гнездом специально наблюдала. У меня всё записано: и как кормила и как птенцов выкидывала.

— Птенцов выкидывала?— переспросила Анна Васильевна.— Странно. А ну-ка, покажите дневник. Не может быть, чтобы одна пара столько вывела.

Тётя Нюша принесла толстую тетрадь и подала заведующей.

Анна Васильевна открыла дневник и долго, внимательно смотрела записи. Она нашла и ту, где было написано, как тётя Нюша обнаружила на полу птенцов и как она положила их обратно в гнездо.

— Где же лежали птенцы?— переспросила Анна Васильевна.

— Да вот здесь, под самым домиком,— показала тётя Нюша.— Вот отсюда я их и взяла.

Она даже нагнулась над тем самым местом, как будто там и сейчас лежали птенцы. Потом выпрямилась и... прямо перед собой увидела домик с номером 12, а номер 13 висел чуть-чуть в стороне.

— Ну, вот видите,— засмеялась Анна Васильевна,— птен-

цы-то, оказывается, из двенадцатого гнезда, а вы их в тринадцатое положили.

Тётя Ньюша даже остолбенела. Потом бросилась за лесенкой, подставила её к номеру 12 и быстро поднялась по ступенькам. Так и есть: гнездо пустое. Значит, вот откуда выкинули родители своих птенцов! А она, тётя Ньюша, сунула их в соседний домик, да ещё так ругала маленькую голубую самочку.

Тётя Ньюша даже невольно протянула руку, чтобы погладить птичку, но та не поняла её движения. Она тревожно заметалась около своих двенадцати птенцов и всё старалась их загородить. Когда же тётя Ньюша вышла из клетки, голубая самочка сразу успокоилась. Она уселась рядом со своими птенцами, из которых шесть было зелёных, а шесть ярко-ярко-голубых, и стала чистить свои бледные, невзрачные пёрышки. Но теперь эта невзрачная с виду птичка показалась тётё Ньюше такой красивой, что она не выдержала, обернулась к заведующей и, показывая на птичку, сказала:

— И как только я не заметила, что она такая красивая! И Анна Васильевна с ней согласилась.

Б Е Л Л А

В Зоопарк привезли большую партию обезьян. Здесь были вертялые мартышки, длиннохвостые капуцины, похожие на собак гамадрилы и две шимпанзе — Бера и Белла.

Бера ничем особенным не отличалась от тех шимпанзе, которые до этого жили в Зоопарке, зато Белла была на редкость крупная, мускулистая, с широкими, могучими плечами и необыкновенно внимательным взглядом небольших карих глаз. Она невольно привлекала к себе внимание.

Когда Беллу впустили в клетку, она, довольно похрюкивая, сразу направилась к трапедии. Схватила её своими длинными сильными руками и, раскачавшись, словно акробат, ловко перепрыгнула на другую трапедию. Сделав несколько таких прыжков, Белла соскочила на пол, не торопясь подошла

к решётке и стала следить за тем, что делает служительница.

Вообще Белле очень нравилось следить за тем, что делалось в помещении. Особенно её внимание привлекали ключи. Стоило служительнице положить их на стол, как Белла тут же старалась достать рукой. Заметив это, служительница стала класть ключи подальше, чтобы обезьяна не могла их достать. И всё-таки это случилось.

Однажды служительница пошла на кухню за кормами. Закрывая за собой дверь, она не заметила, как упала щётка. Не успела щётка стукнуться об пол, как в одну минуту очутилась около решётки Белла.

Совсем немного времени потребовалось ей, чтобы просунуть сквозь железные прутья руку и достать щётку. Потом Белла подтащила ею ключи, схватила их и стала отпирать клетку. Правда, открывать замок, когда он висит с наружной стороны дверцы, не совсем удобно, однако ловкие руки обезьяны отлично справились с этой задачей.

Очутившись на свободе, Белла первым делом обследовала помещение. Она заглянула во все кастрюли, попробовала их содержимое; то, что ей не нравилось, она тут же выливала на пол, а то, что приходилось по вкусу, выбирала руками и ела. Наевшись, Белла открыла наружную дверь помещения и спокойно вышла.

Появление обезьяны на дорожках Зоопарка было замечено сразу. Она даже не успела отойти от помещения, как её окружили посетители, потом прибежал дежурный комендант, зоотехник, служители...

Увидев около себя столько народу, Белла резко изменила своё поведение. Шерсть у неё на плечах и на загривке поднялась дыбом. Она оскалила зубы и, визжа, стала угрожающе приплясывать. В это время принесли сачок и большую верёвочную сеть.

Несколько человек подняли сеть и хотели накрыть ею беглянку. Но Белла неожиданно бросилась под ноги окружающих её людей и в одно мгновение взобралась на дерево.

Напрасно манили оттуда обезьяну конфетами, яблоками,

бананами. Она даже не смотрела на лакомства и продолжала сидеть на дереве, по-видимому совсем не собираясь покидать своё убежище.

Пришлось вызывать пожарную команду. Это, пожалуй, был единственный случай такого странного вызова.

Приехала машина. Пожарные быстро протянули рукав, потом один из них взял брандспойт и направил его на обезьяну. Струя холодной воды обдала Беллу. Она закричала и, закрывая рукой голову, стала быстро слезать с дерева.

Все думали, что обезьяна побежит обратно в своё помещение, но получилось совсем не так. Очевидно, Белла ещё на дереве приглядела себе другой путь спасения. Проскочив через оставленный ей к дверям обезьянника проход, она вдруг неожиданно свернула в сторону, и прежде чем кто-либо успел преградить ей путь, перескочила через забор и по водосточной трубе полезла на пятиэтажное здание соседней школы.

Взобравшись на крышу, Белла сразу успокоилась. Она разгуливала по самому краю крыши и с любопытством глядела на то, что делалось внизу. Теперь её взять было гораздо труднее, и она, по-видимому, прекрасно это чувствовала. Действительно, поймать огромную, сильную обезьяну на крыше пятиэтажного здания было не только трудно, но и рискованно.

Полез за ней старший зоотехник. Он давно работал в Зоопарке и хорошо знал повадки животных. Оставив своих помощников на чердаке, чтобы зря не беспокоить обезьяну, он смело вышел к ней на крышу. Этот зоотехник одно время присматривал за обезьянами и рассчитывал, что она его узнает и не тронет. И он не ошибся. Увидев зоотехника, Белла его сразу узнала. Ласково похрюкивая, подбежала к нему, схватила за руку и стала тащить к водосточной трубе, как бы приглашая спуститься вместе с ней. По-видимому, ей уже надоело находиться тут, да к тому же она была мокрая и заметно дрожала от холода.

Чтобы обезьяна не простудилась, зоотехник снял с себя пиджак и надел его на Беллу. Белла тут же вывернула карманы, всё из них вытащила, но пиджак не сняла. Потом она

опять схватила зоотехника за руку и теперь уже сама никуда его от себя не отпускала.

Несколько раз люди пробовали выйти с чердака и окружить обезьяну. Но каждый раз, едва они показывались, Белла приходила в страшное возбуждение. Сразу бросалась к самому краю крыши и тащила с собой зоотехника.

Положение создавалось довольно затруднительное — не оставаться же с нею на всю ночь на крыше пятиэтажного дома!

Пришлось идти на риск. К стене дома была приделана большая пожарная лестница. Вот по ней-то и решил спуститься зоотехник. С такой спутницей, как обезьяна, это делать было очень рискованно. Никто не знал, как будет себя вести Белла. Она могла толкнуть человека, а сорваться с такой высоты совсем не трудно.

Когда зоотехник сделал первый шаг к лестнице, все замерли. Кто-то вскрикнул, но тут же замолчал. Внизу быстро растянули на всякий случай сеть, и сотни глаз с напряжением следили за тем, что происходило наверху.

Вот зоотехник подошёл к самому краю крыши, держа за руку обезьяну, и осторожно поставил ногу на перекладину. Вот он спустился на следующую. Белла отпустила его руку и вдруг пронзительно завизжала. Толпа вздрогнула. Зоотехник перестал спускаться и ласково позвал обезьяну. Так же внезапно успокоившись, она послушно полезла вслед за человеком.

На высоте четвёртого этажа в школе оказалось открытым одно окно. Воспользовавшись этим, зоотехник по перекладине перебрался сначала на подоконник, а потом и в класс. Следом за ним перелезла и его четверорукая спутница. К счастью, в школе была перемена и класс был пустой.

Быстро заперев окна и дверь, зоотехник предупредил, чтобы никто не заходил в класс, а сам остался с Беллой.

Очутившись в большой, просторной комнате с партами, Белла ими очень заинтересовалась. Она стала поднимать крышки, вытаскивать портфели, ранцы, книги... Зоотехник хотел остановить Беллу, но она начала носиться по партам, хло-

пать крышками и подняла такой шум, что пришлось её оставить в покое.

Неизвестно, какой бы беспорядок натворила в классе обезьяна, но вдруг ей попался кусочек мела. Очевидно, Белла умела с ним обращаться, потому что взяла его в руки и что-то стала рисовать.

Пока она занималась «рисованием», принесли перегонную клетку. Белла взвизгнула, бросилась назад, но, увидев, что уйти некуда, спокойно вошла сама.

А через тридцать минут беглянка уже сидела в своей клетке и с аппетитом ела виноград.

ЖИВОЙ ПОДАРОК

Дед Назар возвращался из города дорогой через лес, как вдруг какой-то маленький серенький зверёк выскочил из-под самых ног деда и скрылся в кустах.

Раздвинул дед кусты и видит: прямо перед ним притаился маленький лисёнок. «Вот так находка!»— подумал дед, сорвал с головы шапку и накрыл лисёнка. Всю обратную дорогу дед думал о том, как принесёт лисёнка домой, как обрадуются ему внучата...

Дома внучата ждали дедушку с подарком, да только не с таким. Едва дед успел войти в избу, как его окружили ребята и, узнав, что он принёс лисёнка, совсем затормошили. Прыгают, кричат:

— Покажи, дедушка, лисёнка! Покажи!

Дедушка неторопливо вынул лисёнка из сумки и пустил на пол. Но ребята даже разглядеть его не успели — лисёнок метнулся в одну сторону, в другую и скрылся под печку. Чего только не делали ребята, чтобы выманить его оттуда! Предлагали ему мясо, молоко — ничто не помогало!

Пришлось ребятам лечь спать, не разглядев как следует подарка.

Вылез лисёнок ночью, когда все уснули. Долго искал он выхода из избы, царапал лапками дверь, пробовал грызть её

зубами. Потом сел посередине комнаты, поднял голову и жалобно затыкал.

— Вишь, неугомонный!— ворчал дед.

А лисёнок всю ночь кричал и звал свою мать. Утром, когда все встали, лисёнок опять залез под печь.

Сперва лисёнок всех дичился. Вылезал только ночью и пугался всякого шороха. Потом осмелел, а однажды даже вылез днём, когда все были дома. В это время ребята сидели за столом и обедали. Когда увидели они лисёнка, все словно замерли. Сидели тихо-тихо. А лисёнок подбежал совсем близко к столу и остановился. Маленький, пушистый, такой серенький, с белым кончиком на хвосте, он был совсем не похож на ту большую рыжую лису, которую они привыкли видеть на картинках.

Осторожно, чтобы не испугать трусишку, кинули ему ребята кусочек мяса. Лисёнок жадно его схватил и скрылся под печкой. С этого дня он стал всё чаще и чаще вылезать из своего убежища. Перестал бояться людей и даже скучал, если все уходили из комнаты.

Назвали его Лисок. Целые дни теперь проводил Лисок с детьми. Спал с ними, бегал, играл. Привяжут ребята на ниточку бумажку и водят перед зверьком, а он спрячется, потом неожиданно выскочит и старается поймать бумажку.

Брали Лиска дети с собой и на прогулку. Несли его на руках или привязывали на верёвочку, и Лисок бежал за ними, как собака. Без привязи лисёнка пускать боялись. Как-то раз на одну минутку выпустили и то чуть не потеряли. Трава в том месте росла густая, высокая — нырнул в неё Лисок и пропал. Целый час искали его ребята, насилу нашли.

Всех своих Лисок знал хорошо. Бывало, увидит ребят и сразу к ним бежит — визжит, ласкается, хвостом виляет, подползает к ногам, на спину перевернётся и ждёт, когда его погладят.

ЛИСОК СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛЫМ

Рос Лисок очень заметно. Через два месяца заострилась мордочка, вытянулся хвост, а вскоре и серый пушок сменился огненно-рыжей шёрсткой.

Настоящий красавец лис!

Зато в избе его стало держать невозможно. Лисок прыгал на стол, стулья, везде лазил, всё таскал. Ничего оставить нельзя: то в шкаф влезет — сливки слижет, то мясо из супа вытащит. Всё съест, а что останется — в дедову постель спрячет.

Да и прятал-то как! Разроет лапами подушку, одеяло, положит мясо и закопать старается. Сколько раз попадало за это Лиску! Поймает его дед, надерёт уши и начнёт выговаривать:

— Ах ты поганец рыжий! Вот спущу с тебя шкурку на воротник, будешь знать!

Он всегда так Лиску грозился, а сам старался ему что-нибудь сунуть вкусное.

Впрочем, Лисок и так голодным не оставался. Не успеют за стол сесть, а он тут как тут. Зубами за платье дёргает — попробуй не дай ему! Разве утерпишь?

Вообще Лиска любили и баловали. Один дед Назар ворчал на него. Уж очень много хлопот стало, и что делать с лисёнком — не знает: расстаться жалко, привыкли, и в хозяйстве держать его трудно — как выскочит Лисок ночью из избы, сразу по курятникам шарить начнёт. Все щели, куда пролезть, где вылезть, знал.

Из-за него дед Назар со всеми соседями перессорился. Одних денег за чужих кур переплатил сколько! И решил он отвезти лисёнка в Москву. Может быть, купит кто лисицу ручную. Однако это сделать оказалось не просто: как узнали ребята, что их любимца продать хотят, такой плач подняли, хоть из дому беги.

Ребята плачут, а Лисок около них увивается, хвостом пушистым виляет, а сам так умильно в лицо заглядывает, словно утешить хочет.

И всё-таки пришлось с ним расстаться. Как-то вечером

удрал из дому Лисок. Не возвращался он всю ночь. А утром дед Назар открыл дверь да так и обмер: перед самым крыльцом аккуратнo, головками к двери, лежали одиннадцать задушенных кур, а рядом сидел довольный своей ночной охотой Лисок. Дед Назар даже не успел подумать, что делать, как стали появляться пострадавшие соседи.

Нужно ли говорить о том, сколько было шуму и крику! Грозилась даже в суд на деда подать, если не уберёт из деревни лисицу.

В этот же день дед Назар ехал поездом в Москву, а рядом с ним стояла корзина с лисой.

НА НОВОМ МЕСТЕ

В Москве дед Назар долго ходил по рынку и никак не мог найти место, где ему остановиться с лисой.

В мясном отделе нельзя — туда пропускали только с мясом, а не мог же он там стоять с живой лисой. В молочном ряду тоже неудобно — всё-таки молоком, а не лисами торгуют. Поставил дед, подумал и решил встать около входа, где торговали овощами.

Не успел дед Назар открыть корзину, как его окружила толпа. Всем было интересно посмотреть живую лисицу. А дед Назар брал её на руки, разглаживал пушистую шерсть и даже надевал лису на шею, чтобы виднее было, какая она красивая и ручная.

Но охотников купить живую лису не было. Все её хвалили, ласкали, но купить не решались.

Дед Назар уже собрался ехать домой, как вдруг к нему подошла какая-то женщина.

Долго и внимательно разглядывала она Лиска, потрогала пушистую шкурку и спросила деда, сколько просит он за лису.

Дед Назар так обрадовался покупательнице, что дорого запрашивать не стал и отдал лису за полцены, как она была — с ошейником и цепочкой.

Мария Ивановна, так звали новую хозяйку Лиска, была очень рада своей покупке. Она хотела сделать подарок своей

приятельнице к именинам и никак не могла придумать, что купить. Правда, подарок, который она купила, был живой, но зато интересней тех, которые она видела в магазинах.

И вот с живой покупкой на цепочке отправилась Мария Ивановна домой.

По дороге за ней бежали ребята, а прохожие останавливались и с удивлением смотрели ей вслед. Но Мария Ивановна ни на кого не обращала внимания. Она быстро дошла до дому, отперла дверь и тихонько, чтобы не услышали соседи, прошла в свою комнату.

Дома Мария Ивановна накормила лису, а потом не удержалась, повязала ей шею большим голубым бантом, поднесла к зеркалу и долго, внимательно разглядывала: выходило очень красиво.

На другой день Мария Ивановна встала позднее, чем обычно. Она так спешила на работу, что забыла накормить лису.

На работе она всё думала о том, как преподнесёт живой подарок, как все удивятся и как будет рада ему именинница.

А бедный «живой подарок» сидел весь день запертый в комнате, голодный и напрасно ждал, когда его накормит хозяйка. Пришла хозяйка только вечером.

О, как обрадовалась её приходу голодная лисичка! Не успела Мария Ивановна открыть дверь, как Лисок бросился к ней навстречу, вилял хвостом, визжал и так ласкался, что Мария Ивановна удивилась. Она никогда не думала, что лисицы могут быть такими ручными и ласковыми. Приветливость зверя её тронула.

Она тут же налила Лиску молока и крошила хлеба. В одну минуту голодная лиса всё съела и облизала миску. Но есть ещё хотелось; тогда Лисок поступил так, как привык это делать в доме деда Назара: подошёл к Марии Ивановне и тихонько дёрнул её за платье. Тут уж Мария Ивановна совсем умилилась и отдала Лиску свою котлету и оставленный на утро бутерброд.

После такого сытного ужина Лисок залез к своей новой хозяйке на колени, доверчиво свернулся клубочком и уснул.

Долго сидела Мария Ивановна с Лиском на руках, потом

тихонько, чтобы его не испугать, переложила на подстилку, а когда Лисок опять уснул, заботливо прикрыла ещё платком.

В этот день Мария Ивановна к подруге не пошла. Не пошла и на другой день, а лисичку, которую купила в подарок, она решила оставить себе.

С этих пор у Марии Ивановны появилось много новых хлопот. Утром надо было встать пораньше, чтобы приготовить лисичке еду. Вечером спешить домой, чтобы накормить и вывести её погулять. Она даже купила своему питомцу новый ремешок и ошейник и на нём написала свой адрес.

О том, что у неё живёт лиса, Мария Ивановна от соседей скрывает. Кто знает, как отнесутся они к такой «квартирантке».

Тайна открылась совсем неожиданно.

Как-то раз, уходя из дому, Мария Ивановна забыла закрыть дверь. Осторожно оглядываясь, вышел из комнаты Лисок. Потянул носом. Откуда-то пахло мясом. Тут уж Лисок забыл всякую осторожность. Быстро по запаху добрался он до кухни, ещё раз потянул носом и ловко вспрыгнул на стол. На столе в большом блюде лежало нарезанное кусками мясо. Лисок жадно его схватил и уже съел несколько кусков, но тут в кухню вошла соседка. Вошла и остолбенела.

Она даже не поверила своим глазам: на её столе, в их кухне, в самом центре Москвы,— настоящая, живая лиса, да ещё ест приготовленное к обеду мясо! Нет, этого уж она вытерпеть не могла. Она схватила полотенце и стала грозно наступать на лису. Но Лисок не растерялся. Не обращая внимания на разгневанную женщину, он набил полный рот мясом, быстро прыгнул со стола и скрылся в комнате.

Вечером к Марии Ивановне постучал управдом. В руках у него было заявление соседки, в котором она просила немедленно убрать лису.

Напрасно доказывала Мария Ивановна, что купила лису для подарка, напрасно просила её оставить. Управдом был немолчим. Пришлось Марии Ивановне позвонить своей подруге.

Она рассказала, как хотела сделать ей подарок — купила лису, и теперь, хоть с опозданием, хочет её подарить. Но по-

друга пришла от такого «подарка» в ужас, решительно от него отказалась и повесила трубку. Тут уж Мария Ивановна растерялась совсем. Всё валилось у неё из рук, и она думала, куда бы ей пристроить лисичку. Наконец решила: отдать в Зоопарк. В Зоопарке ей будет хорошо, да и, наверно, ещё заплатят. Мария Ивановна даже повеселела от такого решения. Быстро оделась, взяла Лиска на ремешок и повела в Зоопарк. Но радость была преждевременной: в Зоопарке купить лису отказались.

— Лисиц не покупаем,— ответили ей,— у нас их и так много. Если оставите в подарок, возьмём, а за деньги не нужно.

Такой ответ Марию Ивановну озадачил. Всё же обидно остаться и без денег и без лисы. Она повернулась и пошла из Зоопарка, но тут же вспомнила, что идти некуда. Она снова вернулась к воротам Зоопарка и нерешительно остановилась.

Сколько времени Мария Ивановна простояла тут раздумывая, она не помнила; наконец любовь к лисичке победила... Мария Ивановна решительно потянула за ремешок, но... ремешок повис в руке — лисы не было.

Долго бегала Мария Ивановна по соседним улицам, заглядывала во все дворы, звала Лиска. Всё было напрасно: лиса пропала. Со слезами на глазах вернулась Мария Ивановна в Зоопарк. Она плакала и рассказывала о том, как уже совсем решила подарить Лиска, как он перегрыз ремешок и убежал, просила помочь найти лису.

Прошло несколько дней. Ночной сторож делал обход Зоопарка. Вдруг из кустов выскочила лисица. Ночь была лунная, и сторож хорошо рассмотрел лису. Он остановился, не зная, что делать: бежать за подмогой или ловить самому. Старик сделал несколько осторожных шагов в сторону лисы, но она, вместо того чтобы бежать, продолжала стоять на месте, потом вся как-то прижалась к земле, завизжала, виляя хвостом, поползла к нему навстречу.

Сторож растерялся. Он много лет работал в Зоопарке, но такой лисы, которая ночью на свободе сама лезет к человеку, не встречал. Лиса оказалась ручная. Сторож свободно взял её на руки и отнёс в комендатуру.

В комендатуре лису осмотрели, сняли ошейник и на нём прочли адрес хозяйки. Лису посадили в клетку, а Марии Ивановне сообщили, что лисичка нашлась.

Но Мария Ивановна Лиска не взяла. Она оставила его в Зоопарке и теперь каждое воскресенье навещает своего любимца, приносит ему угощение и выводит гулять.

ДОГАДЛИВЫЙ ЛЕВ

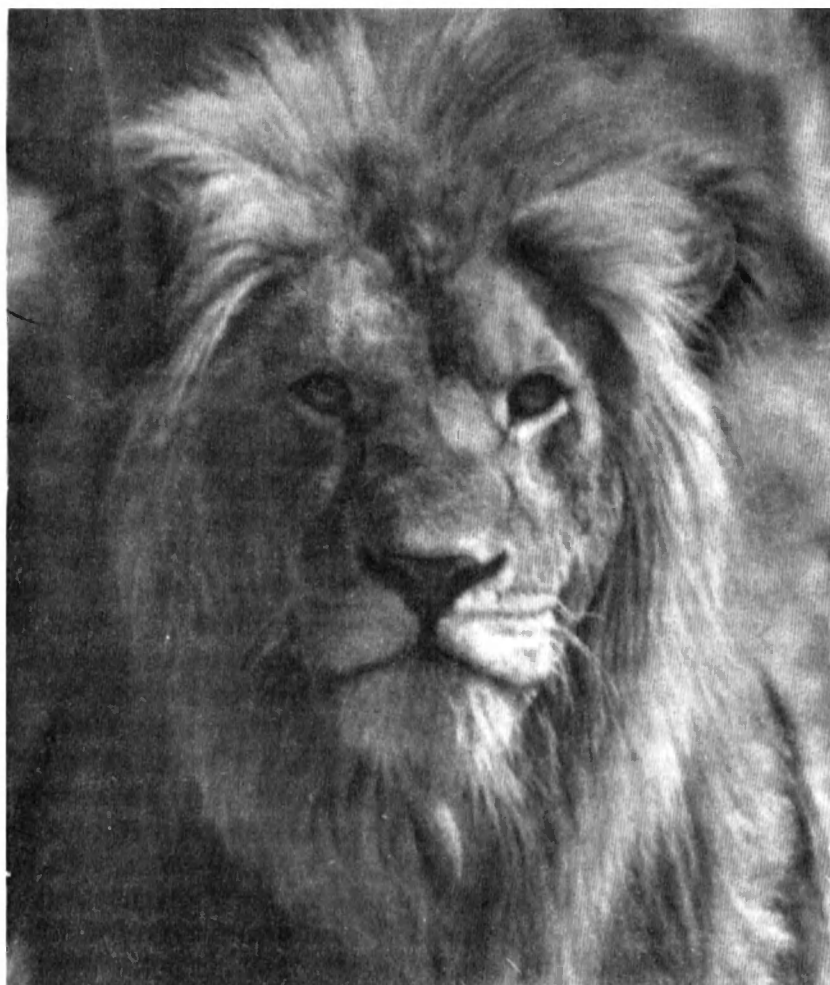
В Зоопарке очень много лет жил старый лев. Звали его Менелик. Хотя поймали его на воле и привезли в Зоопарк уже взрослым, он оказался на редкость спокойным зверем. Быстро понял, что на время уборки нужно переходить в другую клетку, и стоило служителю открыть дверцу, как он тут же, не ожидая окрика, шёл туда. После еды Менелик спокойно давал служителю выбрать из своей клетки остатки костей и не старался их задержать, как это делали остальные львы. Служитель любил Менелика.

— Уважительный зверь, гордый,— нередко говорил он.— С ним и хлопот мало. Откроешь дверцу, он сам перейдёт. И поймать тебя не старается, хоть вплотную с клеткой стой.

И верно, к другому зверю чуть подойдёшь, он уже лапы высовывает, схватить старается, а Менелик никогда так не делал. Он стоял и терпеливо дожидался конца уборки.

Взгляд у Менелика был спокойный, уверенный, а высоко поднятая голова с густой длинной гривой придавала ему величавый вид, который особенно подчёркивался сединой на морде и уже изрядно пожелтевшими клыками. Однако, несмотря на свой преклонный возраст, Менелик был на редкость здоровый зверь. Он никогда не болел. Всегда хорошо и с аппетитом съедал все восемь килограммов положенного ему мяса. Ел он степенно, не торопясь, а потом так старательно вылизывал кости, что они становились совсем белые, будто на них никогда не было даже крошки мяса.

Но вот однажды случилось, что Менелик не доел свою пор-

цию. Это было так необычно, что служитель сразу поспешил сообщить врачу.

Врач хорошо знал не только своих опасных пациентов, но и признаки тех болезней, которыми они болели. А признаки у Менелика были такие: не доел мясо, вместо того чтобы после еды отдохнуть, беспокойно ложился то на один бок, то на дру-

гой, а по губам стекала слюна, которую лев даже не пытался вытереть лапой или облизнуть.

Пронаблюдав некоторое время льва, врач обернулся к служителю и сказал:

— У Менелика глисты, и нужно их гнать. С завтрашнего дня начнём лечение.

На другой день врач пришёл к тому часу, когда начинают кормить зверей. Одетый в белый халат, он прошёл сразу в кормовую комнату, где на огромном противне уже лежали приготовленные для раздачи куски мяса. Отрезав от порции Менелика небольшой кусочек, врач начинил его лекарством и сам дал льву.

Менелик, который уже чувствовал себя хорошо и успел основательно проголодаться, с жадностью проглотил предложенный ему кусочек мяса с лекарством. Однако через некоторое время, как только начало действовать лекарство, у Менелика началась сильная рвота. Он мучился от неё долго, но ведь это так и полагалось.

Через несколько дней нужно было снова повторить лечение. Опять одетый в белый халат, прошёл в кормовую комнату врач, опять начинил лекарством кусочек мяса и предложил его льву, но Менелик, хотя и был очень голоден, на этот раз не пожелал брать мясо из рук врача.

Тогда врач поступил иначе. Он начинил лекарством всю порцию мяса и попросил служителя дать её льву. Каково же было его удивление, когда Менелик и от служителя не взял мяса! Он даже не притронулся к нему, хотя лекарство было без запаха и так хорошо запрятано, что лев никак не мог его учуять.

На другой день врач снова пришёл проверить зверя. Лев выглядел совсем здоровым и чувствовал себя прекрасно. Он не спускал глаз с кормовой комнаты, и было видно, с каким нетерпением ждал еды. Однако, когда положили мясо, Менелик и на этот раз не притронулся к нему, хотя оно было без лекарства.

Опытный врач был очень озадачен таким странным поведением зверя: на больного не похож, а мясо не ест.

В следующий раз врач пришёл уже через день, так как накануне был выходной. Он зашёл во львятник и спросил, как себя чувствует зверь и как он ел.

— Хорошо ел,— сказал служитель,— и чувствует себя хорошо. Сейчас кормить буду, сами посмотрите.

Но, к удивлению служителя, Менелик опять не стал есть мясо, а только, издали глядя на свою порцию, облизывался.

— Ничего не пойму. Без вас ест, а как придёте вы, не ест,— развёл руками служитель.

— Кажется, начинаю понимать. Без меня ест, а при мне нет,— это вы сказали правильно. Так вот, завтра я не приду, а вы начините мясо лекарством и дадите сами. Думаю, что всё будет в порядке.

Врач оказался прав. Менелик съел всю порцию вместе с лекарством, обгрыз даже кости, потом отошёл в свой угол и лёг спать. Теперь всем стало понятно поведение зверя. Врач приходил в белом халате и дал лекарство, от которого льва сильно рвало. Понятливый зверь сразу догадался, что эта неприятность исходила от человека, одетого в белый халат. Он хорошо это запомнил и, когда тот приходил, стал отказываться от мяса.

Только эта догадливость не помогла Менелику, потому что лекарство он всё-таки принял и через несколько дней был совсем здоров.

ГАЛИНЫ ПИТОМЦЫ

Галя училась на биологическом факультете, но ещё ей хотелось обязательно пойти работать в Зоопарк. Ведь она изучала птиц, а в Зоопарке, уж наверное, сможет хорошо с ними познакомиться.

Когда Галя пришла в Зоопарк и спросила заведующую секции орнитологии Анну Васильевну, кем можно поступить на работу, та внимательно посмотрела на Галю, на её модную причёску, высокие каблочки и сказала:

— Служительницей.

— Служительницей?!— переспросила Галя.— А что это такое и что нужно делать?

— Служитель — это человек, который ухаживает за животными,— ответила Анна Васильевна.— А делать нужно всё. Нужно убирать клетки, кормить птиц, за ними ухаживать, готовить корма, мыть посуду и вообще всё, что нужно.

— Но это, наверное, трудно,— нерешительно проговорила Галя. Она до этого нигде и никогда не работала, и такой длинный перечень обязанностей её испугал.

— Работать не трудно,— ответила Анна Васильевна,— нужно только стараться и любить своё дело.— И, протягивая Гале какую-то бумажку, добавила:— Вот вам записка в отдел кадров. Если хотите к нам поступить на работу, идите и оформляйтесь, а завтра к восьми утра приходите на работу.

Когда Галя уходила, Анна Васильевна с сомнением посмотрела ей вслед. Она никак не думала, что эта хорошенькая, модная девушка придёт. Но Галя пришла. Она пришла ровно к восьми часам утра и осталась работать служительницей в попугайнике. Птицы, за которыми она должна была ухаживать, совсем не походили на домашних кур или уток, а в первый же день работы попугаи так оглушили Галю пронзительными криками, что она пришла домой с головной болью.

Сначала Галю в клетку одну не пускали. Её сопровождала старая, опытная служительница — тётя Нюра. Она заходила вместе с Галей в клетку и, пока Галя смотрела, как проводится уборка или кормят попугаев, поясняла:

— Этих не бойся. Как войдёшь, они мигом вверх полезут.

И верно, попугаи, цепляясь за решётку клювом и лапками, быстро карабкались вверх. Когда же служительница ставила им корм и выходила с Галей из клетки, попугаи слезали вниз. Они ловко брали лапкой большие грецкие орехи и легко их разгрызали своим сильным, крючковатым клювом.

Потом тётя Нюра входила с Галей в клетку, где сидели два больших попугая какого-то неопределённого тёмно-голубого цвета и с такими огромными клювами, каких Гале никогда не приходилось видеть.

— Это гиацинтовые ара,— поясняла каждый раз служи-

тельница, осторожно заходя в клетку.— И запомни: сюда одна не ходи. Сколько за ними ухаживаю, а они и сейчас меня стараются укусить, уж очень норовистые.

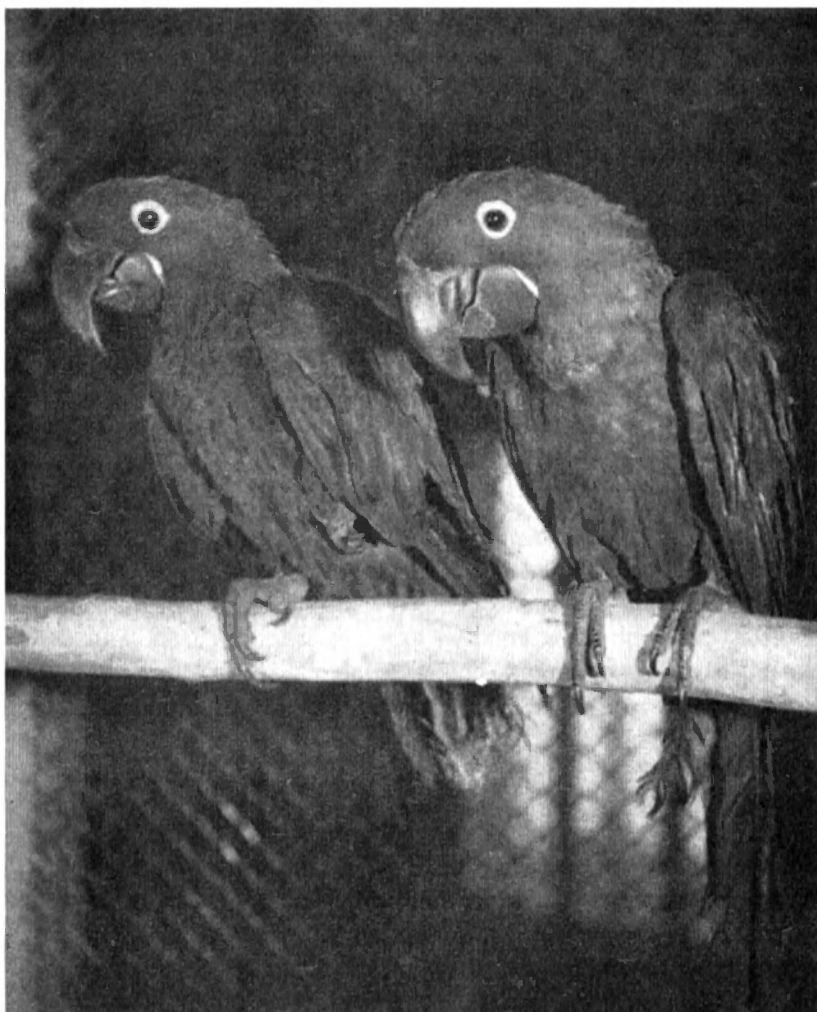
Галя с интересом наблюдала за «норовистыми» птицами. Вместо того чтобы забраться наверх, как это делали другие попугаи, они всячески старались схватить своими огромными клювами служительницу, дёрнуть её за халат или сорвать с головы платок. Такое поведение попугаев Гале даже понравилось. Уж очень энергично они действовали и интересно проявляли своё отношение к людям. Пусть кусались, но зато не висели словно груши на решётке. Гале они так понравились, что ей даже захотелось с ними познакомиться поближе и попытаться приручить этих непокорных птиц. О своём замысле она не сказала тётке Нюре, но с первого же дня старалась лишний раз подойти к клетке гиацинтовых попугаев, поговорить с ними или отдельно угостить чем-нибудь вкусным. Одним словом, делала всё возможное, чтобы привлечь к себе внимание птиц. И нужно сказать, что её старания не пропали даром. Не прошло и недели, как оба гиацинтовых ара стали заметно интересоваться своей молоденькой служительницей.

Наблюдая за ними, Галя заметила, что самец, которого она назвала Кутя, был храбрее и спокойнее своей подружки. Когда Галя совала ему сквозь сетку сахар, он спускался с жёрдочки и смело брал кусочек. Зато самочка — Галя назвала её Ара — была трусливей. Несмотря на все Галины усилия, она ничего не желала брать из её рук. Однако было заметно, что обоим попугаям Галя нравилась, особенно когда она с ними разговаривала. Попугаи тоже что-то бормотали ей в ответ, а Кутя прижимался к решётке и топорщил перья. Но что это означало — сердится он или ласкается, Галя ещё не знала.

В клетку к гиацинтовым попугаям Галя продолжала ходить только с тёткой Нюрой, та её одну никак не пускала.

— Тётя Нюра, можно я сама у них уберу?— не раз спрашивала Галя.— Ведь я уже две недели работаю.

— Рано ещё, не спеши,— отвечала тётя Нюра.— Попугай хоть и птица, а знать её надо. Поработаешь ещё месяц, при-

выкнешь, а там и сама пойдёшь. Сперва приглядеться нужно.

Однако начать самостоятельно работать Гале пришлось значительно раньше, чем она предполагала сама. Тётя Нюра заболела и на работу не вышла. Конечно, можно было пойти к заведующей и попросить замену, но Гале очень и очень захо-

телось проверить себя. И вот, вооружившись ведром с водой, тряпкой, ножом и метлой, Галя пошла убирать клетки. Это был первый её самостоятельный день. Пусть в этот день она не очень чисто и долго убирала клетки. Пусть не решилась зайти к гиацинтовым попугаям и с таким опозданием приготовила корм, что все птицы уже возмущённо кричали. Зато на другой день она справилась с работой отлично, но нельзя сказать, что без робости вошла к гиацинтовым попугаям.

Увидев новую служительницу, Кутя и Ара мигом спустились со своей полочки. Они лазали по решётке вокруг Гали и всячески старались её щипнуть. Но Галя не стала их отгонять ни метлой, ни тряпкой. Ласково и спокойно она начала уговаривать птиц не сердиться. И попугаи не тронули Галю. Когда же она, продолжая разговаривать, протянула руку к Аре, та схватила её за палец своим огромным сильным клювом, немного подержала и выпустила. Очевидно, ласковый голос девушки успокоил птиц, и поэтому они её не тронули.

Теперь Галя узнала «ключ» к этим птицам. Оказывается, они любят, когда с ними разговаривают ласково и спокойно. Она ещё чаще и больше стала заниматься с Арой и Кутей и скоро перестала их опасаться.

Познакомившись с гиацинтовыми попугаями, Галя стала к ним заходить теперь всегда одна. Тётя Нюра поправилась и, придя на работу, только удивлялась своей молодой помощнице да потихоньку её похваливала.

— Молодец всё-таки,— говорила она,— ишь как приучила. Небось меня, старую, всё клюнуть норовят, а молодую не трогают.

И на самом деле попугаи к Гале привыкли и совсем её не боялись. Не успевала она войти в клетку и поставить ведро, как оба попугая буквально скатывались вниз. Ара тотчас, зацепившись лапками за край ведра, низко опускала туда голову, доставала тряпку и, что-то довольно бормоча, долго с ней возилась. Потом клювом вытягивала тряпку из воды и лезла вместе с нею на самый верх клетки. Кутя тоже не терял время зря. Он поспешно хватал нож, брал его клювом за деревянную ручку и так же торопливо взбирался наверх, а Га-

ле приходилось очень долго уговаривать попугая отдать опасный предмет. Ведь Кутя мог поранить себя или при резком повороте головы ударить ножом Ару и поранить её.

Однако, несмотря на уговоры, Кутя подолгу не желал расставаться с любимой вещью. При этом он дико кричал, и нередко именно этот крик помогал Гале завладеть ножом. Потому что, забывшись, Кутя открывал клюв, и нож падал.

За своими предметами для уборки Гале уследить было очень трудно. А если она оставляла ведро и нож в другой клетке, то Кутя довольно ловко сбрасывал клювом крючок с дверцы и проникал туда, устраивая панику среди других птиц. Тогда Галя стала запирает дверь на замок, но попугаи тут же переключали своё внимание на метлу и так старательно её общипывали, что к концу уборки оставался один черенок.

Все эти проделки хоть и мешали Гале при уборке, но такое забавное поведение птиц ей нравилось. Она даже перенесла уборку их клетки под самый конец, чтобы побольше находиться со своими любимцами. А как привыкли за это время попугаи к своей новой служительнице! Они даже разрешали ей себя трогать. Особенно Кутя. Он всегда первый подходил к Гале, наклоня головку и, растопырив пёрышки, всем своим видом просил, чтобы она почесала ему затылок. Галя ласково почёсывала ему пёрышки, а Кутя довольно бормотал и топорщил их ещё больше.

Нередко Кутя забирался к Гале на руки, ловко влезал в карман клювом и вытаскивал лакомства, которые Галя не забывала туда положить. Или занимался ещё тем, что обкусывал все пуговицы на Галином халате, пока она его ласкала.

— И куда ты их только деваешь?!— возмущённо спрашивала Галя мама, почти ежедневно пришивая дочери пуговицы то на халате, то на платье.

Пришлось Гале сознаться, что это дело «рук» попугая. Сначала мама очень рассердилась, а потом сказала:

— Знаешь, Галя, что я придумала: давай сошьём платье без пуговиц, тогда сколько хочешь, столько и ходи к своим попугаям.

Нельзя сказать, что Галя была очень довольна предложе-

нием мамы. Хотя и работала она служительницей, и работа была не чистой, а приодеться она любила. Но мама знала вкус своей дочери и подобрала такой фасон, что впоследствии это было самое любимое Галино платье на работе. Во-первых, оно ей очень шло, а во-вторых, Галя в нём смело заходила к попугаям и не боялась, что Кутя обломает пуговицы и придётся пришивать новые.

Зато Ара совсем не интересовалась пуговицами. Ей гораздо больше нравилось танцевать или петь. Танцевала Ара всегда одно и то же, приседая то на одну, то на другую лапку, а если Галя хлопала в ладоши, она кивала в такт головой и танцевала с таким азартом и так старательно поднимала лапки, что без смеха невозможно было на неё смотреть. Танцевала Ара в любое время, особенно когда у неё было хорошее настроение. А вот пела она только по утрам или вечером, когда уходила публика. Ара смешно брала высокие или низкие ноты из каких-то неизвестных мотивов и тянула их очень долго.

Однажды Галя принесла с собой на работу проигрыватель и пластинки. Ей хотелось узнать, как отнесутся к музыке её любимцы. И здесь у них оказались разные вкусы. Аре больше всего понравились вальсы и цыганские песни. Она сразу начала подпевать, старалась попасть в тон, и это ей иногда удавалось, особенно высокие ноты и смех. Зато Кутя на вальс не обращал внимания и продолжал заниматься своими делами. Но стоило заиграть шумному джазу, как он встрепенулся и тут же принялся петь или, вернее, кричать. Очевидно, он не был так музыкален, как его подруга.

Другие попугаи тоже заинтересовались музыкой, и, когда пластинка кончилась, в попугайнике поднялся необычный шум. Все попугаи что-то бормотали, что-то говорили, совсем как базарные торговки. Глядя на них, Галя от всей души смеялась. Уж очень смешно вели себя эти птицы.

Чем больше работала Галя с попугаями, чем больше их узнавала, тем больше удивлялась памяти и сообразительности этих птиц. В какой бы одежде Галя ни пришла, Кутя и Ара её мигом узнавали и спешили к двери, чтобы скорее к ней при-

ласкаться. Они так привыкли к девушке, что, если даже она их иногда шлёпала за непослушание, в ответ только сердито кричали, но никогда не кусались. Но стоило Гале протянуть руку и сказать ласковое слово, как они тут же успокаивались и опять лезли ласкаться.

Зато как ненавидели и запоминали они тех людей, которые хоть когда-то их обидели. Был такой случай с зоотехником Куприяновым. На всю жизнь запомнили его попугаи. А случилось это так: наступило лето и настала пора переводить попугаев в летние вольеры. Обычно это делал зоотехник. Правда, Галя сразу предложила перенести гиацинтовых попугаев сама, но этого ей сделать не разрешили.

— Ты что, без пальцев задумала остаться!— рассердилась тётя Нюра, подавая Куприянову сачок.

Когда Куприянов зашёл с сачком к Куте и Аре, они ещё не знали, в чём дело, так как попали в Зоопарк сравнительно недавно. Оба попугая стали спускаться вниз, чтобы познакомиться с вошедшим к ним человеком. Первым, как всегда, спускался Кутя. Но вот ловкий взмах, и Кутя, даже не успев вскрикнуть, очутился в сачке. Потом Куприянов вытряхнул попугая в летний вольер и, пока растерянный и взъерошенный Кутя приводил себя в порядок, пошёл за Арой.

Тем временем Ара, испуганная столь таинственным исчезновением своего друга и чувствуя в этом что-то неладное, залезла под самый потолок клетки.

Увидев оттуда подходившего Куприянова, она сразу его узнала, страшно переполошилась, стала кричать, махать крыльями. Нелегко было зоотехнику справиться с Арой. Она забилась в угол клетки под самым потолком, и накрыть её там сачком было очень неудобно. К тому же она очень энергично отбивалась, отталкивала от себя сачок лапой, хватала клювом.

Наконец после долгих усилий Куприянов всё же накрыл Ару и тоже перенёс её.

С тех пор оба попугая хорошо запомнили зоотехника. В чём бы он ни был одет, как ни старался подойти незамеченным или спрятаться за посетителями, попугаи моментально

его замечали. Они поднимали такой шум и крик, что работники птичника мигом узнавали, кто идёт.

— Ну, Куприяныч,— смеялись они,— теперь к нам не подкрадёшься, за километр слышно, когда идёшь.

Сколько раз Куприянов пробовал «помириться» с Кутей и Арой, но из этого ничего не получалось. Напрасно он предлагал своим недругам самые различные лакомства. Из его рук они ничего не желали брать, а в ответ только зло кричали и старались укусить.

А какой они подняли скандал, когда зоотехнику понадобилось прикрепить на их клетке этикетку с надписью! Такого пронзительного крика даже тётя Нюра за все годы работы в Зоопарке ни разу не слышала. Особенно старался Кутя. Он бросался на решётку, бил крыльями, и не успевал зоотехник просунуть проволоку, чтобы привязать надпись, как он тут же её вырывал клювом.

Пришлось Куприянову сдаться и звать на помощь Галю. Галя открыла дверь клетки и спокойно подошла к разъярённому попугаю.

— Осторожно, как бы не укусил,— предупредил зоотехник.

Но Галя теперь хорошо знала своих питомцев. Она только попросила зоотехника отойти, чтобы птицы не нервничали. А когда Куприянов отошёл, наклонилась к Куте и стала ласково его уговаривать:

— Не волнуйся, Кутя... не надо... тебя никто не тронет... тебя все любят...

Она говорила так ровно и спокойно, что Кутя перестал кричать и вытаскивать проволоку. Потом, окончательно успокоившись, он полез к Гале на руки, прижался к её щеке и уже совсем спокойно дал ей возможность закрепить этикетку.

Находясь в летней вольере, оба попугая стали заметно подвижней и веселей. По-видимому, им нравилось, что в клетке много солнца, что под его лучами хорошо погреться и что кругом вместо скучных стен помещения свежая зелень. Попугаи старались достать клювами случайно упавший на сетку листочек и, если это удавалось, с удовольствием съедали. Теперь часто, как никогда, можно было услышать, как они хохотали,

пели, кричали какие-то слова. Но какие именно, Галя разбирала не всегда.

Слов и даже фраз Кутя с Арой знали много, но произносили их невнятно и, конечно, совсем произвольно. Например, если Ара произносила фразу «почка хочет кушать», это совсем не значило, что она действительно голодная. Совсем нет. Она говорила так сразу после еды, когда была уже сыта, но если Галя всё же предлагала ей добавку, то отказывалась.

Кормили попугаев летом иначе, чем зимой. Старались дать побольше зелени, фруктов, ягод, орехов. Орехи чаще всего давали грецкие. Сначала Галя их раскалывала, так как думала, что попугаям трудно разгрызть такую твёрдую кожуру. Но потом она увидела, клюв у них такой сильный, что они разгрызают орехи, словно семечки.

Им даже доставляло удовольствие грызть что-нибудь твёрдое. Заметив это, Галя притащила и поставила им в клетку круглое полено. И надо же было видеть, с каким удовольствием оба попугая стали его обгрызать! Они так старательно над ним трудились, что очень скоро от полена осталась одна труха.

Ещё нравилось попугаям купаться, особенно под тёплым, летним дождём. Стоило ему заморосить, как Ара и Кутя, вместо того чтобы спрятаться под навес, поспешно вылезали, взбирались на обтянутый сеткой верх клетки и повисали на нём, подставляя брюшко под дождевые капли. Смешно растопырив перья и раскинув крылья, они висели, словно под душем, минут по тридцать — сорок, а потом спускались на свою жёрдочку и, довольно бормоча, отряхивались и чистили пёрышки.

Жили попугаи дружно, но всё же иногда не обходилось без ссор. Особенно летом. Здесь Кутя нередко так долбил клювом свою подругу, что она забивалась в угол и поднимала крик. Галя уже хорошо знала своих питомцев, по тону крика сразу догадывалась о происходящем и спешила на помощь Аре.

Увидев Галю, Кутя мигом прекращал избиение своей подруги и спешил к дверям. Когда же Галя заходила в клетку,

залезал к ней на руки и позволял с собой делать всё, что угодно. Он позволял даже класть себя на спину и качать, как ребёнка. Попугай лежал на руках девушки спокойно, брюшком кверху, и ласково ворковал. Потом Галя его сажала на жёрдочку и уходила, а успокоенный Кутя присаживался к своей подружке и больше её не обижал.

ЭКЗАМЕН

Лето прошло незаметно. Наступила осень, а вместе с ней и время переводить попугаев в зимнее помещение. Впрочем, на этот раз Кутю и Ару переносил уже не Куприянов, а Галя. Ей не понадобился сачок, чтобы ловить птиц. Она просто вошла в клетку, взяла Кутю, прижала его к себе и, почёсывая ему головку, перенесла в зимнюю клетку, а следом за ним и его подружку Ару.

Очувтившись снова в помещении, попугаи остались очень недовольны. Они раздражённо лазили по клетке, заглядывали в окна и громко, пронзительно кричали. Им вторили попугаи из других клеток. В помещении поднимался невообразимый шум и гам, который мог оглушить любого нового человека. Но Галя к такому шуму привыкла, и он ей ничуть не мешал.

Свою работу Галя очень любила. Ей не трудно было убрать клетки, накормить птиц, а потом ещё спешить в институт. У неё был самый строгий распорядок дня, и поэтому она успевала сходить иногда вечером ещё в кино или в театр.

Но вот однажды случилось так, что весь её распорядок нарушился. Случилось это зимой, как раз в то время, когда нужно было готовиться к экзаменам. Наступили самые морозы, и вдруг беда — лопнул отопительный котёл. Срочно перевели систему отопления на запасной котёл. Но он оказался слишком мал, и температура в помещении падала с каждой минутой.

Прибежала Анна Васильевна.

— Надо быстрее поставить электропечи, — сказала она, — а то птицы простудятся. Вон как мёрзнут.

Действительно, попугаи сидели нахохлившись и тесно прижавшись друг к другу. Кутя с Арой тоже прижались друг к другу, и Гале даже показалось, что они дрожат. Она зашла в клетку, будто хотела что-то прибрать, а на самом деле обняла руками сидевших на жёрдочке попугаев и прижала их к себе, чтобы согреть. Пока она так стояла, пришёл Куприянов с двумя большими электрическими печками. Анна Васильевна распорядилась поставить их на пол, посередине помещения, и включить. От печек пахнуло жаром. Через некоторое время температура на градуснике стала подниматься.

— Всё в порядке,— облегчённо вздохнув, сказала Анна Васильевна.— Только придётся около печек дежурить, а то проводка старая, как бы не вспыхнули провода.

Первую ночь остался дежурить Куприянов. Потом составили расписание, в списке были перечислены все сотрудники попугайника, кроме Гали.

— А почему нет меня?— возмутилась Галя, но ей сказали, что она пусть учится и сдаёт экзамены.

Это же подтвердила и заведующая.

— Сдавайте, Галя, экзамены,— сказала она.— Вам и так трудно работать и учиться.

— Совсем не трудно, вот посмóтрите,— упрашивала Галя, но Анна Васильевна, несмотря на все просьбы девушки, осталась непреклонна.

Тогда Галя, стараясь хоть чем-нибудь помочь, стала приходить раньше, чтобы к приходу остальных сотрудников убрать как можно больше клеток, и уходила позже. Она уже не успевала зайти домой переодеться и поесть. Переодевалась прямо на работе и, жуя на ходу булку, спешила в институт. Домой Галя приходила совсем поздно. Она сразу ложилась спать, а утром чуть свет спешила в Зоопарк, чтобы прийти раньше всех и побольше сделать.

Наконец котёл починили. В этот день Галя кончила работу вовремя. Она шла домой, и ей было необыкновенно легко и весело. Так легко, словно экзамены она уже сдала.

«ДОМОВОЙ» В ЗООПАРКЕ

Когда служитель Правиков пришёл утром убирать льятник, он не узнал помещения: валялись на полу разбитые горшки, цветы, земля, а из открытой печки высыпалась вся зола. Правиков протёр глаза. Вчера они со вторым служителем, дядей Павлом, ушли, оставили всё в порядке, а сегодня!.. Кто же это мог сделать? Но задумываться было некогда. Надо убрать помещение и вымыть клетки до прихода публики. В это время пришёл дядя Павел, и, решив, что это чья-нибудь шутка, служители принялись за уборку. Как и всегда, Правиков начал с огромного тигра Раджи. Раджи был самым злым из всех тигров Зоопарка. Когда Правиков к нему подходил, он бросался на решётку и так бил лапами, что она тряслась.

Правиков Раджи не боялся. Он знал, что широкая лапа тигра не пройдёт через прутья и что гораздо больше нужно опасаться узкой лапы леопарда Васьки. Васька любил поохотиться даже в клетке. Идёт, бывало, Правиков, а он притаится в углу и караулит служителя. Ну совсем как кошка за мышкой! А чуть только служитель зазеваётся — схватит. Лапа у него сильная, когти острые, ни за что не вырвешься.

Хорошо знал служитель своих зверей. Но вот почему сегодня Васька не бросился, как всегда, на решётку? Подошёл Правиков и видит: в клетке леопарда кровь. Кровь покрывала пятнами пол. Правиков испугался. Он схватил длинный железный прут и стал им стучать по решётке. Нужно было поднять зверя и посмотреть, что с ним случилось. Васька встал и, хромая, отошёл в сторону. Одна из его передних лап оставляла кровавый след.

Вызвали ветеринара. Ветеринар поманил Ваську к решётке, внимательно осматрел его лапу и сказал, что это укус. Хотя сидевшая в той же клетке леопард Маруська никогда не дралась, подумали на неё.

Остальная часть дня прошла как обычно. В два часа привезли мясо, в три накормили зверей, и, перед уходом налив в поёнки воды, служители ушли.

На следующее утро дядя Павел и Правиков пришли

вместе. Вместе открыли помещение и... остолбенели. Что за штука! Можно было подумать, что они вчера не убрали. Везде валялись черепки разбитых горшков, поломанные цветы, а у любимицы Правикова — Маруськи текла из лапы кровь. Это уж было чересчур!

Оставив всё, как застали, служители пошли узнать у сторожа, не брал ли кто ключ. Тот даже обиделся. «Сколько лет работаю,— кричал он,— ни разу греха не было!»

Врач, осмотрев Маруськину лапу, тоже сказал, что укус.

Совсем такой же укус и тоже на передней лапе оказался ещё у пантеры.

С этого дня начались мучения служителей. Каждое утро, отпирая львятник, находили они в нём беспорядок, каждое утро кто-нибудь из зверей был покусан. Правиков не знал, на кого и подумать. Чего он только не делал! Брал с собой ключ, ставил на дверях заметки — всё безрезультатно. Зато его помощник дядя Павел сразу решил, что это дело рук «домового». Он крепко верил, что есть на свете ведьмы, черти, и, когда решил, что в львятнике завелась нечистая сила, подал заявление о переводе на другую работу. Тогда, чтобы выяснить причину ночных происшествий, решили изловить виновника всего — «домового».

Вечером, когда Правиков с дядей Павлом сдали ключи и ушли домой, к сторожу подошли несколько дежурных ребят из КЮБЗа. Они попросили у него ключи от львятника и показали записку от директора. В записке было сказано, чтобы ребятам выдать ключи. Сторож удивился, но ключи всё-таки дал. Ребята давно убежали, а он ещё долго смотрел им вслед.

Позднее, когда закрылся Зоопарк, к львятнику подошли знакомые нам ребята. Быстро открыли дверь помещения и спрятались под длинными рядами клеток. Некоторое время там слышалась возня, потом всё затихло. Встревоженные звери успокоились, и только скучавший по воле Раджи, хрипло мяукая, долго ещё ходил по клетке. Наконец лёг и он. Стало совсем тихо, и было слышно, как тикают часы. Было одиннадцать часов.

Вдруг в самом дальнем углу львятника что-то завозилось.

Ребята вздрогнули, но тут же успокоились — в своей клетке проснулся барсук. Он подошёл к решётке, потянул носом воздух и осторожно полез наверх. Встревоженный леопард насторожился. А барсук, держась лапами за перекладины, просунул сквозь прутья голову и, ловко извернувшись, очутился на свободе.

Леопард Васька подбежал к решётке и замер, ожидая барсука. Ничего не подозревая, барсук слез вниз и медленно пошёл вдоль клеток по длинному, узкому карнизу. Когда он поравнялся с клеткой леопарда, подстерегавший его хищник прыгнул. Далеко за решётку просунул он лапу, чтобы схватить барсука, но тут же её с рёвом отдёнул. Из лапы текла кровь, а барсук спокойно продолжал свой путь. Дойдя до конца, он спустился по скамейке на пол и, цокая длинными когтями, побежал к стоявшим в помещении цветам.

Ребятам очень хотелось поймать беглеца, но, вспомнив, что пришли не за этим, они остались на месте.

Барсук опасности не замечал. Он спокойно залез на под-

ставки и стал сбрасывать оттуда цветы. Ломались хрупкие хризантемы, астры... И красивые белые шапки откатывались в стороны, а падающие горшки наполнили помещение шумом. Проснулись звери. Они метались по клеткам, рычали. Горевшие злобой глаза жадно следили за погромщиком, а барсук продолжал своё дело. От одной подставки перешёл к другой, третьей, пока все цветы львятника не очутились на полу. Тогда он стал разбрасывать землю. Выгребал её из разбитых горшков, что-то усердно искал и, находя, с аппетитом чавкал.

Покончив с этим, барсук перевернул все урны, подставки, слазил даже в печку и выбросил оттуда всю золу. Потом стал играть. До чего же смешны были его движения! Сидевшие в засаде ребята едва сдерживали смех. Мягко, словно тело его было без костей, барсук кувыркался через голову, поднимая дыбом шерсть, отчего становился вдруг похожим на шар; он подпрыгивал, как заводная игрушка, или валялся на спине, держа в передних лапах осколок черепка, камешек.

Время шло. Сквозь окна львятника уже пробивалась узкая полоска света наступавшего дня. Но никто из ребят не уснул. С барсуком не уснёшь!

Зазвенел в дверях ключ. Уловив этот звук, барсук насторожился. Потом, вдруг засопев, торопливо побежал к табуретке, влез на карниз и знакомой дорогой, через раздвинутые под потолком прутья, проник к себе в клетку. Клетка заменяла ему нору, и барсук искал в ней спасения. Едва он скрылся, как в помещение вошли дядя Павел и Правиков. Увидев беспорядок и выползавших из-под клеток ребят, они только развели руками. Тут, перебивая друг друга, рассказали им ребята о ночных похождениях барсука.

— А домового мы так и не видели,— сказал в заключение один из мальчиков.

Правиков засмеялся. Он подошёл к клетке с барсуком, внимательно осмотрел изогнутые прутья и аккуратно переплёл их проволокой. С этого дня в помещении был полный порядок, а дядя Павел перестал верить в домовых.

НЕВЫДУМАННЫЙ СЛУЧАЙ

Был чудесный майский день. Хотелось открыть не форточку, а балконную дверь. Открыть широко-широко, чтобы подышать этим тёплым, пахнущим весной воздухом. Татьяна Степановна смыла бумагу, которой она заклеила на зиму дверь, открыла её и вышла на залитый солнцем балкон. Но не успела Татьяна Степановна сделать и двух шагов, как откуда-то сверху послышалось шипение. Татьяна Степановна взглянула и охнула: прямо над ней из отдушины комнаты высовывалась и шипела змеиная голова.

Татьяна Степановна не помнила, как вскочила в комнату, как захлопнула дверь. Опомнилась она лишь после того, как задвинула её тумбочкой.

Теперь нужно скорее бежать в домоуправление, сообщить, что на балконе змея, просить помощи! Впрочем, нет, уходить нельзя: вдруг придёт из школы Аллочка... И от одной мысли, какой опасности подвергнется её дочка, Татьяна Степановна в ужасе закрыла глаза. Лучше позвонить мужу.

Долго не мог понять Владимир Николаевич жену: какая-то змея на балконе... немедленно ехать... наконец, разобравшись, в чём дело, сказал:

— Что за глупости! Змея? Откуда она могла взяться на пятом этаже! Тебе просто показалось.

Однако в ответ послышалось столько упрёков, что Владимиру Николаевичу пришлось ехать. Дома его встретила не только жена, но и Аллочка. Она уже пришла из школы и, прижавшись к балконной двери, старалась увидеть змею.

Не снимая плаща, Владимир Николаевич сразу прошёл к балкону. Он отодвинул тумбочку, открыл дверь и тут же поспешно её захлопнул. Лицо у него было очень растерянное; да, действительно, кажется, змея. Но откуда же она могла взяться? А потом, как же её вытащить из отдушины? Надо что-то предпринимать, и скорее. Запретив жене открывать балкон, Владимир Николаевич вышел на улицу. Он ещё не знал, куда ему идти и к кому обратиться за помощью. Нако-

нец, после некоторого раздумья, подошёл к постовому милиционеру.

— Вы не можете сказать, куда мне обратиться?— несколько смущённо спросил он.— Дело в том, что у нас на балконе чья-то змея, а мы не знаем чья и не знаем, как её поймать.

— Змея?!— удивлённо переспросил милиционер, но тут же строго добавил:— Я, гражданин, здесь на посту стою, а не шутками занимаюсь.

Но, разобравшись, что стоявший перед ним гражданин не шутит, предложил обратиться в Зоопарк.

— Зоопарк здесь совсем близко,— сказал он,— люди там учёные, они и посоветуют, как вам с вашей змеей поступить.

В Зоопарке Владимира Николаевича послали к заместителю директора. Та внимательно его выслушала и сказала:

— Поезжайте домой и успокойте жену с дочкой, а я сейчас пошлю к вам одного из наших специалистов, и выясним, кто там у вас поселился.

Поблагодарив её, Владимир Николаевич поспешил домой. За время его отсутствия жена опять заклеила балкон и теперь, несколько успокоившись, ждала мужа.

— Ну как?— был её первый вопрос.

Узнав же, что к ним сейчас придут из Зоопарка, она стала наводить в комнате порядок. Впрочем, навести порядок Татьяна Степановна не успела. Она даже не успела расставить мебель, как в прихожей раздался звонок.

— Танюша! Аллочка! Это тот самый специалист, которого мы ждём!— радостно воскликнул Владимир Николаевич, и все разом бросились открывать дверь.

Но там стоял какой-то мальчик.

— Аллочка! К тебе из школы,— обернулась к дочери Татьяна Степановна.

— Это не ко мне,— ответила Аллочка, с любопытством разглядывая мальчика.— Я его не знаю.

Тем временем мальчик полез в карман, достал записку и протянул её Владимиру Николаевичу.

— Я из кружка юных биологов Зоопарка,— представился

он.— Меня прислали выяснить, кто у вас поселился на балконе.

— Заходите, пожалуйста, заходите!— приветливо закивал головой Владимир Николаевич и, несколько обеспокоенный юным возрастом специалиста, добавил:— Только уж на балкон не ходите. Лучше я сам, а то вдруг змея ужалит.

Татьяна Степановна тоже была согласна с мужем, что мальчика нельзя подвергать такой опасности. Было решено, что выйдет первым на балкон всё же Владимир Николаевич. Так и сделали. Владимир Николаевич приоткрыл дверь, змея опять высунулась из отдушины и зашипела. Однако мальчик, вместо того чтобы, увидев «змею», испугаться, весело рассмеялся.

— Это же не змея, это огарь!— сказал он.

— Огарь?— удивилась незнакомому названию Татьяна Степановна.— А что это такое и зачем этот огарь забрался к нам в отдушину?

Тогда Саша — так звали мальчика — объяснил, что огарь — это водоплавающая птица, что называют её ещё красной уткой, прилетела она из Зоопарка, а в отдушине устроила гнездо и высидывает утят.

— Только вы её не беспокойте,— сказал Саша,— а когда выведутся птенцы, сообщите в Зоопарк.

Потом он посоветовал Аллочке вести за уткой наблюдения и, распрощавшись, ушёл.

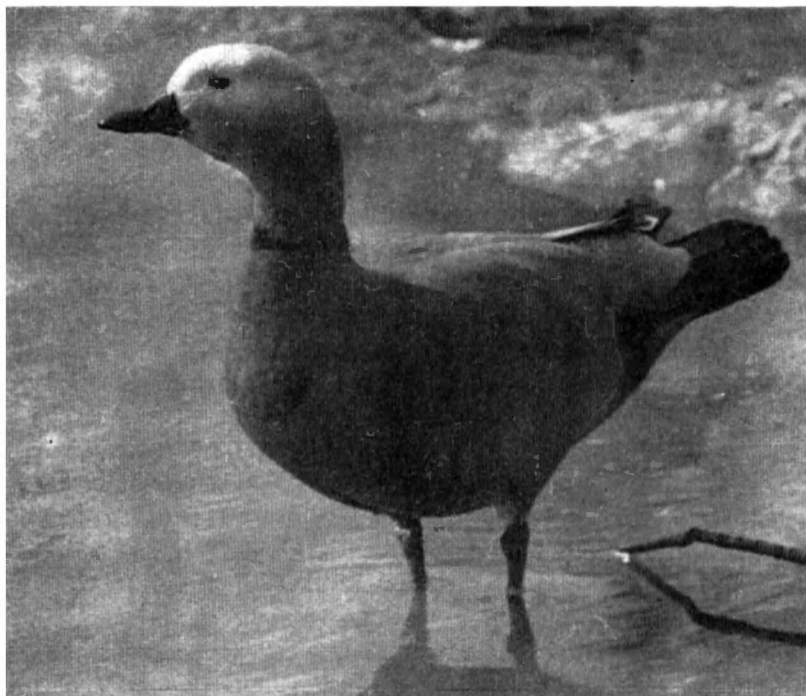
Не успела за мальчиком закрыться дверь, как все принялись хохотать. Всех громче смеялась Аллочка.

— Ну и мамочка! Утку за змею приняла!— наконец сквозь смех проговорила она.

— А папа тоже хорош!— хохоча, махнула рукой на Владимира Николаевича мама.— В милицию побежал, в Зоопарк... Я-то ладно, трусиха известная. А он тоже: «Змея... змея... дверь не открывай!»— передразнила она мужа.

— Ну это ты зря, Танюша, про меня так говоришь!— обиделся Владимир Николаевич.— Ведь я сразу сказал, что змея тебе, наверное, показалась, а ты на меня кричать стала.

Весь вечер смеялись они над своим беспричинным страхом.

А на другой день не только Аллочкина школа, но и весь дом знал, какая интересная птица живёт на балконе Ивановых.

За пернатым поселенцем Аллочка наблюдала очень старательно. Она теперь вставала пораньше. Правда, утка редко покидала гнездо. Она в нём проводила почти всё время и улетала лишь на кормёжку. Кормилась утка всегда в Зоопарке. Несколько раз Аллочка и Татьяна Степановна клали ей на балкон мочёный хлеб, но утка почему-то его не ела и всё равно летела в Зоопарк.

Но вот однажды, вместо того чтобы улететь, утка сделала около дома круг, другой... опустилась среди улицы и начала кричать. Если бы Аллочка была дома, она сразу догадалась

бы, что утята вывелись и мать их зовёт к себе. Но Аллочка была в школе, а что могли знать те случайные прохожие, которые оказались поблизости! Напрасно пытались они прогнать утку. Она никак не желала уходить, несколько раз взлетала, но тут же снова опускалась на мостовую и не переставая кричала.

— Это какая-то сумасшедшая утка!— возмутилась одна из гражданок и вдруг закричала:— Смотрите! Смотрите!

Откуда-то сверху промелькнул и упал на мостовую маленький пушистый комочек. Это был утёнок. Он отряхнулся и быстро засеменял к матери. За ним из отдушины пятого этажа вывалился ещё один... ещё... Одних прохожие успевали подхватить, другие спланировали на землю сами. Утка волновалась и суетилась, собирая своих малышей.

Завизжали тормоза, и огромный автобус остановился, чтобы не задавить столь необычных нарушителей порядка. А утка, не обращая внимания на суматоху, собрала утят и, убедившись, что все в сборе, повела своё многочисленное семейство.

Останавливались удивлённые прохожие, высовывались из машин пассажиры, а молодецватый регулировщик торжественно поднял жезл — пусть спокойно пройдёт утиное семейство! Утка пересекла улицу и уверенно направилась к Зоопарку, а за нею, забавно семеня лапками, спешили семь маленьких утят.

Когда Аллочка пришла домой, она очень огорчилась, узнав, что утка с утятами переселилась в Зоопарк. Впрочем, Аллочка огорчалась недолго и в первое же воскресенье пошла навестить утиное семейство.

ВАЙГАЧ

В Зоопарк пришла телеграмма. В ней было написано, что на острове Вайгач поймали красного волка и что его отправили в подарок Зоопарку. Мне никогда не приходилось видеть такого зверя, и поэтому я с нетерпением ждала его прибытия.

Волка привезли в большом, крепко сколоченном ящике. Когда ящик сняли с машины, я хотела разглядеть зверя через щёлку. Но в ящике было темно и ничего не видно. Пришлось ждать, когда выпустят волка в клетку.

Поместить его решили в том ряду, где сидели лисицы и шакалы. Там, с краю, была одна свободная клетка. К ней подтащили ящик, приставили к двери и открыли. Обычно дикие звери очень неохотно переходят в незнакомое помещение, и на перегон приходится тратить много времени.

Однако на этот раз никаких усилий не понадобилось. Не успели открыть ящик, как волк тут же из него вышел, отряхнулся и стал осматривать клетку.

Волк был крупный, широколобый, с пушистой, красноватого оттенка шерстью. Спокойно и уверенно обошёл он клетку и так же спокойно улёгся на самой её середине.

— Так это же не волк!— первым выразил сомнение служитель.

— Да,— разглядывая его, подтвердил заведующий научной частью,— глаза и поведение у него совсем не волчьи. Очевидно, это помесь с одичавшей собакой, а охотники приняли его из-за красноватого оттенка шерсти за красного волка.

Все очень жалели, что это оказался не красный волк, но делать было нечего, и Вайгач, как его назвали, остался в Зоопарке. Сначала служитель боялся к нему заходить и, когда нужно было чистить клетку, перегонял его в другую. Но как-то раз он не закрыл дверь перегона, где находился в это время Вайгач. Стал мыть пол и вдруг увидел, что сзади стоит Вайгач. Служитель испугался. Он думал, что зверь сейчас бросится на него. Но Вайгач спокойно продолжал стоять. Он даже чуть-чуть отвернулся и зевнул, как бы показывая этим, что никого не собирается трогать.

— Уважительный зверь, понятливый,— отзывался о нём служитель после этого случая.

Да иначе и нельзя было сказать. Во время кормёжки Вайгач не метался по клетке, как другие волки, а терпеливо ждал около дверей свою порцию. Спокойно брал мясо и так же спокойно отправлялся на место.

Спокойный, но угрюмый Вайгач никогда ни к кому не ласкался. День за днём проходили у него похожие один на другой. Утром размеренным шагом ходил он из угла в угол своей клетки, днём ждал корма, вечером, поев, спал, свернувшись клубком, а ночью... Что он делал ночью, никто не знал, потому что как бы тихо ни подходил к нему человек, Вайгач уже встречал его чутким, насторожённым взглядом.

Казалось, ничто не может нарушить распорядок дня зверя.

Но вот однажды в его перегонную клетку посадили собаку со щенятами. Звали её Джана. Джана была на редкость добрая и ласковая собака. Ко всем всегда ласкалась, всех встречала радостным визгом. Жила она до этого на складе, но, по доброте своего нрава, совсем не годилась в сторожа. Поэтому временно, пока она кормила щенят, её перевели в свободную клетку, с тем чтобы потом кому-нибудь отдать.

Когда Джану со щенками поместили рядом, Вайгач очень заинтересовался таким соседством. Обнюхивал дверь, прислушивался к писку щенят, а если кто-нибудь из них взвиз-

гивал, он волновался и царапал лапами дверь. Он даже переменял своё постоянное место, на котором спал, и теперь ложился около двери, за которой помещалась Джана.

Прошло около семи недель. За это время щенки подросли, и в перегонной клетке им стало тесно. Мы никак не могли придумать, куда бы их перевести.

Неожиданно помог случай.

Служитель нечаянно открыл перегонную дверь. Не успел он оглянуться, как все девять щенят вместе с Джаной очутились в клетке Вайгача.

Перепуганный служитель бросился за дежурным зоотехником. Обрато они бежали с сачками, с крейцером, ожидая видеть кровавую расправу. Однако вместо этого застали вполне мирную картину. Посередине клетки стоял Вайгач. Окружённый всей щенячьей ватагой, он растерянно озирался, а их мамаша с видом полновластной хозяйки уже знакомилась с новым помещением.

Служитель хотел переманить щенят на прежнее место. Он налил в миску молока и стал их звать. Но малышам, очевидно, куда больше нравилось теревить за пушистый хвост Вайгача, и они не обращали внимания ни на молоко, ни на звавшего их человека. Щенята вертелись около зверя, тьякали, а он осторожно переступал лапами, боясь наступить на малышей.

Увидев, что Вайгач не собирается трогать щенят, решили их оставить вместе.

В этот день Вайгач не ел. Он отдал свою порцию мяса щенятам. Спал на жёстком цементном полу, а на его месте устроилась Джана со своим потомством.

Теперь в спокойной, размеренной жизни Вайгача появилась масса забот. Словно нянька, следил он за девятью щенками Джаны, облизывал их, отдавал свою порцию мяса. Он уже не мог спокойно отдыхать, как раньше, потому что не успевал улечься, как вся орава тотчас лезла к нему бороться. Они бесцеремонно теребили его за уши, хватали за хвост. Но Вайгач на них не сердился. А если они ссорились между собой, подходил и расталкивал драчунов мордой.

Изменил он своё отношение и к людям. Всегда угрюмый,

он теперь даже ласкался к служителю. Правда, у него это получалось не так, как у Джаны. Он подходил слишком медленно и слишком скуповато вилял хвостом, но всё-таки ласкался.

Потом он ещё научился улыбаться. Улыбался он во весь рот, широко, почти до ушей растягивая пасть и скаля зубы. При этом морда у него делалась совсем доброй и вовсе не похожей на зверину.

Он стал и играть: хватал кусок мяса, подбрасывал его, бегал по клетке, а за ним с визгом и лаем гонялись щенята. Они старались догнать Вайгача, отнять мясо, он же то клал его перед ними, то снова подхватывал и убежал.

Такая игра больше походила на охоту. Очевидно, Вайгач по-своему, по-звериному, обучал щенят быстроте и ловкости. И действительно, от таких упражнений они с каждым днём становились сильней и крепче.

Когда щенята подросли, их постепенно роздали, и Вайгач остался с Джаной. Но недолго они жили вместе. Вскоре продали и Джану. Купил её какой-то гражданин. Он пришёл за ней с цепочкой и уже оплаченной квитанцией.

И вот Вайгач остался один.

Сначала он стоял у дверей и ждал, что Джану впустят обратно. Когда же её повели, как бешеный заметался по клетке.

Всю ночь грыз двери и старался разорвать зубами решётку Вайгач. А утром, когда пришёл служитель и хотел зайти в клетку, он с такой яростью бросился на него, что тот едва успел выскочить из клетки и захлопнуть за собой дверь.

Теперь никто больше не видел, чтобы Вайгач улыбался. Он стал опять злой, угрюмый, никого не пускал к себе в клетку, на всех бросался, плохо ел. Целыми часами смотрел Вайгач в ту сторону, куда увели Джану, а ночами выл. Выл долго, протяжно, заунывно, как настоящий волк.

Прошло почти две недели. И вдруг совсем неожиданно позвонил тот самый гражданин, который купил Джану.

К телефону подошла я.

— Вы извините, что я вас беспокою,— сказал он,— но собаку, которую я у вас купил, наверно, больная. Она ничего

не ест и скулит. Не можете ли вы сказать, что с ней делать?

— Конечно, могу,— ответила я.— Она просто скучает по тому волку, с которым сидела в клетке,— и посоветовала как можно скорее вернуть её в Зоопарк.

— Пожалуй, вы правы,— согласился новый владелец Джаны и на другой же день привёз её в Зоопарк.

Когда я увидела Джану, то даже не поверила, что это она, так сильно она похудела и изменилась. Но Джана меня узнала сразу, бросилась ко мне, стала ласкаться, визжать, а когда её повели к клетке, так спешила, что её хозяин еле-еле поспевал за ней.

Вайгач увидел Джану издали. Он вскочил, бросился к решётке, потом к двери, опять к решётке. Он даже не дал открыть дверь, протиснулся в коридор и, не обращая внимания на людей, кинулся к Джане.

Я не могу описать их встречу, но когда владельцу Джаны предложили получить обратно уплаченные за собаку деньги, то, растроганный, он сказал:

— Мне не нужны деньги. Я вас только попрошу оставить собаку и больше никому её не продавать, пусть они всегда живут вместе.

Его просьбу исполнили. Много лет жили после этого в Зоопарке Вайгач со своей подругой, и больше никто и никогда их не разлучал.

УГОЛЁК

Уголёк был самый маленький, самый слабый и самый чёрный лисёнок. Вот за этот чёрный цвет и прозвали его «Уголёк». Когда его братья и сёстры подползали к матери, чтобы пососать молока, он всегда оказывался последним, и ему доставалось еды меньше, чем остальным лисятам.

Недоедавший лисёнок худел всё больше и больше. Первой это заметила юннатка Галя. Галя вела за лисьим семейством наблюдения. Она аккуратно записывала всё, что происходило с лисятами, и каждые три дня взвешивала малышей.

Новорождённые лисята совсем не походили на свою

мать — взрослую лису. Скорей всего, они напоминали котят: такие же маленькие, мордочки тупые, а крохотные уши плотно прижаты к голове.

Когда Галя в первый раз открыла крышку домика, чтобы взять и взвесить лисят, они лежали плотной кучкой, тесно прижавшись друг к другу. Но едва Галя дотронулась до них рукой, как они сразу закопошились, запищали и стали толкаться своими ещё слепыми мордашками.

Через три дня Галя снова проверила малышей. За эти дни они успели подрасти. Стали кругленькие, пушистые. Уголёк тоже стал пушистый и ещё больше потемнел. Но он почти не прибавил в весе и так ослаб, что еле двигался. Чтобы лисёнок не погиб, его пришлось взять от матери и поместить на площадку молодняка.

На площадке молодняка Галя положила лисёнка в плетёную корзину, на мягкую, чистую подстилку, и поставила около печки. Потом Галя налила тёплого молока в пузырёк, надела на него соску и поднесла к самой мордочке лисёнка. Но ослабевший зверёк не смог даже пить. Он жалобно пищал, открывал рот. Галя осторожно пробовала влить ему немного молока, и опять ничего не получилось. Лисёнок не стал глотать.

Как же теперь поступить? Отнести малыша обратно к матери — это значит дать ему погибнуть. Оставить здесь — он не берёт соску.

Не знаю, что решила бы Галя, но тут её раздумье прервал телефонный звонок. Галю вызывали в контору. Она пододвинула корзину ближе к печке, слегка прикрыла лисёнка подстилкой и вышла.

Не успела за Галей закрыться дверь, как из-под стола показалась Мурка.

Мурка — это кошка. Там, под столом, у неё лежали два маленьких, ещё слепых котёнка. Мурка давно прислушивалась к писку лисёнка. Этот писк её заметно беспокоил. Она то нежно лизала своих малышей, то поднимала голову и настороженно поглядывала в сторону лисёнка. Теперь, когда Галя положила его в корзину и ушла, Мурка тут же вышла из своего убежища.

Осторожно, крадучись, подошла она к стоявшей корзине, долго, старательно её обнюхивала, потом вытянула шею и заглянула внутрь. Лисёнок опять закопошился и пискнул. Кошка вытянулась ещё больше и вдруг, мгновенно схватив лисёнка за шею, потащила к себе.

Через некоторое время пришла Галя. Каково же было её удивление, когда лисёнка в корзине не оказалось! Куда же он мог деться? Галя окинула взглядом комнату и только тут заметила Мурку. Ужасная догадка промелькнула у неё в голове. Неужели... Мурка... Галя подбежала к кошачьему гнезду, наклонилась, и... там, на мягкой подстилке, среди котят, лежал и жадно сосал свою приёмную мамашу лисёнок, а та нежно прилизывала его взъерошенную шёрстку.

Теперь Гале уже не приходилось опасаться за его жизнь. Мурка была очень хорошей матерью. Скоро Уголёк поправился, окреп. Через две недели у него открылись глазки, поднялись ушки, а когда исполнился месяц, то он уже отлично бегал

и ел мясо. К этому времени Муркиных котят отдали, и она с ещё большей заботой стала относиться к своему приёмышу.

Лисёнок тоже привык к кошке. Он всюду за нею бегал и, если Мурку выпускали гулять, царапался в дверь и старался выскочить.

Тогда Галя, боясь, как бы лисёнок не выбежал и не пропал, перевела его вместе с кошкой в клетку. Там им было гораздо лучше, чем в помещении: клетка весь день освещалась солнцем и было где побегать, поиграть.

К зиме лисёнок сильно вырос, изменился: стал пушистый, красивый, сам весь чёрный — настоящий Уголёк, а кончик хвоста ярко-ярко-белый.

Уголёк так перерос свою мамашу, что она свободно проходила у него под животом. Но это им не мешало дружить по-прежнему. Они спали, как и раньше, всегда вместе. Бывало, лежит, свернувшись в пушистый клубок, Уголёк, а на нём, словно на пуховой подушке, устраивалась пёстрая Мурка.

Хотя Мурке и неплохо жилось в клетке, она всё же была не прочь погулять. Выпускала её обычно Галя, и, когда она приходила, Мурка уже заранее подбегала к двери, мяукала и просилась из клетки. Гуляла Мурка недолго. Походит немного около клетки и быстро возвращается обратно.

А как радовался её приходу Уголёк! Он бросался навстречу кошке, визжал, ползал около неё на брюхе или хватал кусок мяса и мчался с ним к Мурке, как бы желая её угостить.

Но как-то раз получилось так, что Мурка не вернулась. Поблизости её не оказалось, а следы, которые хорошо отпечатались на свежавыпавшем снегу, вели к забору.

Убедившись, что кошка ушла дальше, чем обычно, Галя не стала её искать. Она была уверена, что, нагулявшись, Мурка вернётся, и спокойно пошла домой.

Однако не так спокойно отнёсся к уходу своей кормилицы Уголёк. Оставшись один, он жалобно тявкал, метался по клетке. Утром, когда служительница пришла убирать клетку, в ней Уголька не оказалось. Сетка была разорвана, а лисьи следы на снегу говорили о том, что Уголёк ушёл в том же направлении, что и кошка.

Кошка на следующий день вернулась, а Уголька, сколько ни искали, так и не нашли.

Прошло несколько дней. И вот однажды в Зоопарк позвонили из одной подмосковной мастерской и сообщили, что в машинное отделение заскочил какой-то зверь. Он спрятался под машину, рычит и никого к себе не подпускает.

За неизвестным зверем поехал зоотехник. Каково же было его изумление, когда в этом звере он узнал убежавшего Уголька! Как он очутился там, сказать трудно. Очевидно, слишком далеко отошёл от Зоопарка, заблудился, попал за город, а потом заскочил в помещение, где и был обнаружен.

Зоотехник знал, что Уголёк ручной. Он хотел его взять, но тот забился ещё дальше и никак не давался в руки. Положение создавалось довольно затруднительное. Поскольку Уголёк находился под машиной, её не могли включить. Суточный график работы срывался, и мастер ругал зоотехника, что тот не может вытащить виновника простоя — Уголька.

Пришлось звонить в Зоопарк и вызывать Галю. Зоотехник надеялся на то, что Уголёк узнает Галю и выйдет к ней сам.

Однако его расчёты не оправдались: приехала Галя, звала и манила Уголька, бросала ему мясо, но напуганный лис упорно не желал выйти.

Тогда рассерженный мастер решил действовать по-своему. Он схватил стоящую в углу половую щётку, засунул под машину и пытался вытолкнуть ею лиса. Но не помогло и это. Уголёк испугался ещё больше, забился за какой-то выступ, и теперь его даже нельзя было достать палкой.

— А что, если съездить в Зоопарк и привезти Мурку? Может, он к ней выйдет?— предложила Галя.

Зоотехник и мастер безнадёжно махнули рукой. Они совсем не верили в возможность этой затеи, но всё же согласились. Другого выхода не было.

Галя быстро поехала в Зоопарк. Обрато она вернулась с корзиной, в которой сидела Мурка. Галя попросила всех отойти в сторону, поставила корзину на пол и выпустила Мурку. Мурка осмотрелась, мяукнула и пошла вдоль помещения. Но не успела она сделать и десятка шагов, как из-под

машины стремительно выскочил Уголёк. С пронзительным визгом бросился он к кошке, вилял хвостом, ползал около неё и всё визжал, визжал и визжал...

Уже спокойно, без всякой опаски Галя взяла беглеца на руки и отнесла в машину. Туда же сел и зоотехник с Муркой.

— Простите за невольный простой,— извинился он, прощаясь с мастером.

— Ничего, наверстаем,— уверенно ответил тот, крепко пожимая руки Гале и зоотехнику.

Он уже больше не сердился на них и обещал обязательно зайти в Зоопарк, чтобы проведать Уголька с Муркой.

Всю обратную дорогу Уголёк спокойно сидел на Галиных коленях. Он поглядывал то в окно, на мелькавшие мимо дома, то на Мурку, как бы боясь, чтобы опять куда-нибудь не делась его четвероногая воспитательница.

Приехав в Зоопарк, Галя снова посадила Уголька с Муркой в прежнюю клетку. Порванная сетка была в ней уже заделана, но Уголёк больше не интересовался ею. Мурка находилась с ним, и он от неё никуда не отходил.

Почти три года прожил Уголёк вместе со своей воспитательницей — кошкой. Потом Мурку взяли, а вместо неё к Угольку посадили красную лисичку Рыжку.

Уголёк с Рыжкой очень подружились. И всё-таки, если даже и сейчас к клетке Уголька подойдёт Мурка, он бросается к ней навстречу, ласкается и всё старается лизнуть через сетку свою приёмную мамашу.

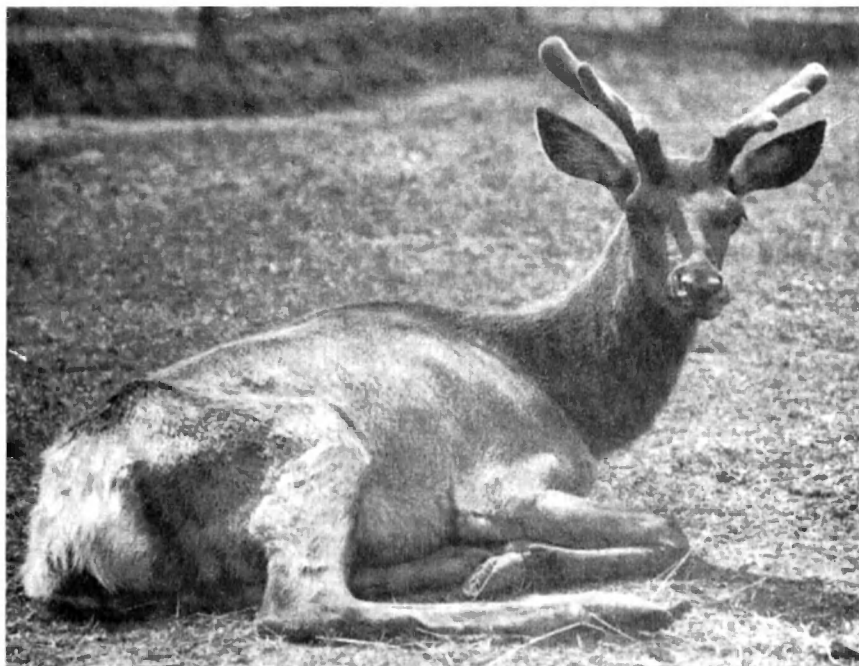
СЛУЧАЙ С ОЛЕНЕМ

Осторожен и пуглив олень, особенно в то время, когда у него спадают старые рога, а новые, ещё молодые, покрыты мягкой кожей. Когда служитель убирает загон, олень торопливо отходит в сторону или, прижав уши, поспешно убегает. Зато к осени, когда у оленя рога уже отрастут и затвердеют, он становится очень опасным зверем. Далеко по Зоопарку слышится его грозный рёв: он вызывает на бой соперников. В такое время к нему заходить опасно. Теперь он уже не боится служителя. Он бросается на любого, кто осмелится к нему подойти. Олень бросается даже на решётку и бьёт её рогами, стараясь достать посетителей. Бьёт даже дерево, которое растёт в загоне.

В годы войны Новая территория Зоопарка, где находились олени, была закрыта. Публика туда не ходила. Ухаживали за животными люди нередко малоопытные, и это кончалось не всегда благополучно.

Однажды получилось так. Служитель был новый и работал на этом участке всего около года. Он убрал загон, положил в кормушку корм, а когда выходил, вместо того чтобы запереть ворота на замок, лишь накинул щеколду.

Заметив, что служитель уходит, олень бросился следом за ним. Сильный удар рогов — щеколда соскочила в сторону, ворота открылись, и олень вышел. Заметив свою оплошность, служитель хотел загнать оленя и замахнулся на него метлой. Но вместо того чтобы послушно вернуться в загон, олень

наклонил свою ветвистую голову и с такой яростью бросился на служителя, что тот еле успел укрыться за деревом.

Однако, загнав человека за дерево, олень на этом не успокоился. Он стал гонять свою жертву вокруг ствола и, чем дальше гонял, тем больше приходил в ярость. Глаза его налились кровью, бока покрылись пеной, и, стараясь достать служителя, он с такой силой ударял рогами по дереву, что во все стороны летели куски коры. Как нарочно, в этот час никого из сотрудников Зоопарка поблизости не было, и олень упорно продолжал преследовать свою жертву.

Сколько пришлось незадачливому служителю сделать кругов вокруг дерева, сказать трудно. Но в те короткие моменты, когда олень, по-видимому, отдыхал, служитель старался обдумать, как же ему теперь поступить. Добежать до следующего дерева — слишком большое расстояние, и олень, конечно, его

догонит. Да не всё ли равно, вокруг какого дерева вертеться? В конце концов, он устанет, выдохнется, и вряд ли тогда уйти от острых рогов разъярённого животного.

Оставалось лишь одно: добежать до того самого загона, из которого вышел олень, и в нём закрыться. Однако это тоже было довольно рискованно. Хотя загон был ближе и находиться в нём было куда надёжнее, чем за деревом, всё же надо иметь время до него добраться. Олень же, словно назло, ни на шаг не отходил, а если и давал служителю короткие передышки, то стоило ему чуть-чуть шевельнуться, как зверь сразу же опять бросался. Надо было его чем-то отвлечь. Но чем?

Тут служитель вдруг вспомнил, что он где-то читал, как на одного охотника набросился медведь. Охотник не растерялся. Он кинул медведю шапку, а пока тот её обнюхивал, застрелил зверя. А что, если этим же примером воспользоваться и ему! Недолго думая служитель снял кепку и бросил её в сторону. Заметив упавшую кепку, олень сразу направился к ней, а служитель, не теряя зря времени, бросился со всех ног к загону. Он услышал за собой тяжёлый топот, но даже не мог обернуться. И только успел захлопнуть ворота и накинуть щеколду, как следом раздался такой удар, что даже содрогнулась изгородь. Служитель держал ворота, а олень в ярости бил по решётке. Теперь, находясь в безопасности, служитель мог спокойно обдумать, как ему поступить дальше. Правда, он мог вылезти с противоположной стороны загона и быть в полной безопасности, но ведь зверь-то останется на свободе! А мало ли что может натворить взбешённый олень! Оставить его на свободе — слишком рискованно, надо во что бы то ни стало его загнать. Служитель опять залез на решётку и стал открывать ворота, чтобы заманить оленя в загон. Но каждый раз, как только он с трудом их приоткрывал, олень бросался и ударом рогов опять закрывал ворота.

Наконец после многих усилий их удалось распахнуть. Однако олень в загон не пошёл. Он продолжал бить по решётке и старался с неё стрясти служителя.

Тогда служитель придумал вот что: он снял с себя пиджак

и стал дразнить им оленя. Он тряс пиджаком перед самой мордой разъярённого зверя, а потом швырнул в загон.

Увидев перед собой нового врага, олень бросился к нему. Он бил злополучный пиджак рогами, топтал ногами и пришёл в такое неистовство, что даже не заметил, как слез с загородки человек, как закрыл ворота и запер их на замок.

Правда, спасти пиджак не удалось, но служитель был рад, что всё кончилось благополучно и он отделался одним пиджаком.

ШАНГО

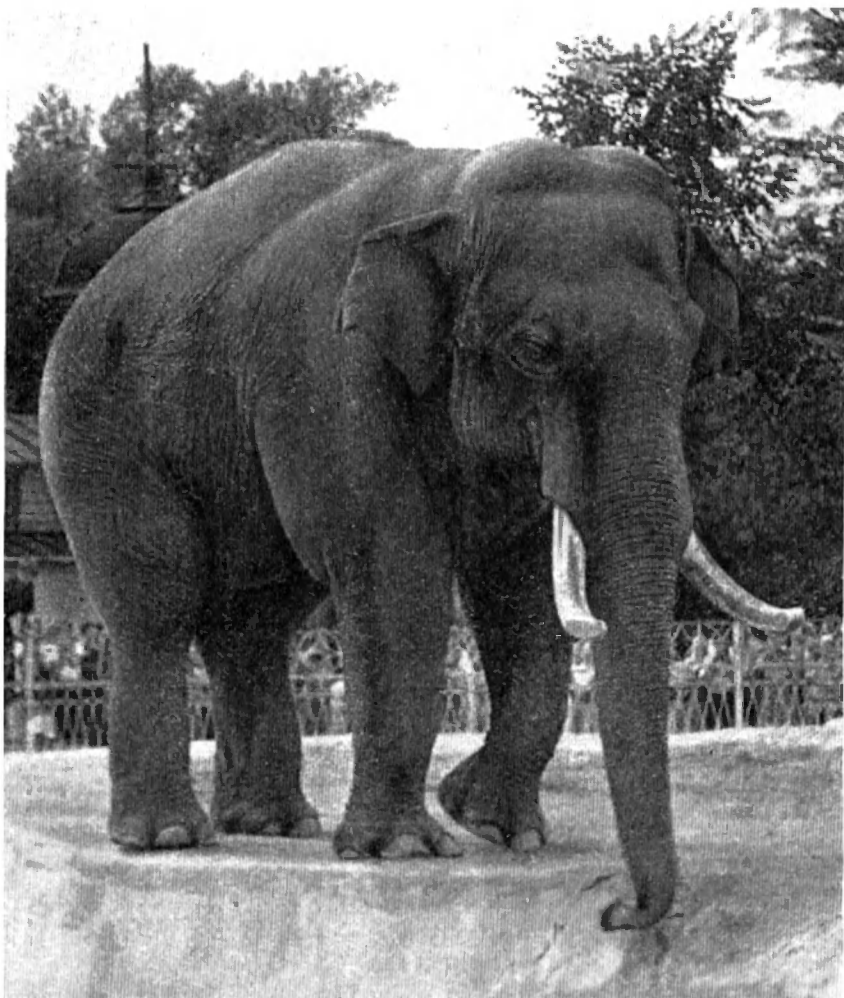
Шанго — самый большой слон Зоопарка. Увидев его, маленькие дети кричали: «Мама, смотри, какая гора!» И он правда был похож на гору — такой большой, тяжёлый, серый.

Привезли его из какого-то зверинца. Говорили, что он очень злой, опасный, поэтому его и отдали в Зоопарк.

Везли Шанго по железной дороге, на большой платформе, потому что в вагоне он не помещался. Платформу со всех сторон загородили досками, сделали двери, крышу, и получился целый дом на колёсах. В этом доме и ехал Шанго. Он стоял прикованный к полу, и вместе с ним ехали сопровождавшие его люди. Они следили за каждым движением слона, но это не мешало ему в пути разобрать и сбросить с платформы всю надстройку. Зато в Москве Шанго вёл себя на редкость спокойно. Всю дорогу до Зоопарка послушно шёл за своим служителем и так же послушно вошёл в помещение.

Когда я пришла утром посмотреть на Шанго, он стоял в слоновнике, прикованный цепями за все четыре ноги. Слон поднимал то одну, то другую ногу, пробовал хоботом цепи. Цепи были большие, тяжёлые, их с трудом могли поднять два человека, а для этого гиганта, казалось, они были совсем лёгкими. Шанго поместили отдельно от других слонов. Ведь нужно было с ним познакомиться, узнать его характер, повадки.

Первое время слон вёл себя смирно. Так смирно, что все перестали верить рассказам о буйном характере Шанго.

По первому знаку Шанго сажал себе на голову служителя и так же осторожно снимал его на пол. Если Шанго приказывали ложиться, то он сразу же ложился, хотя это делать было очень трудно в тесном помещении, да ещё скованному цепями.

За такое послушание Шанго вскоре решили выпустить к другим слонам.

НА СВОБОДЕ

В Зоопарке, кроме Шанго, было ещё четыре слона — Нона, Джиндау, Манька и Мирза. Самая крупная из них — африканская слониха Нона, а самая маленькая — Мирза. Мирза была ещё совсем небольшим слонёнком, капризным, избалованным. За неё-то больше всего и волновались сотрудники парка: кто знает, как отнесётся к такому малышу Шанго. Вдруг ударит хоботом, покалечит?

Но рисковать всё-таки приходилось. Ведь не мог же такой огромный слон стоять всю жизнь прикованным в слоновнике!

Когда с ног Шанго сняли цепи и открыли двери, чтобы выпустить его на слоновью горку, Шанго даже не понял, что от него требуется. Продолжал стоять на месте и, по многолетней привычке прикованного слона, переминался с ноги на ногу. Он даже волновался, что не слышит привычного звона цепей. Трогал их хоботом, приподнимал, опять клал; сделал несколько нерешительных шагов к двери, остановился, немного постоял и вдруг неожиданно, захватив хоботом цепи, уже широким, уверенным шагом вышел на площадку.

Увидев Шанго, слоны сбились в кучу и с любопытством стали смотреть на него. А он, словно никого не замечая, прошёл мимо слоних, поднялся на пригорок и остановился. Слоновья горка — это самое высокое место в Зоопарке.

Казалось, что весь Зоопарк, со всеми его клетками, прудами и деревьями, лежал у ног этого гиганта. Шанго стоял неподвижно, точно изваяние. С его хобота свисала большая, тяжёлая цепь. Некоторое время слон стоял так, а потом отбросил цепь далеко в сторону, и, когда она со звоном упала на землю, Шанго высоко поднял хобот, и его трубный клич услышали все обитатели Зоопарка. Сначала Шанго трубил один, потом к нему присоединились остальные слоны. Они кружились около него, стучали по земле хоботами и так дружно трубили, что, кроме их крика, ничего не было слышно.

С первого же дня знакомства слоны признали Шанго вожакom своего маленького стада и подчинились ему. Даже Мирза, после того как ей попало за непослушание, перестала

капризничать. Теперь слоны выходили из помещения только вместе, а впереди всегда шёл Шанго. Никакими силами и соблазнами нельзя было выманить слоних из слоновника без Шанго. Он же загонял их вечером обратно в слоновник, подталкивая сзади головой.

Слоны уже не ссорились во время еды и не отнимали друг у друга корм, а если это иногда и случалось, то виновник тут же получал от Шанго удар хоботом.

Зато к людям Шанго стал относиться совсем по-другому. Прежде служители всегда свободно подходили к слонам, клали корм, убирали площадку, а тут Шанго начал их гонять. Поднимет хобот и бежит прямо на человека. Пришлось служителям придумывать всякие уловки, чтобы зайти на слоновью горку. Отвлекали Шанго кормом, а пока он ел, убирали. Только продолжалось это недолго. Как-то раз Шанго заметил служителя и, когда тот подошёл ближе, бросился на него. Служитель хотел убежать, но споткнулся и упал. Все замерли от страха. Кто-то крикнул. Думали, что слон вот-вот раздавит человека. Но слон человека не тронул. Он осторожно поднял его хоботом, поставил на ноги и только тогда, когда тот стал перелезать через барьер, «слегка» ткнул хоботом; но и этого «слегка» было достаточно, чтобы остальную часть барьера служитель перелетел по воздуху.

Хотя слон поступил великодушно, после этого случая желающих заходить к нему больше не стало.

Решили загонять Шанго на время уборки во внутреннее помещение слоновника. Заманивали его кормом, а когда он входил, быстро закрывали дверь. Чтобы закрыть вовремя дверь, требовалась большая сноровка, и делал это всегда опытный и старый служитель. Он давно работал со слонами и хорошо знал их повадки. Иногда Шанго упрямялся и не хотел идти в слоновник. Тогда служитель забирал и уносил корм. Голод брал своё, и слону приходилось подчиняться. Шанго заметил и хорошо запомнил человека, который запирает его в слоновнике и этим доставлял ему столько неприятного.

НЕНАВИСТЬ ШАНГО

Шанго крепко возненавидел своего служителя и всячески старался ему досадить: пытался ударить хоботом, бросал в него камни. Камней на слоновьей горке было много. Шанго выбирал самые крупные, потому что их было удобней брать хоботом, и бросал. Правда, бросал он не очень метко — служитель легко успевал уклониться, — поведению слона никто не придавал значения.

Однако с каждым днём Шанго совершенствовался в своём искусстве. Вся дорожка, по которой ходил служитель, была усыпана камнями. Шанго часами караулил своего недруга у выхода из помещения, высматривал его среди публики.

Служитель старался не попадаться слону на глаза, особенно в то время, когда парк был открыт, чтобы предназначенный ему камень не попал в кого-нибудь из посетителей. И всё-таки, несмотря на всю осторожность служителя, Шанго его чуть не убил. Случилось это так. Служитель зашёл в бухгалтерию. Окна этой комнаты выходили на слоновью горку, и с неё было видно, что делается в помещении. Шанго увидел своего врага.

Никто не обратил внимания, как слон взял камень и подошёл к барьеру. Служитель уже собирался уходить, когда за его спиной раздался звон разбитого стекла и огромный камень просвистел над его головой и упал на письменный стол. Вдребезги разлетелся чернильный прибор, чернила залили бумаги, а в разбитое окно летели другие камни. Прикрываясь папками, едва успели выскочить сотрудники, а разбушевавшийся Шанго ещё долго обстреливал камнями комнату.

После этого случая решили слона опять заковать в цепи. Но заковать себя Шанго не дал. Когда его отделили от слоних, он пришёл в страшную ярость: метался по слоновнику, бил хоботом, ревел, потом начал выламывать рельсы, из которых была сделана перегородка. Он просунул между ними свои огромные бивни, и мы увидели, как под их напором стал медленно сгибаться рельс. Он гнул рельс до тех пор, пока не сломал себе бивень. Бивень хрустнул, обломился и упал, а слон продолжал выламывать рельс другим бивнем. Чтобы Шанго

не сломал второго бивня, пришлось его выпустить опять к слонихам.

Оставалось ещё только одно средство — убрать с площадки камни. Десять человек несколько суток занимались этой тяжёлой работой. Они перерыли всю площадку, выбрали камни, а чтобы не осталось даже маленьких камешков, просеяли землю через специальную сетку.

Но не помогло и это. Буханки хлеба, свёкла, морковь, картошка — одним словом, весь корм, который давали Шанго и слонихам, бросал слон в ненавистного ему человека. Пришлось перевести служителя на другую работу.

КОВАРНЫЙ СЛОН

После ухода ненавистного человека Шанго как будто успокоился. Перестал буяннить и даже к остальным служителям стал относиться лучше. Большую часть дня он грелся на солнышке, а когда становилось слишком жарко, купался в водоёме. Купаться Шанго любил. Он забирался в самое глубокое место, плавал там или с головою погружался в воду и совсем скрывался из виду.

Публика очень любила смотреть, как купается слон, и в это время около него всегда собиралась толпа. А коварный слон набирал полный хобот воды и, как из пожарного шланга, поливал любопытных. Пострадавшие отбегали в сторону, бранились, с их одежды стекала грязная вода. Многие шли жаловаться администрации.

Жалоб поступало так много, что около водоёма пришлось поставить дежурную. Когда Шанго купался, дежурная предупреждала публику, что слон может их облить водой. Очевидно, Шанго нравилось устраивать среди посетителей переполох, и когда его лишили этого удовольствия, он придумал новую забаву: срывать с посетителей шапки. И надо сказать, что проделывал это Шанго очень хитро и ловко. Он даже нарочно подманивал к себе посетителей: клал на барьер хобот и медленно им шевелил. Хобот слона напоминал змею.

Он то изгибался, то слегка вытягивался, то вдруг неподвижно повисал на барьере. Сонно-добродушный вид слона и неподвижно лежавший хобот привлекали посетителей. Они подходили к самому барьеру, трогали хобот, брали его в руки. Слон, казалось, не замечал этого, но стоило неосторожному посетителю подойти слишком близко, как слон обвинял хоботом голову доверчивого человека, ловко срывал с него шапку и тут же её съедал. Это была настоящая охота за шапками, и бывали дни, когда Шанго съедал их по несколько штук.

Особенно нравились Шанго пёстрые дамские шляпы. Однажды он увидел на голове пожилой дамы необычную шляпу: с большими полями и ярким цветком. Слон сразу обратил внимание на шляпу, перешёл на ту сторону, где стояла дама, и стал подманивать её к барьеру.

Как услужливый продавец раскладывает перед покупателем свой товар, так положил перед доверчивой дамой свой хобот хитрый слон. Если же кто-нибудь из посетителей случайно становился между ними, Шанго дул ему в лицо и этим заставлял отойти в сторону. Симпатия слона к даме в шляпе была так заметна, что все обратили на неё внимание. Польщённая посетительница подошла совсем близко и со словами «какой милый слоник» протянула к нему руку. А «милый слоник» только этого и ждал. Сорвал с её головы шляпу и, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, медленно направил её в рот.

Напрасно дама кричала, кидала в Шанго камешками — ничего не помогло. Шляпа с широкими полями и цветком исчезла в пасти слона. Шанго съел её без остатка. После этого случая пришлось поставить к Шанго дополнительных дежурных.

ОПЯТЬ ОДИН

Шанго, как обычно, грелся на солнышке, когда радио принесло весть о войне. Наверно, и слон почувствовал, что всё изменилось с этого дня.

Во-первых, в Зоопарке почти не стало посетителей, куда-то исчезли знакомые служители, и их заменили женщины.

По всему Зоопарку рыли какие-то канавы.

Потом начались тревоги.

Пронзительный, воющий звук сирены неожиданно пререзал привычный городской шум. Он нарастал всё сильнее и сильнее, до тех пор пока в городе не наступала полная тишина, и так же неожиданно обрывался.

Шанго ни разу не слышал воя сирены. Он не был похож на привычный вой зверей, не был похож на обычные городские звуки. Но этот звук почему-то вселял в него беспокойство. Казалось, что теперь всё зависело от этого воя — и то, что слонов загоняли в помещение по нескольку раз в день, и то, что иногда не выпускали вовсе на горку.

Однажды слонов не загнали в помещение совсем. И тут же, после воя сирены, глухие удары разрывов начали сотрясать землю. Слоны сбились у стены слоновника, когда что-то неожиданно со свистом упало неподалёку на площадку. Это была зажигательная бомба.

Она шипела, разбрасывала брызги пламени; горящие струйки растекались во все стороны и грозили зажечь помещение.

Шанго знал, что такое огонь. Ещё в зверинце привык он его не трогать, но и не пугаться. Но тут в этом маленьком горящем предмете он почувствовал врага. Врага, от которого надо защищаться и вместе с тем нельзя трогать. Инстинктивно он стал шарить хоботом камень, чтобы бросить его в горящий предмет, но камня не было. Тогда Шанго захватил хоботом песок и бросил в горящую бомбу. Огня стало как будто меньше. Тогда слон бросил ещё и ещё... Он бросал песок до тех пор, пока бомба не погасла и над местом, где она упала, не образовался холмик. Тогда Шанго поступил так, как поступают на воле с самым ненавистным врагом его сородичи: он стал на холмик ногами и топтал его до тех пор, пока не сровнял с землёй.

После этого слонов, как и других зверей, решили увезти из Москвы. Однако Шанго был в таком возбуждении, что опасался

лись вести его по улицам, и пришлось оставить его в Зоопарке. Но Шанго остался не один.

Когда хотели увести Джиндау, слон ни за что не хотел расставаться со своей подругой; ни на шаг не отпускал её от себя и даже не дал Джиндау подойти к корму, на который её хотели заманить в помещение. Пришлось их оставить вдвоём.

Однако недолго прожили они вместе. Скоро Джиндау заболела. Она перестала купаться в бассейне, не посыпала себя больше песком. Целые дни стояла на одном месте, печально наклонив голову, и не шевелилась.

Шанго беспокоило такое поведение подруги. Он лез к ней с играми, толкал её, как бы приглашая побегать, но Джиндау не двигалась.

Она тонко и жалобно кричала и, когда Шанго продолжал донимать её, отходила в сторону. Через два-три дня Шанго и сам почувствовал, что с подругой творится что-то неладное, и перестал её беспокоить.

С каждым днём ухудшалось здоровье Джиндау. Она отказывалась от самой вкусной пищи. Не помогало ей и лечение.

Говорят, больные слоны перестают ложиться, потому что боятся, что больше не встанут: боятся не поднять своего тяжёлого тела. Не знаю, правда ли это, но Джиндау тоже перестала ложиться. Она спала теперь стоя, прислонившись к стене, а когда шла, было видно, как тяжело передвигает она ноги.

И всё-таки её тянуло на воздух, на солнышко. Как-то днём она хотела выйти, сделала несколько шагов в сторону двери и вдруг тяжело опустилась на пол и легла.

Шанго заволновался.

Он бросился к Джиндау, стал помогать ей подняться. Но Джиндау не поднялась. Тогда Шанго закричал, затрубил, выскочил в другое помещение. Поняв, в чём дело, служители быстро прикрыли за ним дверь. Несколько дней Шанго держали в закрытом помещении. Всё это время напрасно кричал и звал свою подругу Шанго. А когда его выпустили на опустевшую площадку, увидели, как он похудел за эти дни.

Шанго не искал Джиндау. Он взошёл, как всегда, на свой любимый пригорок. Некоторое время стоял неподвижно, потом медленно стал опускать голову. Он опускал её всё ниже, ниже, пока не коснулся бивнями земли. Тогда он стал на колени и глубоко, до самого основания, воткнул бивни в мягкую землю.

Стоял он так долго, не шевелясь, а я смотрела на Шанго и думала о том, как каждый зверь по-своему проявляет горе.

Оставшись один, Шанго опять стал мрачный, угрюмый. Часами стоял он на одном месте или, вытянув хобот, безразлично обходил стоявших у барьера посетителей. И ни один из служителей не мог войти к нему в загон — с такой яростью он на них кидался.

МОЛЛИ

Прошло несколько лет. Кончилась война. Опустевший Зоопарк снова начал пополняться животными. Привезли и новую слониху. Звали её Молли. Молли оказалась совсем ручная и очень послушная. Всю дорогу от вокзала до самого Зоопарка она спокойно шла за своей служительницей и так же спокойно зашла в помещение слоновника.

Поместили её отдельно от Шанго.

Увидев Молли, Шанго разволновался. Он не отходил от перегородки, за которой стояла слониха, просовывал сквозь рельсы хобот, старался её достать. Но ничего не получалось.

Слониха боялась этого незнакомого ей огромного слона и не подходила близко. Она стояла в стороне и не спеша ела свой корм. Зато Шанго не ел совсем. Он то подходил, то отходил от перегородки; потом вдруг взял буханку хлеба и бросил её слонихе.

Трудно сказать, почему так поступил Шанго. Быть может, он просто хотел этим привлечь к себе внимание слонихи. Но когда она, с опаской оглядываясь, подошла, чтобы взять хлеб, Шанго осторожно просунул сквозь перегородку хобот и стал им поглаживать Молли.

После этого Молли перестала бояться своего соседа, а через несколько дней их выпустили вместе на площадку.

Ручная и ласковая Молли хорошо «влияла» на беспокойного Шанго.

Она даже по-своему его «воспитывала». Если Шанго бросался на входящую служительницу, слониха загораживала её собою и не давала в обиду.

Пользуясь таким заступничеством, служители не стали перегонять слона на время уборки. Они подзывали Молли и под её «охраной» подметали, чистили загон, давали слонам корм.

Постепенно Шанго привык к тому, что трогать служителей нельзя, перестал на них набрасываться, и теперь уже никто не жаловался на его беспокойный характер.

МАЛЕНЬКИЙ МОСКВИЧ

Два года прожили слоны вдвоём, а на третий в Зоопарке произошло большое событие — у Молли родился слонёнок.

Это был первый случай рождения слонёнка в неволе; до этого слоны в неволе никогда не размножались.

Родился слонёнок ночью. Утром, когда пришли служители, он уже стоял у матери под животом, а Шанго забился в самый угол загона. Наверно, его прогнала туда Молли, потому что как только он сделал попытку выйти, Молли грозно заревела, и он опять поспешно стал на прежнее место.

Чтобы не беспокоить Молли, слонов пришлось разъединить. Молли с малышом оставили в том же загоне, где они находились, а Шанго перевели в соседний. Впрочем, для этого даже не пришлось затрачивать усилия. Видно, Шанго сам был рад уйти от грозной мамы. Едва открыли ворота, как он тут же поспешил проскочить мимо Молли, но она всё же успела наградить его основательным ударом хобота.

После того как перевели Шанго, Молли стала гораздо спокойней. Она уже не так старательно загораживала собой малыша и даже позволяла служителям к нему подходить и трогать.

С первых же дней после рождения слонёнок уже крепко

держался на ножках. Он даже пытался отходить от матери и всё порывался приблизиться к ограде, за которой находился Шанго.

Шанго тоже интересовался слонёнком. Протягивал к нему между рельсами свой огромный хобот и всё старался до него дотянуться.

Но Молли бережно охраняла малыша, никуда его от себя не отпускала, и стоило сделать слонёнку хоть несколько шагов в сторону, как она тут же загораживала ему дорогу и подпихивала под себя хоботом.

Такая забота не совсем нравилась малышу. Кругом было столько интересного, хотелось побегать, поиграть, а тут приходилось стоять около матери. Слонёнок тонко, капризно кричал, топал ножками и старался удрать.

Постепенно Молли стала отпускать его от себя порезвиться. Трудно себе даже представить, как забавно он играл: под-

прыгивал, приплясывал, топал ножками, неуклюже скакал вокруг слонихи. Он всё время приставал к ней, хватал её хоботком за ноги, за хвост и, если она ела, бесцеремонно залезал к ней хоботом прямо в рот и старался вытащить оттуда еду.

Бегая теперь по площадке, малыш часто подходил к самой ограде, за которой стоял Шанго. А как-то раз, когда слониха отвернулась в сторону и занялась едой, вдруг совсем неожиданно протиснулся между рельсами и очутился в загоне у Шанго.

Шанго, видимо, страшно обрадовался такому гостю; он начал трогать его хоботом, обнюхивать... Не растерялся и слонёнок. Он заигрывал с Шанго, хватал его за бивни, насккивал на него, а этот огромный, могучий слон осторожно переступал с ноги на ногу, чтобы как-нибудь нечаянно не повредить малыша.

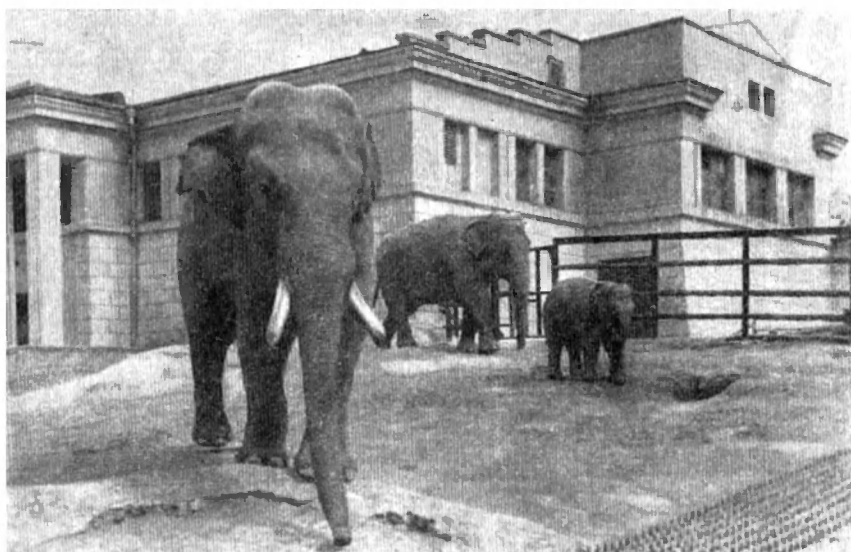
Зато как испугалась Молли, когда увидела слонёнка возле Шанго! Подняв хобот, она бросилась к ограде и стала громко, тревожно трубить.

Слонёнок очень неохотно вернулся на её призыв. Тут Молли принялась его ощупывать, обнюхивать и наконец, убедившись, что он цел и невредим, наверно в виде наказания, загнала его хоботом под себя.

Однако с этого дня слонёнок стал всё чаще и чаще ходить «в гости» к Шанго. Молли к этому постепенно привыкла, и тогда решили открыть в изгороди ворота, чтобы слоны могли находиться вместе.

К этому времени слонёнок порядочно подрос. Он уже с трудом пролезал под матерью, но по-прежнему оставался таким же весёлым, игривым. И игры его стали значительно разнообразнее. Он отлично научился владеть своим хоботком и хватал им всё, что ему попадалось.

Принесут, бывало, слонам овощи, а слонёнок подбежит, выхватит из ведра свеколину хоботком и начнёт с ней, как с мячом, играть: бросит на пол, свёкла катится, а он бежит за ней, ножками поддаёт, ну совсем будто в футбол играет. Или наступит, ножкой раздавит свеколину и покатится, как

на коньке. А то ещё принесут слонам отруби, высыплют в кормушку, тут слонёнок всеми четырьмя ногами в кормушку залезет, топтать их начнёт, а то ещё сядет на них, как на перину, никак вылезать не хочет. А слониха стоит и ждёт, пока сынок баловаться кончит.

Чаще всего он разыгрывался именно в то время, когда приносили корм, и мешал родителям есть.

Однажды, когда слонам дали сено, слонёнок лёг на него, начал валяться, даже пытался перекувырнуться: головку вниз наклонит, упрётся лбом в сено, а заднюю ножку вверх поднимет. Долго играл слонёнок. Всё это время Молли терпеливо ждала, когда её сынок перестанет развлекаться и даст ей поесть.

Но Шанго, видимо, оказался не так терпелив. Он подошёл к слонёнку, попробовал вытащить из-под него сено, потом подsunул под него хобот, пытаясь приподнять озорника. Но слонёнок никак не хотел вставать. Тогда Шанго взял хоботом его за хвост и довольно сильно дёрнул. Слонёнок вскочил. А Шанго мигом перехватил его хоботом за ухо и, потре-

пав, отвёл в сторону, потом вернулся и спокойно принялся за еду.

По-видимому, такое наказание подействовало на шалуна, потому что с тех пор стоило Шанго подойти к кормушке, как слонёнок тотчас переставал баловаться и отходил в сторонку.

Вообще же он был страшный непоседа и если не лез с играми к родителям, то начинал приставать к служительнице.

Как только она входила в загон, слонёнок со всех ног бежал к ней. И прежде всего засовывал свой хоботок в карман халата — там у служительницы всегда был приготовлен для него кусочек сахара.

Слонёнок вытаскивал сахар и отправлял себе в рот. Потом он начинал теревить служительницу за халат, за юбку, за кофту. Ему хотелось, чтобы с ним поиграли. Он протягивал ей то переднюю, то заднюю ножку, то подставлял бочок, чтобы его почесали.

Однажды служительница взяла свежий берёзовый веник и начала им чистить слонёнка. Слонёнок был очень доволен. Он поворачивался то одним, то другим боком, а потом вдруг изловчился, вырвал хоботом веник — и бежать. Чего он только с ним не проделывал! Начал по полу размахивать, только опилки в разные стороны полетели. А потом подбросил, опять подхватил, опять подбросил, размахнулся им и прямо попал в Шанго.

Но Шанго сразу прикончил это веселье. Он забрал веник хоботом, опустил его в рот и с аппетитом съел. Так на этом игра и кончилась.

Пока слонёнок был совсем маленький, ему давали самые различные имена. Один служитель называл его Милок, другой — Сынок, третий — Малыш...

Когда же малышу исполнился год, то настало время ему дать настоящую кличку. Долго не могли решить сотрудники Зоопарка, как бы лучше назвать слонёнка. Наконец после долгих споров остановились на кличке Москвич. Это была самая подходящая для слонёнка кличка, потому что он родился в Московском зоопарке.

Когда Москвичу исполнилось три года, он так вырос, что стал ростом почти с мать. Москвич по-прежнему был большой шалун, однако Шанго он слушался, и вся слоновья семья мирно проживала в Зоопарке.

МАРЬЯМ И ДЖЕК

Небольшой пограничный отряд неожиданно наткнулся на медведицу. Медведица поднялась на дыбы и пошла навстречу людям.

Грянул выстрел. Зверь заревел, сделал несколько шагов и рухнул.

Когда люди подошли к убитому зверю, то в нескольких шагах от него увидели маленького медвежонка. Медвежонок растерянно оглядывался по сторонам и искал, куда же делась его мать.

Пограничники взяли малыша с собой и привезли в часть. Назвали его Марьям.

Марьям была совсем маленькой, такой маленькой, что когда вставала на задние лапы, то даже не могла достать до колен сержанта Петрова, который взялся ухаживать за малышом. Кормил его Петров из соски молоком, а спал медвежонок у него в комнате, прямо на кровати. Петров очень привык к своему питомцу и проводил с ним почти всё свободное время.

Но не только один Петров так относился к медвежонку. Скоро маленькая Марьям стала общей любимицей. Да и нельзя было не любить её, до того она была забавной, пушистой, приятной — ну совсем как плюшевая игрушка.

Утром Марьям вставала вместе со всеми бойцами. По сигналу «подъём» сразу вскакивала и спешила на физическую зарядку, а во время завтрака всегда старалась попасть в столовую. Правда, её туда не пускали, но стоило не запереть на крючок дверь, как малышка тут же открывала её лапками и стремглав бросалась к столам. А как трудно было её выпроводить обратно!

Медвежонок так кричал, сопротивлялся и так смешно просил угощения, что каждый старался сунуть маленькой попрошайке что-нибудь вкусное.

Марьям росла совсем ручной. К тому же у неё был на редкость покладистый характер. Обычно медведи очень вспыльчивы, непостоянны и могут ни с того ни с сего укусить своего хозяина. С Марьям этого никогда не случалось.

Почти до июля прожил медвежонок в части. В июле, когда Марьям исполнилось четыре месяца, её постоянный воспитатель Петров уезжал в отпуск. Ехать он должен был через Москву, и пограничник решил передать Марьям в подарок Московскому зоопарку.

НЕУДАЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Когда Марьям привезли в Зоопарк, её поместили на площадку молодняка. В это время там уже находилось много разных зверят: динго, лисята, волчата, маленькие львята и несколько медвежат. Увидев новичка, они все разом устремились к нему. Каждый спешил с ним познакомиться, поиграть. Однако Марьям, которая спокойно шла за людьми через весь Зоопарк, неожиданно испугалась. Она никогда до этого не встречала никаких зверят и теперь, увидев их, заревела и бросилась бежать. Приняв это за желание поиграть, все зверята погнались за ней.

Сделав два круга по площадке, с выпученными от страха глазёнками, Марьям забилась в угол. Когда же к ней приблизились её собственные собратья-медвежата, она стала во весь свой маленький рост и угрожающе заревела.

Медвежата и другие зверюшки отошли от не желающего с ними познакомиться новичка. Они стали играть между собой и больше не обращали на Марьям внимания.

Весь день просидела Марьям в своём убежище. Вышла она лишь после того, как зверята, пообедав, легли отдохнуть. Она ходила между спящими зверятами по площадке, кричала, а как только они встали, опять забилась в угол.

На другой день повторилось то же самое. И дежурные и

зоотехники несколько раз пытались познакомить медвежонка с обитателями площадки, но Марьям, которая была такой ручной и так хорошо шла к людям, никак не желала знакомиться с животными. Всё время проводила она, забившись в угол, а ночами жалобно кричала и дёргала лапами дверь. Пришлось медвежонка с площадки молодняка взять и поместить в секцию выездных животных.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Секция выездных животных находилась около служебного входа в Зоопарк. Это был небольшой огороженный дворик. По одну сторону дворика стоял длинный ряд клеток, и в нём помещались самые различные животные.

Сначала Марьям посадили в клетку. Но она привыкла жить на свободе, среди людей, и никак не могла привыкнуть к неволе. Целые дни она лежала около решётки, жалобно стонала и почти ничего не ела. Заведующей секцией, Галине Григорьевне, стало жаль медвежонка, и она решила его выпустить во дворик, где бы он мог побегать и повозиться.

Марьям очень веселилась, когда её выпускали. Она вспоминала все свои фокусы, которые умела делать: ходила на задних лапах, кувыркалась через голову или смешно вытягивала переднюю лапу и просила, чтобы её угостили.

Она так забавно всё это проделывала, так примерно, совсем не по-медвежьи, вела себя даже в помещении, что её стали запирают в клетку только на ночь.

Остальное время Марьям проводила во дворе или в служебной комнате.

Однако держать медвежонка на свободе, даже очень послушного и ручного, было нелегко. Не все сотрудники Зоопарка знали, что Марьям ручная и, заходя во дворик, пугались её. Случалось и так, что забывали закрыть калитку, медвежонок выскакивал, и его приходилось ловить. А поймать такого шалунишку было не всегда легко. Иногда он давался сразу, а иногда, желая поиграть, спешил удрать или залезал на дерево, Вот тут-то приходилось помучиться. Забравшись

на дерево, Марьям проводила там и два и три часа, а пока она проделывала свои акробатические номера, Галина Григорьевна сидела под деревом и караулила беглянку.

Потом ещё Марьям нравилось с кем-нибудь бороться, а так как товарища по играм у неё не было, то она приставала к служителям, мешала им работать.

Несколько раз пробовала Галина Григорьевна познакомить её с кем-нибудь из животных, но Марьям по-прежнему их дичилась и не желала играть.

МАРЬЯМ НАХОДИТ ДРУГА

Товарища для игры Марьям нашла себе сама, и совсем случайно. Это был шестимесячный щенок из породы эрдель-терьеров. Звали его Джек.

Джек тоже сидел в одной из клеток. Поместили его туда недавно, и он ещё скучал по своему хозяину: лежал в углу и ко всему относился безразлично.

Вот этим Джеком и заинтересовалась Марьям. Когда её выпустили погулять, она долго ходила около клетки с собакой, обнюхивала её. Потом приподнялась на задние лапы и стала обследовать дверь. На двери висел замок, но не закрытый. Медвежонок тронул его лапой и потянул. Замок упал, и дверь приоткрылась.

Увидев открытую дверь, Джек вскочил и радостно бросился во дворик. Но дворик был закрыт, и выхода из него не было. Джек обернулся и только тут увидел около себя медвежонка.

Шерсть у щенка поднялась дыбом, он зарычал и слегка куснул медвежонка около уха. Поведение собаки Марьям приняла за игру. Она весело мотнула головой, потом подвернула её под себя и перекувырнулась.

Джек опять слегка куснул медвежонка, но уже не рыча, и Марьям опять перевернулась через голову. А когда пришла Галина Григорьевна, то медвежонок и собака уже весело гонялись друг за другом.

С этого дня они стали неразлучными друзьями. Если первым выпускали на прогулку Джека, то он сразу бежал к Марьям и вертелся около её клетки. Что же касается Марьям, то она просто-напросто сама открывала лапами дверь и выпускала собаку.

Всё лето их пускали играть во дворик, но жили они в разных клетках, а когда наступила осень и пошли дожди, их посадили вместе и поставили большую, просторную конуру, в которой каждый выбрал себе место. Марьям устроилась у выхода, а что касается Джека, то он всегда прятался за Марьям. За спиной медведя было теплей и совсем не задувал ветер.

НЕРАЗЛУЧНИКИ

Пока Марьям сидела отдельно от Джека, она как-то мирилась с тем, что их разлучали. А происходило это в то время, когда Марьям брали на выезды. Она хоть и поглядывала на клетку с собакой, но всё же спокойно шла за человеком, послушно влезала в машину и садилась в транспортный ящик. Но как только к Марьям поместили собаку, всё сразу изменилось. Теперь Марьям ни за что не хотела расставаться со своим другом. Когда её попробовали взять на выступление, а собаку оставить, она кричала, упиралась и ни за что не хотела лезть в машину одна. Справиться с годовалым медведем было трудно, пришлось вместе с ней брать и Джека.

Вместе их и выводили на сцену. Причём, если медвежонок иногда упрямился, Джек хватал его за ухо и тащил за собою. На такое обращение Марьям не сердилась, и стоило Джеку схватить её за ухо, как она тут же успокаивалась и послушно следовала за собакой.

НА СЪЕМКЕ

Когда Марьям исполнилось четыре года, она стала большой, красивой медведицей. Джек теперь перед ней казался совсем маленьким, но они по-прежнему жили в одной клетке, по-прежнему их возили вместе на выступления, а когда Марья-

ям не слушалась, то Джек, как и раньше, брал её за ухо, и она послушно шла за ним. Они никогда не расставались, и их всегда брали вместе. В это время для кинокартины «Повесть о настоящем человеке» нужно было снять встречу раненого Мересьева с медведем. Это был очень трудный и ответственный эпизод. Сначала хотели взять дрессированного медведя из цирка и снять его не с человеком, а с восковой куклой. Сценарий дали посмотреть артисту Кадочникову, который должен был играть роль героя картины Мересьева.

— А что, если взять медведя из Зоопарка?— предложил Кадочников.

Перед этим он снимался в картине «Робинзон Крузо» и среди ручных зверей Зоопарка приобрёл немало друзей.

Режиссёр согласился и поехал договариваться в Зоопарк. Когда же он увидел Марьям и ему показали, какая она ручная, он тут же, не откладывая, заключил договор. А на следующий день Галина Григорьевна со своими питомцами выехала на место съёмки.

До Звенигорода доехали хорошо. Дальше надо было ехать в сторону от шоссе по узкой просёлочной дороге, по которой не могла пройти машина. Пришлось звонить по телефону и вызывать из колхоза лошадь.

— Ничего не выйдет,— сразу отказал председатель,— наши лошади к медведям не привычны, разнесут или ещё ноги себе поломают.

— Что же мне теперь делать? Не на руках же тащить медведя! Ну пришлите хоть какую-нибудь клячу!— взмолился администратор картины.

— Кляч у нас не имеется,— обиделся председатель.— У нас все лошади хорошие, племенные, а если хотите, пожалуй, быка пришлю,— тут у нас один такой имеется, воду на скотный двор возит. Смирный бык, ленивый — он, пожалуй, бочку от медведя не отличит.

Конечно, ехать на быке было не очень заманчиво, но другого выхода не было, и пришлось согласиться.

Бык пришёл часа через два. Он был откормленный, жирный и, по-видимому, действительно очень ленивый, потому

что еле-еле ташил за собой пустые сани. Управлял быком молодой парень. Он подъехал к самому ящику, бросил вожжи и подошёл посмотреть медведя.

— А не уйдёт «транспорт»?— спросила его Галина Григорьевна.

— Не уйдёт,— уверенно возразил парень.— Он у нас ленивый.— И, хозяйски оглядев медведя, добавил:— Ну что ж, грузить, что ли? А то с таким «транспортом» не скоро доберёшься.

Парень ещё немного пододвинул сани, рабочие погрузили ящик с медведем и собакой. Галина Григорьевна стала сзади на сани, а остальные решили идти пешком. Парень сел на ящик, взял вожжи и крикнул:

— Но, Яшка, пошевеливай!

Бык тяжело вздохнул и тронулся с места.

— Ишь ленивый! За всю жизнь из шага не вышел...

Парень хотел ещё что-то сказать обидное про быка, но тут случилось совсем непредвиденное: сделав ещё два-три шага, бык неожиданно рванулся и, задрав хвост, помчался вскачь. Возница свалился в снег, Галина Григорьевна уцепилась за ящик, Марьям заревела, залаял Джек.

— Тпру! Тпру! — кричал вскочивший возница, напрасно пытаясь догнать быка.

Перепуганный рёвом медведицы, бык понёсся ещё быстрее. С невиданной быстротой проскакал он по деревне и как был, с санями, ворвался в открытую дверь скотного двора. Сани застряли в дверях, но ненадолго задержали «скакуна». Сорвав оглобли и волоча их за собою, он бросился к себе в стойло.

К счастью, всё обошлось благополучно. Подбежавшие на помощь колхозники отодвинули в сторону сани с ящиком. Кто-то принёс Марьям и Джеку миску с молоком и хлебом, а когда прибежали возница и сотрудники киногруппы, то медведица уже доедала свою порцию и просила ещё.

Поместили Марьям и Джека у одной старушки в хлеву. Правда, корову пришлось убрать к соседям, но в остальном всё устроилось очень хорошо.

На другой день надо было ехать на съёмку, но дело опять стало из-за транспорта. Везти медведя на непривычных лошадях рискованно, а машина в лесу не пройдёт. Наконец, после долгих споров и предложений, пришлось всё же остановиться на быке. Однако теперь уже, прежде чем им воспользоваться, решили приучить его к запаху и виду медведя. Взясась за это дело Галина Григорьевна.

Быка перевели в хлев, где стоял ящик с медведицей. Положили ему в кормушку побольше корма, а самого быка крепко-накрепко привязали к столбу, чтобы он не мог сорваться. Но, ко всеобщему удивлению, бык на этот раз даже не обратил на медведицу внимания. Он сразу принялся за вкусные корнеплоды, а когда Марьям, недовольная тем, что угостили не её, заревела, бык, не отрываясь от корма, только скосил в её сторону глаза.

Со съёмкой надо было торопиться, потому что стоял конец марта и днём на солнышке снег быстро таял. По картине же требовались зима и снег.

Поэтому режиссёр не стал откладывать дело и, убедившись, что бык действительно спокойно относится к зверю, решил в тот же день выехать на съёмку.

И вот Марьям в лесу. Первый раз в жизни она на свободе, в настоящем «таёжном» лесу.

Осторожно ступают мохнатые лапы зверя. Марьям пригибается, принюхивается к новым, незнакомым ей запахам, прислушивается. Сейчас она совсем не похожа на ручного медведя. Глядя на неё, кажется, что это идёт настоящий дикий зверь, никогда не встречавший человека. Оператор вертит ручку киноаппарата. Он спешит заснять каждый шаг, каждое движение медведя.

Всё шло как нельзя лучше. Марьям быстро освоилась с новым местом и послушно шла в ту сторону, куда её манила Галина Григорьевна. Но вот в один из проходов медведица неожиданно провалилась в яму, и, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, Марьям с испуганным рёвом выскочила из ямы и скрылась в лесу.

О том, чтобы догнать медведя, не могло быть и речи. Пришлось скорей бежать в деревню за Джеком.

Привели Джека, пустили, и он в одно мгновение скрылся тоже. Следом побежали Галина Григорьевна, подсобные рабочие, администратор. Сначала бежали по следу, потом услышали лай Джека и побежали ему наперерез.

Первой выбежала на шоссе Галина Григорьевна, и то, что она увидела, заставило её остановиться. Посреди дороги стояла легковая машина «Москвич», около неё с лаем прыгал Джек, а поодаль стоял в некоторой растерянности, по видимому, владелец машины.

Галина Григорьевна сразу догадалась, в чём дело. И действительно, когда она подбежала и заглянула внутрь машины, то увидела сидящую там Марьям.

Долго потом смеялись Галина Григорьевна, работники киногруппы да и сам владелец машины над тем, как медведица завладела его «Москвичом».

— И надо же было такому случиться! — рассказывал он. — Еду я по шоссе, смотрю — навстречу медведь бежит и прямо

в лоб моей машине. Дай, думаю, остановлюсь, ему дорогу уступлю. Отъехал в сторону и остановился, а медведь — прямо к машине. Схватил лапами за ручку и дёргает. Я к себе дверь, а он к себе. Выскочил я из машины, а он залез в неё и сидит. Тут, смотрю, следом собака бежит. Подбежала и лает. Ну, думаю, значит, медведь ручной. Да только как с ним быть, не знаю. А тут как раз вы подоспели.— И, обернувшись к Марьям, со смехом добавил: — Отдохнули в машине — и хватит. Теперь вылезайте.

Однако Марьям и не думала вылезать. Тут Галина Григорьевна вспомнила, что у неё в кармане лежит сахар, и показала его Марьям.

Марьям была большая сладстёна. Она увидела сахар и поспешила вылезть из машины.

Потом медведице надели на шею ремень и под надёжным конвоем повели обратно на киносъёмку. Ещё надо было снять оскаленную морду зверя, и режиссёр настаивал, чтобы это сделали обязательно сегодня.

Сделать это было совсем нетрудно. Марьям поставили перед аппаратом, и Галина Григорьевна тихонько пустила ей в нос дым от папиросы — Марьям оскалила зубы, сморщила нос и чихнула.

— Будь здорова! — сказал режиссёр.— А ну-ка, давайте повторим.

Опять пустили дым — Марьям снова оскалилась и стала тереть лапой нос.

— Не годится, момент испорчен, надо ещё повторить,— отдал снова приказание режиссёр.

Но повторить не пришлось: Марьям, по-видимому, надоело нюхать табачный дым — трясая головой и чихая, пустилась она наутёк.

Снова, весело лая и очень довольный такой игрой, погнался за ней Джек. Снова пришлось бежать Галине Григорьевне и другим сотрудникам за беглянкой.

Бежала Марьям теперь по чаще, и пробираться за ней по кустам, да ещё по глубокому снегу, было очень трудно. Догнали Марьям около большого поля. Она ходила, что-то вы-

капывала из-под снега и ела, но, увидев приближающихся людей, опять побежала.

— Не могу больше! — остановилась Галина Григорьевна, задыхаясь и еле переводя от усталости дыхание. — Она просто разыгралась и теперь будет убегать.

С этими словами Галина Григорьевна решительно повернулась и пошла назад. Джек посмотрел на хозяйку и побежал следом за нею, а за ними во всю свою медвежью прыть припустилась Марьям. Так и дошли они до места: впереди Галина Григорьевна, а за нею — собака и медведь.

Когда сняли медведя в лесу, оскаленную морду и другие моменты, наступило время съёмки самого трудного эпизода. Надо было заснять лежащего на снегу артиста, а рядом с ним стоящего медведя. Медведь должен был обнюхать человека и разорвать на нём куртку.

Потом все эти отдельные кусочки будут смонтированы, и зритель увидит на экране всю сцену.

Ещё задолго до съёмки Кадочников начал приручать к себе Марьям. Он заходил к ней, кормил, ласкал, выпускал на прогулку. Познакомился с характером медведя, с его привычками. И всё-таки в день съёмки основного эпизода все очень волновались. Кто знает, как поведёт себя медведь: а вдруг схватит лежащего человека за лицо и его изуродует? Место, на котором должен был сниматься этот эпизод, заранее окружили милицией, чтобы никто не мог пройти из посторонних и помешать съёмке. Вся аппаратура была заранее расставлена, все стояли на своих местах, и только потом привезли Марьям.

Когда Марьям выпустили, Кадочников уже лежал на снегу, загримированный и одетый лётчиком. Марьям осмотрелась и направилась прямо к нему. Кругом стояла мёртвая тишина. Все замерли.

Одна Галина Григорьевна чуть вышла вперёд и с напряжением вглядывалась в каждое движение зверя. Вот он подошёл к лежащему человеку... вот нагнулся, нюхает ему лицо, трогает зубами... Кадочников лежит. Он чувствует на своём лице близкое дыхание зверя. Ему, как и Мересьеву, безумно

хочется вскочить, но огромным усилием воли он сдерживается и лежит неподвижно, как мёртвый. Обнюхав лицо человека, Марьям переходит к обследованию его куртки, и все облегчённо вздыхают. Марьям нюхает куртку, от неё пахнет чем-то очень вкусным; медведица отлично знает, как её поступить, чтобы получить лакомый кусочек. Ведь не раз Кадочников нарочно прятал себе в карман что-нибудь вкусное и учил Марьям, как надо доставать.

Огромными, сильными когтями разрывает медведица куртку, достаёт спрятанный кусочек и отходит. Отходит она потому, что Галина Григорьевна машет ей руками и высыпает на землю целый пакет сахара. Марьям бросается к сахару. Съёмка окончена.

Все ласкают Марьям, наперебой расспрашивают Кадочникова, как он себя чувствовал во время съёмки.

— Нельзя сказать, что очень хорошо, — смеётся он. — Особенно было неприятно, когда сия медведица взяла меня за нос. Ну, думаю, сейчас откусит. Но, к счастью, она ограничилась тем, что слизала грим. Что, сахар вкуснее? — И просит добавить Марьям ещё один пакет за хорошую игру.

Покончив с сахаром, Марьям послушно направляется в свой ящик. В этот же день медведицу вместе с Джеком отправляют обратно в Зоопарк. Везёт её на станцию ленивый бык. Не спеша, еле-еле тащит он сани, а за санями бегут ребятишки из колхоза, и каждый старается бросить что-нибудь вкусное в клетку. На шоссе уже ждёт машина, и через несколько часов Марьям с Джеком дома.

Марьям спит у себя в конуре, а сзади, согревшись от её теплой шубы, крепко спит Джек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До шести лет жили Марьям и Джек в Зоопарке. Марьям по-прежнему была ручной, ласковой медведицей, но брать её на лекции теперь опасались. Особенно после того, как она однажды сорвалась с привязи и, вместо того чтобы идти на

сцену, отправилась в буфет. Нашла Марьям его довольно быстро, и, пока перепуганная буфетчица, сообразив, откуда взялся у неё за прилавком медведь, бегала за помощью, Марьям успела съесть не только все сладости и фрукты, но и выпить вино.

Справиться с опьяневшей медведицей было, конечно, нелегко. Она никак не хотела уйти, оставив недоеденной закуску. С большим трудом удалось с помощью Джека водворить её на место, но выступать она, конечно, уже не могла.

После этого случая Марьям перестали брать на выступления, перевели на Новую территорию Зоопарка и поместили в просторном выгуле вместе с другим медведем, по кличке Шалун. Сначала Марьям как будто обрадовалась новому приятелю. Не ссорилась с ним, играла, потом вдруг совсем неожиданно стала скучать по собаке. Целые дни ходила по загону, ревела. Скучал и Джек. Тогда их решили опять посадить вместе и отправить в один из зверинцев.

Когда после месячной разлуки собака и медведь встретились, то Джек от радости визжал, а Марьям всё старалась обхватить лапами его шею и лизнуть в морду.

В зверинце их тоже поместили в одну клетку.

Прошла осень. Наступила зима. Марьям и Джек по-прежнему жили вместе. Правда, последнее время Марьям перестала играть. Она устроила в клетке что-то вроде логова. Сгребла туда подстилку и целые дни лежала, а в феврале у Марьям родились два медвежонка.

Когда раздался писк, Джек очень заинтересовался. Он подбежал к Марьям и всё старался понюхать малышей. Первое время Марьям загораживала их лапами от любопытного Джека, потом успокоилась и разрешила собаке не только нюхать, но и трогать малышей. Интересно отнёсся Джек к такому разрешению. Он проводил около малышей почти целые дни. Старался поближе к ним лечь, лизал их, а когда медвежата кричали, начинал волноваться и скулить.

Однажды он даже попробовал перенести малышей в другое место. Взял медвежонка за шиворот и потащил, но тут уж

вмешалась мамаша, отняла малыша от чересчур заботливой няньки и унесла его обратно в свой угол.

А сколько весёлых минут доставила эта интересная группа посетителям зверинца! Особенно когда медвежата начинали играть. Зачинщиком почти всегда был Джек: то он теребил за пушистую шёрстку медвежат, и они, смешно махая лапками, лезли к нему бороться, то, лая, спешил от них удрать, а те, неуклюже переваливаясь, старались его догнать.

Почти до осени прожили вместе медвежата, Марьям и Джек. Потом медвежат пришлось отправить в другой зоопарк, так как в клетке стало слишком тесно. Что же касается Марьям и Джека, то они остались жить вместе, по-прежнему дружили и никогда не ссорились.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Крокодилы	11
Посылка	—
По часам	14
Соперники	16
На летнюю квартиру	18
Хвастливый стекольщик	20
Интересное событие	23
Тайна маленького геккона	25
Кондор	33
Росомаха	38
Кровожадный зверёк	42
Необычная клетка	47
Мусик	52
Первые затруднения	55
Проказник	57
На новом месте	59
Обучение Мусика	60
Встреча	63
Волк вернулся в клетку	64
Крылатый друг	72
Лебеди	—
Первый выводок	73
Питомец	76
Крылатый друг	78
Как зоотехник перехитрил оленей	80
Медвежонок	83
Копуша	—
В гостях у ребят	85
Неудавшаяся съёмка	86
Гнездо 13	89
Белла	95
Живой подарок	100
Лисок становится взрослым	102
На новом месте	103

Догадливый лев	108
Галины питомцы	111
Экзамен	121
«Домовой» в Зоопарке	123
Невыдуманный случай	127
Вайгач	131
Уголёк	136
Случай с оленем	142
Шанго	145
На свободе	147
Ненависть Шанго	149
Коварный слон	150
Опять один	151
Молли	154
Маленький москвич	155
Марьям и Джек	160
Неудачное знакомство	161
На новом месте	162
Марьям находит друга	163
Неразлучники	164
На съёмке	—
Заключение	171

Для начальной школы
Вера Васильевна Чаплина
ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

Рассказы

Ответственный редактор
С. В. Орлеанская

Художественный редактор
С. И. Нижняя

Технический редактор
Е. В. Буташина

Корректор
Л. В. Савельева

ИБ № 10150

Сдано в набор 24.07.87. Подписано к печати
22.12.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсет. № 1.
Шрифт литературный. Печать офсет. Усл. печ.
л. 11,0. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд. л. 8,43. Тираж
300 000 экз. Заказ № 1691. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы
народов издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия
СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата
РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46.

55 коп.

«Я верю, что любовь к природе, к животным и забота о них развивают лучшие черты характера человека.

Больше всего в человеке ценю доброту, порядочность, мужество».

В. Чаплина

